

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Уафа Лолита Эдуардовна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОТИВНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ
СПОСОБЫ**

5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Лучинская Елена Николаевна

Краснодар – 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические предпосылки исследования эмотивности	11
1.1 Основные достижения лингвистической теории эмоций	11
1.2 Содержание понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности и их разграничение	14
1.3 Языковые средства выражения эмотивности	23
1.3.1 Морфологические средства выражения эмотивности.....	23
1.3.2 Синтаксические средства выражения эмотивности	27
1.3.3 Лексические средства выражения эмотивности	35
1.4 Неязыковые средства выражения эмотивности.....	42
Выводы к главе 1	48
Глава 2. Вербальные и невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе	51
2.1 Взаимоотношение языка, эмоций и политики в лингвистических исследованиях	51
2.2 Понятие политического дискурса в современной лингвистике	56
2.3 Структура, формы и функции политического дискурса	61
2.4 Вербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе	66
2.5 Невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе	84
Выводы к главе 2.....	103
Глава 3. Эмотивность в идиостиле политика	106
3.1 Создание образа как инструмент эмоционального воздействия	106
3.2 Идеологемы как средства эмоционального воздействия	116
3.3 Особенности идиостиля англо- и русскоговорящих политиков в аспекте эмоционального воздействия	124
Выводы к главе 3.....	132
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	135
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	141

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе. В современной лингвистике уделяется особое место лингвистической теории эмоций, поскольку доказано, что эмоции могут структурировать язык, а язык, в свою очередь, является специфическим инструментом концептуализации и регуляции эмоций. Более того, многочисленные междисциплинарные исследования показали, что язык, эмоции и политика обнаруживают тесную взаимосвязь. Субъекты политической деятельности целенаправленно воспроизводят стратегии коммуникативного поведения, которые направлены на получение живого отклика и реакции различных социальных групп, общностей и иных объектов политической жизни. Именно обращение к эмоциям в речи политиков оказывает решающее влияние на мнение граждан, побуждает их к принятию тех или иных политических решений. Эмотивная коммуникация оказывает речевое воздействие на адресатов, формируя определенное отношение к тем или иным явлениям общественной жизни. **Актуальность** исследования обусловлена возрастающим на современном этапе развития языкознания интересом к проблеме концептуализации внутреннего мира субъектов политического дискурса.

Степень изученности проблемы. Существенный вклад в изучение эмоций в языке внесла Волгоградская научная школа лингвистики эмоций (1966 г.) под руководством В.И. Шаховского. Его научная деятельность положила начало многим содержательным и результативным трудам о формах вербализации эмоций, функционировании языка эмоций, лингвокультурологии эмоций, об эмотивном коде языка и эмотивной лингвоэкологии (В.И. Шаховский, 1975, 2008, 2019). В ходе развития лингвистики эмоций ученым удалось обнаружить многообразные проявления эмоций, установить, что эмоции не проявляются в чистом виде,

следовательно, их языковая идентификация является субъективной. По этой причине современный подход к изучению эмоций базируется на выявлении вариативных средств их вербализации, а также типов эмотивных комплексов, которые образуются на основе синкретизма разных средств и способов вербальной и невербальной репрезентации эмоций (С.В. Ионова, 2019; М.Р. Желтухина, 2004; Т.Н. Синеокова, 2004 и др.). Идея взаимосвязи рационального и эмоционального в человеке, его языке и речи дала возможность анализировать внутренний мир индивидуума, раскрывать особенности речевой образности, субъективного мира человека и др. (В.И. Болотов, 1986; Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, 2016; М.Р. Желтухина, 2004; А.Б. Зотова, 2010; С.В. Иванова, 2009; А.С. Илинская, 2007, Г.Ф. Коваленко, 2016, Е.Н. Лучинская, 2021 и др.).

В рамках лингвистики эмоций ученые начали выделять эмоциональные составляющие разных видов дискурса. В политическом дискурсе эмоции приобретают комплексный характер, направленный на решение прагматических задач, соответственно, выявляются эмотивные прагматические установки и средства их реализации, рассматривается воздействие (вербальное и невербальное) на политическое сознание адресата с учетом взаимосвязи эмоции и когниции, языка и культуры, и др. (Е.И. Шейгал, 2004; А.П. Чудинов, 2009, 2012; М.Р. Желтухина, 2004; Е.Н. Лучинская, 2019, 2022; Н.А. Сегал, 2019; Д.В. Шапочкин, 2005 и др.).

Научное сообщество проявляет большой интерес к вышеперечисленным проблемам и активно их изучает. Однако немногие ученые совмещают исследование таких направлений, как политический дискурс и лингвистическое проявление эмоций. Кроме того, проблема именно сопоставительного исследования, посвященного рассмотрению эмотивности политических дискурсов разных лингвокультур, недостаточно хорошо изучена в отечественной и зарубежной лингвистике. Мы считаем, что изучение вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе позволит

конкретизировать, а также дополнить имеющиеся на сегодняшний день выводы ученых в области лингвокультурологии и лингвопрагматики речевого общения.

Объектом исследования является эмотивность как средство выражения эмоциональности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Предметом исследования являются способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и описании доминирующих способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе с опорой на анализ эмотивных прагматических установок.

Заявленная цель предопределила постановку и решение следующих **задач**:

1) рассмотреть базовые положения лингвистической теории эмоций и провести дифференциацию понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности;

2) рассмотреть существующие классификации эмотивов различных уровней и проанализировать на их основе материал исследования;

3) определить доминирующие вербальные и невербальные способы репрезентации эмотивности в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей;

4) определить и сравнить специфику репрезентации эмотивности с помощью образных средств и идеологем в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей;

5) выявить идиостилевые особенности англо- и русскоговорящих политических деятелей в рамках эмотивных прагматических установок.

Цель и задачи данной работы, специфика исследуемого материала определили использование ряда общенаучных **методов**, среди которых можно выделить описательный и сопоставительный методы, метод лингвистического наблюдения и контекстуального анализа, а также метод

количественного анализа. Для отбора данных использовался прием сплошной выборки.

Теоретико-методологической базой исследования послужили научные концепции отечественных и зарубежных ученых, разработанные в рамках: *лингвистической теории эмоций* (В.И. Шаховский, Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай, С.В. Ионова, А.Б. Зотова, С.В. Коростова, Н.А. Лукьянова, Л.Г. Бабенко, В.Н. Гридин, В.И. Болотов и др.), *политической коммуникации и политического дискурса* (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, М.Р. Желтухина, Е.Н. Лучинская, Н.А. Сегал, Д.В. Шапочкин, В.И. Карасик, Е.В. Пильгун, Т.А. ван Дейк, Р. Chilton, G.E. Marcus, T. Brader и др.), *невербальной семиотики* (Г.Е. Крейдлин, Н.Б. Мечковская, А.С. Илинская, В.А. Лабунская, М.Л. Бутовская, S. Goldin-Meadow, D. Brentari и др.), *категории образности и экспрессии* (О.А. Крылова, Г.Ф. Коваленко, А.В. Кунин, И.В. Арнольд, Т.Н. Синеокова, Э.М. Береговская, А.С. Илинская и др.).

Материалом для исследования послужили выступления англо- и русскоговорящих политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН с 2018 по 2022 гг., размещенные на официальном сайте ООН. Было проанализировано около 30 видеозаписей выступлений, общей продолжительностью 10 часов, стенограммы которых в общей сумме насчитывают 75210 лексических единиц. Корпус анализируемых примеров составляет 1500 единиц, полученных методом сплошной выборки.

В основе исследования лежит следующая **гипотеза**: в англо- и русскоязычных политических выступлениях на Генассамблее ООН апелляция к эмоциям способствует реализации эмотивной прагматической установки политика, которая заключается в следующем: «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать». Эмотивные вербальные и невербальные средства, посредством которых эта установка эксплицируется/имплицируется, разнообразны и неодинаковы в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем:

1) изучена и описана репрезентация эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе с учетом эмотивной прагматической установки «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать» на новом языковом материале выступлений политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН за последние 5 лет;

2) проведен сопоставительный анализ вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в выступлениях англо- и русскоговорящих политических деятелей на сессиях Генассамблеи ООН, в результате которого между ними выявлены доминирующие способы репрезентации эмотивности;

3) доказано, что политическое публичное выступление на сессиях Генассамблеи ООН – это особый речевой феномен, который в зависимости от множества факторов характеризуется высокой или низкой степенью эмотивности.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что подробное описание и сопоставление способов репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе позволяет расширить представление о роли, функциях и прагматике эмоций. В диссертации проработаны и систематизированы базовые понятия лингвистической теории эмоций, выявлены закономерности проявления эмоций в политическом выступлении, обоснована эмотивная прагматическая установка политического выступления, направленная на эмоциональное воздействие. Материалы и результаты исследования вносят вклад в развитие теории дискурса, политической лингвистики, прагмалингвистики, сравнительно-сопоставительной лингвистики. Выводы и положения данной работы также могут составить теоретико-методологическую базу дальнейших исследований, анализирующих эмотивность в различных жанрах политического дискурса.

Практическая значимость настоящей работы заключается в том, что представленные в ней материалы и результаты могут быть использованы для

разработки лекций и семинаров по теории языка, теории дискурса, риторике, стилистике, лексикологии, лингвокультурологии, а также для развития навыков устного и письменного перевода на занятиях по общественно-политическому переводу.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эмотивность – это средство выражения эмоциональности, результат интерпретации эмоционального состояния с помощью языковых и неязыковых единиц. Эмотивность является неотъемлемым свойством англо- и русскоязычного современного политического дискурса, но способы и частотность их репрезентации различаются от высокой до низкой в английском и русском дискурсах.

2. Доминирующими способами репрезентации эмотивности в русскоязычном политическом дискурсе являются вербальные средства лексического уровня. Лексический арсенал эмоций русскоязычного политического дискурса состоит из *эмотивов-аффективов* (42.4%), *эмотивов-коннотативов* (30.3%) и *эмотивов-потенциативов* (27,3%). В англоязычном политическом дискурсе в репрезентации эмотивности преобладают вербальные средства синтаксического уровня. Эмотивность в англоязычном политическом дискурсе реализуется в 90% посредством приемов *синтаксического повтора, парцелляции, инверсии и асиндетона*, в 50% – *лексического повтора, парентезы*, в 25% – *морфемного повтора, эллиптических конструкций*.

3. Эмотивная прагматическая установка в англо- и русскоязычном политическом дискурсе заключается в следующем: «поделиться своими эмоциями – вызвать эмоции – воздействовать». Идиостиль политика, выражение общепонятных ценностных смыслов, употребление в речи идеологем, создание образов являются эффективными инструментами реализации данной установки. В дискурсе англо- и русскоговорящих политиков наблюдается продвижение схожих ценностных смыслов, связанных с *сотрудничеством, развитием, безопасностью и свободой*,

которые сопровождаются выражением положительных эмоций. В связи с этим как англоговорящие, так и русскоговорящие политики употребляют идеологемы, выражающие ценностно окрашенные идеи, ориентированные на будущее, коррелирующие с эмоциями адресанта, а также направленные на эмоциональное воздействие на адресата. Создание образа как инструмент эмоционального воздействия в англо- и русскоязычном политическом дискурсе реализуется различными средствами. В дискурсе русскоговорящих политиков воздействующий потенциал эмотивности главным образом реализуется при помощи *метафор*, в дискурсе англоговорящих политиков – при помощи *эпитетов, сравнений и гипербол*.

4. Невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе подразумевают выражение эмоций с помощью экстралингвистического инструментария, а именно жестов, мимики, интонационных изменений. В дискурсе русскоязычных политиков наблюдается низкая частота употребления невербальных знаков, поскольку они способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли говорящего. В дискурсе англоязычных политиков, напротив, имеет место высокая частотность употребления невербальных знаков, поскольку говорящий стремится передать весь спектр переживаемых эмоций и создать впечатляющий эффект.

5. Степень интенсивности эмотивности зависит от лингвокультуры, условий политической коммуникации, эмоционального настроения коммуникантов. Русскоязычному политическому дискурсу свойственна эмотивная сдержанность, лаконичность и умеренность. Англоязычный политический дискурс, напротив, отличается более выраженной эмотивностью.

Достоверность результатов исследования подтверждается большим объемом изученного материала, служащего обоснованием для приведенных в диссертации выводов и положений, а также применением надежных методов

исследования, которые соответствуют поставленным в работе целям и задачам.

Личный вклад автора заключается в непосредственном участии на всех этапах исследования, начиная от сбора, обработки, анализа материала, постановки цели и задач исследования, а также их реализации до отражения результатов в публикациях и научных докладах.

Апробация результатов исследования проводилась на следующих международных конференциях: XVIII Всероссийская с международным участием междисциплинарная научно-практическая конференция «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2020), VI Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы современной филологии: теория, практика, перспективы развития» (Краснодар, 2021), II Международная научно-практическая конференция «Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования» (Астрахань, 2022), I Международная научно-практическая конференция «Филология в системе современного гуманитарного знания» (Краснодар, 2022), VII Международная научная конференция «Общетеоретические и типологические проблемы языкознания» (Бийск, 2022), X Международная научно-практическая конференция «Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам» (Брянск, 2022).

Основные положения исследования отражены в 12 научных публикациях, три из которых представлены в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Структура и объем диссертации определяются логикой поэтапного решения поставленных задач в соответствии с целью работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы, включающего труды отечественных и зарубежных авторов. Объем работы составляет 157 с., библиографический список включает 160 наименований.

Глава 1. Теоретические предпосылки исследования эмотивности

1.1 Основные достижения лингвистической теории эмоций

В настоящее время, несмотря на большое количество значимых для деятельности человека исследований по проблеме эмоций, эмоциональная сфера остается одной из самых противоречивых. Из этого следует, что сфера эмоций нуждается в подробном и глубоком изучении не только со стороны психологов и физиологов, но и лингвистов. В.И. Шаховский утверждает, что «лингвистика позднее других дисциплин сделала открытие, что эмоции являются предметом ее изучения и в связи с отсутствием соответствующих знаний, невозможно было сформулировать основные подходы исследования в области эмоций» [Шаховский, 2008, с. 7].

Ранее многие языковеды придерживались идеи, согласно которой язык необходим лишь для передачи насущной информации или рациональной обработки полученной информации, следовательно, проблема выражения эмоций не являлась главной. Группы ученых долгое время расходились во мнениях по вопросу необходимо ли вообще изучать эмоциональный аспект языка. К. Бюлер, Э. Сепир и Г. Гийом отрицали важность эмоциональности и акцентировали внимание на когниции, а также когнитивных функциях. В отличие от них Ш. Балли, ван Гиннекен и М. Бреаль считали, что репрезентация эмоций выступает в роли центральной функции языка [Шаховский, 2008, с. 13].

Сегодня лингвисты уже не придерживаются устаревших заявлений о том, что эмоции не входят в структуру языка или что эмоциональной лексики в языке нет. Напротив, учитывая комплекс различных теоретических подходов и огромный багаж знаний об эмоциональной стороне речи, можно без сомнений заявить – в языке многое зависит от эмоций и движимо ими, соответственно, эмоции являются одной из основных составляющих языка.

Лингвистика эмоций (эмотиология) – междисциплинарная отрасль науки, сформированная на стыке психологии и языкознания, изучающая взаимосвязь эмоций и языка. Существенный вклад в изучение эмоций в языке внесла Волгоградская научная школа лингвистики эмоций, начавшая заниматься языковыми эмоциями в 1966 году под руководством В.И. Шаховского. Его научная деятельность положила начало многим содержательным и результативным трудам о дискурсивных эмоциях, формах вербализации эмоций, функционировании языка эмоций, эмоциональной картине мира человека, природе речевой экспрессии. Также определенное влияние на изучение данной проблемы оказали работы таких ученых, как Э.С. Азнаурова (1973), Н.А. Лукьянова (1986), В.Н. Телия (1986), В.И. Болотов (1985), И.В. Арнольд (2002), М.Р. Желтухина (2004)., А.С. Илинская (2007), Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай (2016), С.В. Ионова (2019). Ученые сходятся во мнении, что исследование эмоций в лингвистике проводится с разных сторон и не имеет границ, поэтому следует учитывать их существенную роль в жизни человека, не останавливаясь на достигнутом и продолжать совершенствование лингвистической теории эмоций [Ионова, 2019, с. 125].

Современной лингвистике эмоций свойственно расширение объема и развитие содержания терминопонятий, таких как *эмотивность, эмотивная функция языка, эмотивный код языка, эмотивы, полистатусность эмотивов, категоризация эмоций, эмоциональная грамотность, эмоциональная манипуляция, эмоциональный интеллект, лингвокультурология эмоций, эмотивная лингвоэкология* и многое другое. Кроме того, лингвистами установлен комплекс неоспоримых положений:

- 1) *эмоции присущи языку и речи (равно как и сознанию, мышлению);*
- 2) *эмоция и когниция взаимосвязаны;*
- 3) *эмоции коммуникативны;*
- 4) *эмоции межкультурны и межпоколенны;*

5) *эмоции семиотичны, кодируются знаками национальных языков и транслируются посредством речевых произведений* [Шаховский, 2019].

Лингвисты-эмотиологи наблюдают непрерывную эмоционализацию коммуникативного пространства во всех сферах жизни [Шаховский, 2019, с. 25]. Именно язык позволяет назвать, выразить или описать эмоции, поэтому язык является ключевой основой, необходимой для исследования эмоций человека. Корректное эмоциональное общение людей друг с другом является условием коммуникативной продуктивности, приемлемого результата коммуникации и прагматического эффекта. Человек, обладающий эмоциональной компетенцией, способен в большей степени определять вербалику или авербалику эмоций речевого партнера, соответствующим образом называть, выражать, описывать свои эмоции, а также в целом управлять как своими, так и чужими эмоциями. [Шаховский, 2008, с. 384].

Современные подходы к изучению лингвистики эмоций позволяют раскрывать особенности в процессе коммуникации не только базовых эмоций, которые легко выражаются лексикой и понятны даже вне контекста, но и сложных семиотических комплексов эмоций. В.И. Шаховский пишет, что «все эмоции кластерны, каждая из них реализуется не изолированно, а входит в кластер эмоций иного качества. Все это, несомненно, затрудняет их языковое оформление и, соответственно, унифицированное (семиотическое) декодирование, порождая неожиданную рефлексию и прагматические эффекты» [Шаховский, 2019, с. 26]. При работе с семиотическими системами важно принимать во внимание когнитивные процессы, поскольку они помогают изучать смешанные эмоции, когда нет четкого понимания об актуальной эмоции в определенной ситуации, когда одна эмоция порождает другую, изменяет качества первоначального переживания. «Все мы неоднократно сталкивались с трудностью подобрать подходящие слова, чтобы выразить свои эмоции и это неудивительно, так как вербализация эмоций зачастую субъективна. Эмоциональные состояния редко проявляются в чистом виде, человек может испытывать массу эмоций и каждая языковая

личность выразит их по-своему, что зависит от ряда причин, в том числе и неязыковых. Ситуативный и когнитивный аспект эмоций подразумевает, что выбор единиц языка для выражения эмоций определяется индивидуально, в зависимости от ситуации» [Гейвандян, 2021, с. 58].

Кроме того, наблюдается взаимосвязь между эмоциями и знаниями, например, если меняются знания человека, то соответствующим образом поменяются и его эмоции относительно каких-либо представлений и ситуаций действительности. Отмечается, что эмоции изменчивы во времени, межпоколенны, универсальны и узнаваемы во всех культурах. Однако существуют также своеобразные для некоторых культур эмоции, что обуславливает особенную культурную регуляцию вербальных взаимоотношений [Шаховский, 2008, с. 61].

«В общем виде суть лингвистического подхода к изучению эмоций выглядит так: есть мир (объект), есть человек (субъект), способный отражать мир. Отражает человек как языковая личность не механически все подряд, а пристрастно – только то, что необходимо в данный момент или по каким-либо причинам представляется ценным. Эмоции этот процесс отражения регулируют, выступая в роли посредника между миром и его отражением в языке человека» [Шаховский, 2008, с. 64]. Подчеркивается важность взаимодействующих парадигм (когнитивной, коммуникативной, прагматической и культурологической) в изучении эмоций на современном этапе развития лингвистики. Очевидно, что «лингвистика эмоций является активно развивающейся сферой, которая постоянно будет подвергаться конкретизации, уточнению и расширению» [Гейвандян, 2021, с. 59-60].

1.2 Содержание понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности, оценочности и их разграничение

Современные лингвисты утверждают, что в рамках языкового уровня эмоции преобразуются в категорию эмотивности, которая является

центральным понятием эмотиологии. Следует отметить, что данная категория, как и ее рассмотрение в различных лингвистических исследованиях, приобрела популярность относительно недавно. Однако устойчивое формирование и развитие эмотивной лингвистики позволили реализовать анализ эмоций лингвистическими средствами и приемами. Среди лингвистов, чьи труды и работы посвящены эмотивности, отсутствует четкое и единое определение этой категории, так как оно включает в себя различные аспекты и свойства. Более того, ведутся постоянные споры о соотношении таких понятий, как эмотивность, эмоциональность, экспрессивность и оценочность. Рассмотрим определения данных категорий и проведем разграничение между ними.

В научных работах М.П. Брандеса, И.А. Банниковой, К.А. Левковской, Э.А. Вайглы, Н.Н. Амосовой термины «эмотивность» и «эмоциональность» имеют тождественное значение и относятся к лингвистической категории, через призму которой субъект выражает эмоции [Сажина, 2019, с. 573]. Однако целый ряд ученых различает данные понятия, на чем мы остановимся более подробно. Разумеется, что у каждого автора это различие объясняется с помощью множества оснований. Наиболее существенное и важное отличие данных категорий, которое мы также разделяем, заключается в соотношении их к одной из двух фундаментальных областей: психологической или лингвистической. Большинство ученых полагает, что эмоциональность – это психологическая категория, а эмотивность – языковая [Зотова, 2010, с. 14].

Согласно национальной психологической энциклопедии, эмоциональность – это характеристика человека, определяющая наполнение, свойство и развитие его эмоций и чувств [URL: <https://vocabulary.ru/termin/emocionalnost.html>]. Под эмоциональностью также понимается эмоциональная возбудимость, то есть реакция человека на эмоциогенные ситуации [Ильин, 2001, с. 234]. Например, П. Фресс подтверждает это и определяет эмоциональность следующим образом: «эмоциональность как черта личности – это чувствительность к

эмоциогенным ситуациям». Кроме того, П. Фресс сравнивает термин «эмоциональность» с термином «гиперэмоциональность» и считает их равнозначными. Он поясняет, что это выражение более ярких и интенсивных эмоциональных реакций, в отличие от обычных реакций, которые свойственны людям [Фресс, 2003, с. 181]. Е.П. Ильин, ссылаясь на психологов В.Д. Небылицыну и Э.А. Голубеву, также рассматривает эмоциональность как важную часть и свойство темперамента, характеристику человека с точки зрения эмоциональной сферы. В данное понятие включается обширный комплекс качеств, например, уровень эмоционального переживания, особенности возникновения и протекания определенных чувств, эмоций, настроений [Ильин, 2001, с. 234-235].

Д.Э. Розенталь считает, что понятие «эмоциональный» касается выражения чувств, настроений, субъективного отношения. Эмоциональность всегда характеризует субъективность личности, так как эмоции и чувства образуют особый комплекс психологических состояний человека [URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm#221>].

Как было указано ранее, ученые начали широко использовать термин «эмотивность» для вербальной характеристики эмоций и одним из сторонников разграничения этих понятий является В.И. Шаховский. Он выделяет важные парадигмы в изучении категории эмотивности: когнитивный, лингвокультурологический и коммуникативный. Рассуждая о когнитивном характере эмотивности, автор утверждает, что эмоция и когниция неразрывно взаимосвязаны, эмоции включены в когнитивные процессы всех уровней [Шаховский, 2008, с. 17]. Что касается лингвокультурологического характера эмотивности, то здесь отмечается обусловленность эмоций культурой, проблема культурной перспективы в презентации эмоций, причины тех или иных эмоций у языковых личностей. Коммуникативный характер эмотивности касается способностей человека манипулировать вербальными актуализаторами эмоций, пропускать их через общесоциальные, ситуативные и прочие фильтры в ходе коммуникации

[Шаховский, 2008, с. 26]. В целом, ученый предложил под эмотивностью понимать такие свойства единиц языка, которые способны выражать эмоции, при этом, по его мнению, применение термина «эмоциональность» относительно языковых единиц неверно, так как, в первую очередь, данный термин характеризует человеческую психику. В.И. Шаховский утверждает: «эмотивный – тот же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность – имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [Шаховский, 2008, с. 24]. Более того, ученый подчеркивает, что к эмотивности относятся план выражения и план содержания, посредством которых проявляются эмоциональные отношения или состояния спикеров [Шаховский, 2008, с. 25]. А.В. Кунин поддерживает данную точку зрения и называет эмотивность эмоциональностью, но в языковом аспекте и понимании [Кунин, 2005, с. 153]. С.В. Коростова сделала вывод о том, что эмотивность не только описывает эмоции, но и изъясняет их, а также является базовой категорией для формирования функционально-семантического поля [Коростова, 2009, с. 91]. По мнению С.В. Ионовой, эмотивность – это универсальная лингвистическая категория, так как вербальное выражение эмоций схоже в различных языках, несмотря на национальные, культурные и языковые особенности [Ионова, 2019, с. 126].

А.Б. Зотова утверждает, что эмотивность трактуется в узком и широком смыслах. В узком смысле данный термин означает всю эмотивную лексику языка и связан с коннотацией в целом или с каким-либо компонентом коннотации. В широком смысле данная категория содержит в себе все языковые средства, необходимые для выражения эмоций, а также средства, характеризующие языковую личность, ее эмоции по отношению к действительности и поддерживает эмоциональную коммуникацию [Зотова, 2010, с. 15].

Проведенный анализ дефиниций данных терминов показывает, что категории «эмоциональность» и «эмотивность» взаимосвязаны, но

противопоставляются по лингвистическому или психологическому критерию. В большинстве случаев выбор одного из терминов в контексте языковых средств зависит от индивидуальных предпочтений ученых.

Перейдем к категории экспрессивности, которая также часто пересекается с понятиями эмотивность, эмоциональность и является недостаточно изученной. В XX веке теория экспрессивности вызывает огромный интерес у ученых-лингвистов и исследователей, хотя впервые данную теорию упоминали еще в конце XIX века. Существует множество работ и научных трудов, в которых предлагается теоретическое осмысление категории экспрессивности. Термин «экспрессивность» нередко отождествляется с термином «выразительность», под которым понимается коммуникативное качество, способное поддерживать внимание и интерес слушателя / читателя, влиять на чувства, воображение, а не только разум. [Коваленко, 2016, с. 11].

В.Н. Гридин утверждает, что экспрессивность – это «система семантико-стилистических свойств языковых единиц, способная реализовать в общении субъективные отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [Гридин, 2002, с. 391]. В.Н. Телия считает, что экспрессивность делает речь выразительной посредством взаимодействия оценочного и эмоционального отношения субъекта речи [Телия, 1997, с. 637-638]. И.В. Арнольд полагает, что экспрессивность это свойство текста, цель которого заключается в эмоциональном и логическом усилении смысла [Арнольд, 2002, с. 100]. О.А. Крылова утверждает, что любая речь является экспрессивной, если обладает эмоционально-оценочными или образными коннотациями [Крылова, 2006, с. 85]. В то же время она уточняет, что эмоциональность речи – это выражение чувств / воздействие на чувства; оценка – одобрение / неодобрение; образность – характеристики речи, с помощью которых языковые средства, называя предметы, признаки или действия, одновременно вызывают у адресата представление, образ обозначаемого.

Многие лингвисты разграничивают категории эмотивности и экспрессивности и стремятся это обосновать различными аргументами. К примеру, В.И. Шаховский попытался разграничить данные категории, называя их нечеткими и размытыми понятиями [Шаховский, 1975]. Для начала автор утверждает, что данные категории могут быть элементами лексического значения языковой единицы, они относятся к выразительным средствам языка и являются качественной характеристикой речи. Тем не менее, затем он обращает внимание на свойства экспрессивности и эмотивности, которые отличаются друг от друга. В частности, разграничение заключается в следующем: эмотивность высказывания имеет связь с реализацией оценки эмоционального типа, экспрессивность имеет связь с убеждением получателя информации [Шаховский, 1975].

В.Н. Телия рассматривает экспрессивность «не как свойство отдельных единиц, а высказывания в целом; экспрессивность выражается интонационной структурой и, соответственно, восклицательной формой предложения» [Телия, 1986, с. 42]. Е.М. Вольф разделяет точку зрения В.Н. Телии и считает, что эмотивность – «это языковая категория, подразумевающая лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения, направленного на создание у слушателя эмоционального резонанса» [Вольф, 2002, с. 114].

М.В. Никитин утверждает, что в понятие экспрессивности допустимо включить способность поражать, удивлять или оказывать сильное впечатление [Никитин, 2007, с. 298]. Экспрессивным является выражение, вызывающее интерес в силу своей структуры и формы, другими словами, экспрессивность – это характеристика языка, наделенная функцией воздействия, а эмотивность – это простейшие случаи экспрессивности [Никитин, 2007, с. 302].

Итак, можно заключить, что разница понятий эмотивности и экспрессивности не исключается в случае, если эмотивность соотнести с категорией функционально-семантической, а экспрессивность –

коммуникативной. Более того, экспрессивность представляет собой основное свойство текста или качество речи, его выразительность, яркость, которая реализуется на разных уровнях и относится к плану выражения языковых единиц. Эмотивность является языковой категорией, которая отвечает за воздействие текста на эмоциональную, неинтеллектуальную сферу психики человека, кроме того, на выражение чувств, настроений, аффектов.

Многие лингвисты рассматривают не менее актуальную и важную категорию оценочности (оценки) вместе с эмотивностью. Несомненным является тот факт, что сознание человека включает в себя постоянную оценочную деятельность, ведь наше взаимодействие с окружающим миром подразумевает выражение оценки, интереса, отношений к окружающим событиям или явлениям. Итак, оценка находится везде и всюду, где происходит взаимодействие субъекта познания с объективным миром. Одновременно с возникновением объективной картины мира образуется определенная система ценностей, которая базируется на оценке реальности.

По мнению Н.Д. Арутюновой, оценка обнаруживает неразрывную связь с комплексом морально-этических и эстетических критериев. Оценка включает в себя взаимное влияние комплекса ценностей и персональной ориентации на объективную или субъективную действительность [Арутюнова, 1988, с. 34]. М.В. Никитин утверждает, что «особенность оценки как духовного действия состоит в том, что объект оценки соотносится по какому-то своему признаку или параметру (основанию оценки) с некоторой шкалой или эталоном количественного или качественного сравнения объектов, имеющих в распоряжении субъекта оценки, и ориентировочно определяется относительно этих координат по месту в них» [Никитин, 2000, с. 8].

Ученые не сходятся во мнениях по поводу определения понятий оценки и эмоций. Изучение проводится как с точки зрения эмоций, а именно их места в оценочных высказываниях, так и с точки зрения оценки, где исследуется оценочная составляющая эмотивной лексики. Некоторые

лингвисты определенно указывают на взаимосвязь между понятиями оценочность и эмотивность. Например, Н.А. Лукьянова считает: «оценочность, представляемая как соотнесенность слова с оценкой, и эмоциональность, связываемая с эмоциями, чувствами человека, не составляют двух разных компонентов значения, они едины, как неразрывны оценка и эмоция на внеязыковом уровне» [Лукьянова, 1986, с. 17]. По ее мнению, положительная оценка выражается путем положительной эмоции и, соответственно, отрицательная оценка путем отрицательной эмоции. Таким образом, оценка поглощает нужную эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают [Лукьянова, 1986]. Вслед за Н.А. Лукьяновой, В.И. Болотов утверждает, что эмоции и оценка могут считаться неделимыми понятиями, если описываемое явление в тексте касается личного блага получателя [Болотов, 1986, с. 11].

Е.М. Вольф не соглашается с данными точками зрения и рассматривает категории оценочности и эмоциональности как часть и целое. Оценку можно выразить через мысли, скрытые в эмоциях. В том случае, если мнение меняется о предмете или действии, то меняются и эмоции. Е.М. Вольф отмечает два вида оценок, а именно эмоциональную и рациональную, которые предполагают различные особенности отношений субъекта к объекту (чувство и мнение) [Вольф, 2002, с. 40]. И.В. Арнольд подчеркивает, что «эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать» [Арнольд, 2002, с. 108].

Итак, можно заключить, что «оценочность – это языковая функционально-семантическая категория, при этом оценочные значения имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу. Но также следует отметить, что оценка является необходимым компонентом эмоциональной реакции, так как определение

значимости события или ситуации, а, следовательно, и активизации эмоции, происходит через оценивание» [Ленько, 2015, с. 89].

Таким образом, представленный анализ определений позволяет нам сделать вывод о том, что вышеуказанные языковые категории занимают центральные позиции в современной лингвистике и вызывают огромный научный интерес. С одной стороны, между ними есть ряд разграничений, с другой – важно отметить невозможность существования и функционирования одной категории без другой [Уафа, 2022, с. 227]. В нашей работе мы в большей степени следуем теории ученого В.И. Шаховского и будем опираться на следующие определения и характеристики рассмотренных категорий:

1) эмоциональность, присущая первостепенно сфере физиологии и психологии, отражается в лингвистике через эмотивность, как результат интерпретации эмоционального состояния человека с помощью языковых единиц;

2) экспрессивность, в отличие от эмотивности, считается фактически рассчитанной и обдуманной интенсификацией чувственной и эмоциональной составляющей, включенной в определенную сему;

3) эмотивность и оценочность разграничиваются видами деятельности человека, а именно оценочной и эмоциональной. Чистая оценка, без какого либо эмоционального элемента, строится на когнитивных функциях сознания, а значит, обладает логической базой. Эмоции относятся к психической сфере, хотя и связаны с пре-, пост- и метакогнитивной оценочной деятельностью человека [Уафа, 2022].

Схема 1. Обобщение понятий

1.3 Языковые средства выражения эмотивности

Язык является сложно структурированной системой знаков и, следовательно, предоставляет человеку множество разнообразных средств вербализации эмоций на всех языковых уровнях. По этой причине проблема выражения эмоций остается одной из самых актуальных и вызывает всесторонний интерес среди лингвистов. На сегодняшний день существует ряд подходов к изучению данной проблемы, а также множество теорий и классификаций. В нашем исследовании для анализа вербализации эмоций мы рассмотрим следующие языковые уровни: морфологический, синтаксический и лексический.

1.3.1 Морфологические средства выражения эмотивности

Морфология – это «раздел лингвистики, изучающий морфологическую (грамматическую) систему языка. Понятие морфологическая система языка включает в себя совокупность всех существующих словоформ,

объединенных в грамматические категории и части речи» [Уафа, 2022 с. 137]. Такие понятия, как грамматическое значение, грамматическая форма слова, словоизменение, формообразование, грамматическая категория, часть речи являются ключевыми в морфологии [Карпов, 2019].

Большинство исследователей отводят морфологии отдельное место в языковой системе. По мнению А.А. Реформатского, морфология – это «исходный базис, от которого многое зависит в языковом пространстве» [Реформатский, 1979, с. 58]. Р.А. Будагов считает, что «морфология помогает понять и узнать язык, без морфологии не может существовать ни один живой язык» [Будагов, 2000, с. 187]. Е.С. Кубрякова также полагает, что морфология является отдельным уровнем языковой системы. Вместе с этим она считает, что в языковую способность человека включен некий «морфологический модуль», основная функция которого заключается в образовании морфем, имеющих статус слова в рамках принципов словообразования при передаче им определенного содержания [Кубрякова, 2000, с. 26-27].

В отечественной лингвистике детально изучалось взаимоотношение морфологии с другими языковыми уровнями. Ученые предполагают, что морфология и синтаксис взаимосвязаны, что морфология служит синтаксису. Например, Б.А. Серебренников считает, что «морфологическая форма, являясь носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств» [Серебренников, 1988]. А.В. Бондарко утверждает, что морфология служит синтаксису «лишь в некоторой степени, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не в целом, не абсолютно» [Бондарко, 1976, с. 19]. А.В. Бондарко акцентирует внимание на том, что «морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как каждая морфологическая категория

обладает определенной синтаксической направленностью или перспективой» [Бондарко, 1976].

В.Б. Касевич рассматривает проблему с другой точки зрения, а именно в рамках синтеза современных лингвистических концепций. Его ключевая идея следующая: «семантика обуславливает синтаксис, синтаксис морфологию и т.д.» [Касевич, 1988, с. 18]. Ю.С. Степанов, формулирует следующую концепцию: «технику взаимодействия семантики и синтаксиса» [Степанов, 1981, с. 296-297].

Мы считаем, что сложно провести четкие границы между вышеперечисленными языковыми уровнями. Так или иначе, ученые приводят факты межуровневого взаимодействия.

В репрезентации категории эмотивности морфологические средства языка занимают особое место, поскольку именно с помощью морфологической производности слово приобретает узуальную экспрессивность [Исхакова, 2009, с. 788]. В первую очередь, необходимо подчеркнуть важность аффиксации, одного из распространенных способов морфемного словообразования. Согласно многим зарубежным теориям, аффикс – это своего рода «высшая ступень / вершина» структуры слова, определяющая его основные синтаксические и категориальные характеристики. По правилам традиционного языкознания аффиксация выражает широкий ряд значений, например, *грамматических* и *лексико-грамматических* [Лакина, 2014, с. 62]. Существует более обширная классификация аффиксов, в которой выделяются: *категоризирующие аффиксы (маркеры)*, *вещественно-таксономические аффиксы*, *структурные аффиксы*, *экспрессивные / эмоционально окрашенные аффиксы* [Копытина, 2017, с. 46].

«Экспрессивные или эмоционально-окрашенные суффиксы и префиксы являются главными морфологическими средствами вербализации эмоций, как в русском языке, так и в английском» [Уафа, 2022, с. 138]. Использование суффиксов и префиксов как словообразовательных средств выражения

эмоционально-оценочного отношения к объекту номинации исключает объемность высказывания, способствует описанию предмета или явления в более яркой и лаконичной форме, с положительной или отрицательной стороны [Копытина, 2017, с. 46]. Следует отметить, что адъективная лексика английского языка обладает морфологически выраженной эмоциональностью, поскольку экспрессивная аффиксация данных языковых единиц наиболее эффективно придает значению определенную степень интенсификации [Мурясов, 1998]. «В русском языке наиболее сильной экспрессией обладают суффиксы субъективной оценки не только прилагательных, но и существительных, а также глаголов. Обширная и богатая система русского словообразования вкупе с продуктивностью оценочных суффиксов обуславливает большое количество морфологических ресурсов в русском языке, отличающихся своей яркой стилистической окраской. Однако морфологические средства выражения эмоций в русском языке актуальны лишь для разговорной речи, для текстов художественной и публицистической тематики» [Уафа, 2022, Там же].

Г.К. Гималетдинова считает, что «экспрессивная маркированность словообразовательных суффиксов представляет собой сочетание основ и суффиксов, которое необходимо для образования производных с оттенками выразительности и окрашенности» [Гималетдинова, 2005, с. 8]. Так, например, в семантике суффиксов существительных и прилагательных выделяются следующие компоненты:

- 1) *эмотивно-оценочный;*
- 2) *интенсифицирующий;*
- 3) *функционально-стилистический.*

В результате ее исследования было выявлено, что английскому языку характерно использование новых суффиксов, участвующих в образовании ингерентно-экспрессивных дериватов. Новые суффиксальные морфемы в английском языке создаются в результате переразложения морфемного

состава слов, когда тот или иной элемент развивает ярко выраженное значение и начинает образовывать производные [Гималетдинова, 2005].

Г.К. Гималетдинова считает, что характер эмотивной оценочности суффиксов существительных вызывает интерес. Подтверждается это тем, что в семантике суффиксов с изначально положительной или нейтральной окраской возникают пренебрежительные, презрительные, неодобрительные оттенки значений [Гималетдинова, 2005, с. 9]. К примеру, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, рассмотренные в конкретном контексте, могут развиваться и приобретать отрицательную ироническую окраску. В данном случае выстраивается особая иерархия среди частей речи и наиболее продуктивна именная группа, затем следуют прилагательные, глагольные формы, личные местоимения, указательные местоимения [Копытина, 2017, с. 48].

Итак, эмотивный потенциал слова возрастает благодаря использованию морфологических средств, в особенности аффиксации. В процессе выражения эмоций морфологические средства не только дополняют, но и усиливают эмотивность других языковых уровней. При эмоциональной коммуникации не всегда удастся найти подходящие нашим замыслам и целям слова, поэтому обращаясь к морфологическим средствам, становится возможным создавать слова наиболее аутентичные той или иной ситуации общения.

1.3.2 Синтаксические средства выражения эмотивности

Синтаксические средства выражения эмоций считаются одними из наиболее продуктивных и приобретают все большую актуальность в современной лингвистике. В связи с этим ученые зачастую фокусируются на изучении эмотивного типа синтаксиса, под которым принято подразумевать определенные синтаксические формы, направленные на передачу субъективно-оценочного и эмоционально-окрашенного отношения

говорящего к предмету мысли [Орлова, 2009, с. 13]. Эмотивность в синтаксисе может также рассматриваться как признак структурных преобразований, увеличивающих и реализующих прагматику высказывания сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов [Чайковский, 1971, с. 196]. Действительно, эмотивные конструкции позволяют носителю языка реализовать коммуникативные установки в прагматических целях и оказать воздействие на адресата. Помимо коммуникативной задачи, они заключают в себе и эстетическую функцию, которая отражается в создании эмоциональных образов или в передаче отношения к изображаемой действительности. В целом, функциональность эмотивного синтаксиса заключается в том, что эмоциональная сфера психики вовлекается в когнитивно-коммуникативные процессы.

О.А. Турбина утверждает, что эмотивные синтаксические конструкции возникают в ходе речевой деятельности импровизационным способом, соответственно, они обладают окказиональным, индивидуальным или субъективным характером [Турбина, 2013, с. 4]. Однако каждому языку свойственны конкретные способы реализации эмотивности на синтаксическом уровне, которые образуются в результате переосмысления нейтральных, уже закрепившихся в языке. Из этого следует, что корпус эмотивного синтаксиса базируется на структурных типах эмотивных предложений, достигших относительно систематического употребления и не утративших своей выразительности [Турбина, 2013, Там же].

Достаточно сложно выделить четкую классификацию синтаксических конструкций, выражающих эмотивность, поскольку данная сфера находится все еще в процессе развития. Рассмотрим самые основные классификации, предложенные исследователями, чьи научные работы посвящены синтаксису.

О.В. Александрова рассматривает эмотивный синтаксис как способ построения выразительной речи. Ее подход основывался на выявлении эмотивных особенностей путем членения текста, при этом она указывает на

эмотивный потенциал словосочетания. Автор рассматривает синтаксические связи, реализуемые между членами предложения через призму коннотативности, клишированности, идиоматичности, социолингвистической обусловленности и концептуальной обусловленности [Александрова, 1984].

С.В. Коростова отмечает, что сообщения, изначально нацеленные на выражение каких-либо эмоций, способны реализовать эмотивную функцию и занимают особое место в синтаксисе. В первую очередь, речь идет о восклицательных предложениях или повествовательных и вопросительных, которые приобретают в речи восклицательные интонации и становятся эмоционально-насыщенными [Коростова, 2010, с. 104]. А.С. Илинская поддерживает данную точку зрения и подчеркивает важность предложений, функцией которых является выражение эмоций и оценок. Обычно такие предложения характеризуются специфической грамматической структурой, лексическим наполнением, интонацией, особой коммуникативной установкой. К таким предложениям, в частности, можно отнести предложения, имеющие в своей структуре вопросительно-относительные местоимения [Илинская, 2007].

Как считает Э.М. Береговская, эмотивность синтаксических средств координирует с синтаксическими конструкциями и особым расположением слов в предложении, которые позволяют достичь значительной выразительности высказывания. К основным средствам она относит повтор и его разновидности, антитезу, синтаксический параллелизм, асиндетон и полисиндетон, эллипсис, риторический вопрос, инверсию, фигуру умолчания и др. Более того, Э.М. Береговская выделяет несколько проблем в рамках эмотивности синтаксиса, например, роль длины предложения, стилистическая роль абзаца и сложного синтаксического целого, аффективный потенциал пунктуации, синтаксические фигуры и их стилистические функции [Береговская, 2004].

Г.Н. Акимова, выделяя синтагматическую расчлененность в качестве основного типологического признака, приводит следующую классификацию эмотивных приемов на уровне синтаксиса:

- 1) парцеллированные конструкции;
- 2) сегментированные конструкции;
- 3) лексический повтор с синтаксическим распространением;
- 4) вопросно-ответные конструкции в монологической речи;
- 5) цепочки номинативных предложений;
- 6) вставные конструкции [Акимова, 1990, с. 89-90].

Т.Н. Синеокова выделяет некоторые модификации, которые различаются характером проявления в них экспликационных и импликационных свойств. По мнению ученого, «экспликационная и импликационная тенденции затрагивают конкретные материальные знаки такие, как слова, словосочетания, потенциальные части сложных предложений, а также структурно-семантические характеристики условий их объединения, например, порядок следования, слитность или разобщенность, функциональное значение конструкции» [Синеокова, 2004, с. 9]. К экспликативной форме модификаций Т.Н. Синеокова относит повтор, материально избыточные элементы, инверсию, разрывы потенциального синтаксического целого, расшифровывающие конструкции, к имплективной форме модификаций – транспозицию, эллипсис, изолированные элементы [Синеокова, 2004, Там же].

А.А. Лаврова в своем диссертационном исследовании приводит подробную классификацию синтаксических способов реализации эмотивности, к которой относятся следующие группы конструкций:

- 1) «конструкции, необходимые для воздействия на адресата – повтор-подтверждение/отрицание, повтор-побуждение, обрыв потенциального синтаксического целого, разрыв-эмфатизатор, уточняющий разрыв, вопросно-ответное единство, эллиптические предложения-эмфатизаторы, изолированные предложения-апеллятивы, несобственно-побудительные,

несобственно-утвердительные, несобственно-отрицательные предложения, эмфатизирующая инверсия»;

2) «конструкции, используемые при поисковом состоянии, характеризующиеся трудностями, связанными с выбором последующих компонентов высказывания, свидетельствующие о том, что говорящий находится в состоянии эмоционального напряжения – ложный повтор, разрыв-паузатор, повтор-подлинный переспрос, корректирующая инверсия» [Лаврова, 2010, с. 9-10].

О.А. Турбина утверждает, что «наиболее типичными формами изменения понятийной субстанции и грамматической формы предложения, связанными с эмотивностью, являются обособление, транспозиция, парцелляция» [Турбина, 2013, с. 6]. В эмотивных предложениях данные приемы зачастую выражаются в единстве, поэтому дополняют и эксплицируют друг друга. Кроме того, «в эмотивном синтаксисе некоторые грамматические средства необходимы для изменения порядка слов и реорганизации синтаксических структур, следовательно, такие средства заключают в себе дислокацию, инверсию, интеркаляцию, репризу, редукцию, компрессию, реконструкцию» [Турбина, 2013, Там же]. Упомянутые способы также могут сочетаться и дополнять друг друга.

Н.Н. Орлова, исследуя синтаксический аспект языковых средств выражения эмоций, выделяет несколько уровней эмотивного синтаксиса, а также их элементы. Рассмотрим данную классификацию в форме таблицы [Орлова, 2009, с.14-20].

Таблица 1. Синтаксический аспект языковых средств выражения эмоций

№	Уровни эмотивного синтаксиса	Элементы уровней эмотивного синтаксиса
1.	В соответствии с целью высказывания	<p>1. Повествовательные предложения: а. повествовательно-вопросительные, б. повествовательно-побудительные.</p> <p>2. Вопросительные предложения: а. вопросительно-повествовательные, б. вопросительно-побудительные, в. вопросительно-риторические.</p> <p>3. Побудительные предложения:</p>

		а. побудительно-повествовательные, б. побудительно-вопросительные.
2.	В соответствии с количеством предикативных центров предложений	1. Простые предложения: а. Односоставные, б. Двусоставные, в. Эллиптические, неполные. 2. Сложные предложения: а. союзные (сложносочиненные и сложноподчиненные), б. бессоюзные.
3.	В соответствии с порядком слов в предложении	Инверсия
4.	В соответствии со статусом «аранжировочных» выразительных средств	Повтор
5.	В соответствии с вставными и присоединительными эмотивными конструкциями	1. Обращение 2. Парентеза 3. Парцелляция
6.	В соответствии с эмотивным графическим выражением	Знаки препинания

Опираясь на результаты исследования Н.Н. Орловой, подробно рассмотрим характеристику и роль элементов каждого уровня эмотивного синтаксиса в репрезентации эмоций.

Элементы уровня *цели высказывания* являются более распространенными, имеют многообразие структуры и содержания, отличаются полнотой мысли, способны передавать широкий спектр положительных и отрицательных эмоций. Они выражают требование, приказ, проявление гнева, просьбу, побуждение к действию, проявление восторга, ликование, упрек, обвинение. Кроме этого, они передают эмоциональное состояние говорящего, его эмоциональные интенции и стремление получить какую-либо информацию. Особенно актуальны риторические вопросы, употребление которых вызвано желанием адресанта оказать эмоциональное воздействие на адресата, а также намерением выразить отношение, зачастую негодование или досаду, к обсуждаемой теме. Таким образом, в риторических вопросах эмоциональный аспект сообщения доминирует над логическим [Орлова, 2009, с.14].

Элементы уровня относительно *количества предикативных центров предложений* способствуют эмоциональной насыщенности речевого общения. Организующими центрами являются подлежащее и сказуемое, которые передают разного рода эмоции, например, страх, опасение, сожаление, желание, недовольство и др. Эллиптические и неполные предложения характерны для диалогической речи, они реализуются с дополнительными компонентами неязыковых форм. В подобных предложениях называются только те слова, без которых мысль становится непонятной, что позволяет эмоционально воздействовать на адресата. Синтаксис сложного предложения также обладает эмотивным потенциалом. В случае если цель сложного высказывания состоит в передаче эмоций, настроений и в целом эмоциональных характеристик человека или явления то высказывание становится эмоциональным [Орлова, 2009, с.17-18].

Третий уровень, связанный с *порядком слов в предложении*, реализуется с помощью инвертированного порядка слов. Данное синтаксическое средство позволяет говорящему не только подчеркнуть главный посыл сообщения, но и выразить эмоции, привлечь внимание на экспрессивность высказывания, тем самым вызвать определенные чувства и настроение у адресата. Обычный порядок слов нарушается, на первый план в предложении выносится эмоционально важное слово, так как наиболее выразительной эмфазой является начальная позиция логического высказывания, связанная с выражением сильных чувств [Орлова, 2009, Там же].

Следующий уровень, связанный со *статусом «аранжировочных» выразительных средств*, реализуется с помощью повторов. Повторы способны передавать различные эмоции, например, раздражение, гнев, досаду, удивление, сомнение, тревогу, беспокойство, самоубеждение, самоуспокоение, сожаление. Данный прием является характерным свойством эмоциональной речи, так, например, при отрицательных эмоциях повторяющимся словом является слово с негативной окраской. Повторы

могут интенсифицироваться параллельными конструкциями, которые обладают не только логическим потенциалом для установки смысловой связи повторяющихся единиц, но и эмоционально-выразительным, поскольку их ключевой задачей является эмоциональное воздействие на получателя [Орлова, 2009, с. 19].

Далее следует уровень, в котором рассматриваются *вставные и присоединительные эмотивные конструкции*. На данном уровне выделяют три основных элемента: обращение, парентеза, парцелляция. Первый элемент, обращение, является важным компонентом коммуникации и выполняет различные функции, в том числе эмоционально-экспрессивную. Обращение может совмещать в себе два типа интенций – эмоциональное воздействие и выражение эмоций. Второй элемент, парентеза, понимается как вставка одной фразы в другую без какой-либо грамматической связи. Парентетические внесения обеспечивают языковую компрессию и выражают не только информацию, которая относится к фоновым знаниям, а также передают оценку и эмоции говорящего к происходящему. Парентеза может иметь модальный характер, т.е. способна варьировать окрашенность текста, незаметно оказывать воздействие на читателя или слушателя или даже изменять смысл. Третий элемент, парцелляция, является ключевой категорией эмотивного синтаксиса, которая посредством намеренного деления связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков, образует структурные типы эмотивных предложений, способствующих чувственно-образному восприятию и эмоциональному осмыслению поступающей информации. Парцеллированные конструкции имеют значительный потенциал в сфере выражения эмоциональных состояний и оценочно-модальных значений, что дает возможность автору использовать их в определенных прагматических целях [Орлова, 2009, с.19-20].

Итак, последний уровень связан с *эмотивным графическим выражением*. В данном случае речь идет о письменной речи, в которой

эмоциональные элементы представлены знаками препинания или другими графическими средствами. Знаки препинания необходимы для смыслового членения текста, усиления или уменьшения эмоциональной интенсивности высказывания. Например, многоточие передает недосказанность мысли, недоговоренность или многозначность сказанного, скрытый смысл, эмоции задумчивости. Кроме того, графическим способом эмоции выражаются при помощи курсива, написания слов заглавными буквами или в форме разбивки слова на слоги [Орлова, 2009, Там же].

Таким образом, рассмотрев общую характеристику эмотивного синтаксиса, различные классификации и способы выражения эмоций на уровне синтаксиса, можно предположить, что синтаксические структуры достаточно гибкие. Это свойство позволяет субъекту речи построить речь не только для того, чтобы сообщить что-либо, побудить к чему-либо, запросить какую-либо информацию, но и выразить эмоциональную оценку или состояние к чему-либо.

1.3.3 Лексические средства выражения эмотивности

Многие языки оснащены разнообразием эмотивных средств, однако, ученые полагают, что именно лексические средства наиболее эффективны в репрезентации эмоций и занимают особое место в системе языка. Очевидно, что интерес к явному или скрытому эмотивному компоненту языковых единиц возник с того момента, когда было положено начало изучению эмотивной семантики слова. Это можно обосновать тем, что слово является семантически подвижной единицей, которая позволяет выражать не только мысли как результат когнитивной деятельности, а также эмоции и чувства. Как считает В.И. Шаховский, эмоциональные процессы устанавливаются путем психического механизма их отражения в семантике слова, необходимых для вербализации эмоциональных связей участников коммуникации. Смысловая структура соответствующих слов локализуется в

себе отображение видового опыта эмоционального состояния [Шаховский, 2008, с. 6].

Следует отметить, что «лексические средства эмотивности могут рассматриваться в разных направлениях, соответственно, некоторые ученые изучают отдельные эмотивные лексемы или лексико-семантические группы эмотивной лексики, другие – синонимические / антонимические отношения эмотивной лексики, семантические / тематические поля, охватывающие эмотивную лексику и т.д.» [Эбзеева, 2016, с. 142]. В.И. Шаховский утверждает, что сложность изучения лексических средств эмотивности объясняется тем, что «почти все слова языка могут стать в определенных условиях общения эмотивными, поэтому число словарных эмотивов ни в одном языке определить невозможно, а лексикографическое отражение эмотивной семантики неполно» [Шаховский, 2019]. Более того, одно и то же слово имеет различную эмоциональную интенсивность, ведь все зависит от конкретной ситуации, следовательно, реакции адресатов на один и тот же эмотив также могут отличаться [Шаховский, 2019]. В связи с этим в лингвистике представлены различные подходы к систематизации эмотивной лексики.

На начальном этапе исследований, связанных с выражением эмоциональных смыслов, было необходимо разграничить эмоционально заряженные слова. Так выделяли «*лексику эмоций*», т.е. слова, предметно-логическое значение которых составляют понятия об эмоциях, а также «*эмоциональную лексику*», т.е. эмоционально окрашенные слова, содержащие чувственный фон. Данное деление понятий, в первую очередь, подразумевало различную функциональную природу. Лексика эмоций включает в себе номинативную функцию, она называет эмоции, а эмоциональная лексика – экспрессивную и прагматическую функции, она выражает эмоции [Бабенко, 1989, с. 12]. Однако необходимо учитывать, что лексика двух классов так или иначе отображает, обозначает, выражает эмоции человека и соотносится в целом с миром эмоций. Поэтому

Л.Г. Бабенко утверждает, что, сохраняя традиционное осмысление этих понятий, необходимо объединить два класса в одно русло и обозначить их «*эмотивной лексикой*», что означает совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения и созначения. Это поможет выявить корпус эмотивной лексики в полном объеме и создать ее глобальную классификацию [Бабенко, 1989, с. 14].

В.И. Шаховский поддерживает эту точку зрения и считает, что «имена эмоций, наряду с лексикой, описывающей и выражающей эмоциональные состояния, составляют общую систему лексических эмотивных средств, поэтому эмотивная лексика и лексика эмоций включаются в понятие эмотивности» [Шаховский, 2008, с. 18].

Итак, эмоции отображаются в семантике слова, а эмотивная лексика является проводником эмотивных смыслов. Следует отметить, что эмотивные смыслы многовариантны и выражаются в слове с помощью различных лексических сем, таких как категориально-лексический, дифференциальный и эмотивный [Бабенко, 1989, с. 62].

Классификация на основании категориально-лексических сем эмотивности достаточно сложная, поскольку сема эмотивности в данном случае выполняет функцию идентифицирующего и представляет собой аналитическое сочетание по типу: «понятие о чувстве + конкретное наименование какого-либо чувства» [Бабенко, 1989, с. 25].

Классификация эмотивной лексики на основе дифференциальной семы содержит такого рода информацию, которая призвана обозначать и содержать категориально-лексическую сему. Она характеризует отдельные стороны предмета номинации в различных аспектах: субъектно-объектном, определительном, обстоятельственном, причинном, целевом [Бабенко, 1989, с. 32].

В основу классификации может быть положена эмотивно-коннотативная сема, которая объединяет в единое множество всю эмоционально-окрашенную лексику. Эмотивы-коннотаты выполняют

функцию выражения эмоций говорящего и придают слову определенную эмоциональную тональность, так что слова одновременно обозначают объект (источник эмоций) и выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к нему. Таким образом, рассматриваемая лексика имеет двухсторонний процесс номинации [Бабенко, 1989, с. 53].

Л.Г. Бабенко подробно рассматривает категориально-эмотивную лексику, грамматические и семантические эмотивные классы слов. Итак, к грамматическим классам эмотивной лексики она относит: эмотивные глаголы, существительные, прилагательные, наречия, междометия, эмотивные слова категории состояния. К семантическому классу эмотивной лексики, по мнению ученого, относятся: функционально-семантический класс слов эмоционального состояния, функционально-семантический класс слов становления эмоционального состояния, функционально-семантический класс слов воздействия, функционально-семантический класс слов эмоционального отношения, функционально-семантический класс слов внешнего выражения эмоций, функционально-семантический класс слов эмоциональной характеристики, функционально-семантический класс слов эмоционального качества [Бабенко, 1989].

В.И. Шаховский подобным образом уделяет особое внимание отражению эмоций в семантике слова и под эмотивным компонентом семантики слова понимает «структурное подразделение, необходимое для выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке. Словоизначение с таким компонентом в его семантике называют эмотивом» [Шаховский, 2008, с. 69]. Автор выделяет несколько типов соотнесенностей эмотивной семантики слова:

1) понятийная соотнесенность – процесс отражения, обобщения, процесс синхронный, т.е. логическое и эмоционально-оценивающее отношение человека к миру отражаются в семантике слова одновременно;

2) денотативная соотнесенность – процесс указания, который может быть прямым или смещенным;

3) эмоциональная соотнесенность – конкретное эмотивное слово соотносится с конкретной социальной эмоцией отражающего субъекта;

4) функционально-стилистическая – проявляется в социально-осознанных ситуациях употребления эмотива, который может быть стилистически отмечен, прикреплен к какой-либо сфере употребления (например, общие коллоквиализмы, специальные коллоквиализмы, вульгаризмы, поэтизмы) [Шаховский, 2008, с. 71-72].

В.И. Шаховский выделяет также семантические статусы эмотивности: обязательный, факультативный и потенциальный. Разнообразные сочетания указанных статусов формируют следующие виды эмотивной лексики:

1) аффективы – слова, которые выражают сильные эмоции, в которых эмотивное значение является основным;

2) коннотативы – слова, содержащие эмотивные семы наряду с основным логико-предметным значением, они выражают эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к отдельным признакам;

3) потенциативы (контекстуальные эмотивы) – слова, которые приобретают эмотивное значение в определенном контексте и ситуации [Шаховский, 2008, с. 75-76].

Ю.Д. Апресян, классифицируя эмотивную лексику, исходит из особенностей синонимических рядов, выражающих мир эмоций и чувств. Соответственно, ученый различает следующие группы:

1) базовая лексика, которая обозначает эмоции, представлена глагольными синонимическими рядами и соответствующими им существительными, прилагательными, наречиями;

2) лексика, которая не обозначает эмоции в прямом смысле, однако, содержит в своем значении указание на различные эмоциональные состояния субъекта, представлена синонимическими рядами глагола, существительного, прилагательного или наречия;

3) лексика, которая используется в метафорическом значении и обозначает конкретный физический симптом чувства, представлена чаще всего синонимическими рядами глагола [Апресян, 1995, с. 51].

М.Я. Блох, Н.А. Резникова предлагают свою классификацию эмотивов, в которую включают: эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы. Согласно мнению авторов, эмотивы-номинативы – это лексика, непосредственно называющая эмоции разные по интенсивности. Эмотивы-ассоциативы – это лексика, содержащая скрытую сему эмотивности, которая связана с реакциями или ассоциациями говорящего и слушающего. Наконец, эмотивы-экспрессивы – это лексика, обозначающая объект номинации (эмоции говорящего) и выражающая эмоциональное отношение говорящего к предмету номинации, следовательно, реализуется эмоциональное отношение говорящего к действительности [Блох, Резникова, 2006, с. 16].

Д.А. Жгун рассматривает два лексических приема передачи эмоционального состояния. Номинация – в первую очередь, с помощью прилагательного, так как эмоции являются признаковыми словами; с помощью глагола, так как переживание эмоций является процессом; с помощью существительных, так как эмоции переживаются как состояния; с помощью наречия / наречия + прилагательное, т.е. выражается признак действия, степень интенсивности и характер эмоционального состояния. Дескрипция – детальное описание эмоционального состояния через описание внешнего вида и поведения человека, или его окружения [Жгун, 2021].

М.Н. Кожина при анализе лексики эмоционально-экспрессивно окрашенной выделяет, в первую очередь, лексику с положительной и отрицательной окраской. Затем подробнее рассматривается лексика с устойчивой эмоционально-окрашенной оценкой – слова сами по себе несут экспрессивно-эмоциональный заряд, значение слов содержит элемент оценки, в данном случае оттенки достаточно разнообразны: ироническая, презрительная, неодобрительная, ласкательная и др. Такая лексика может использоваться в устно-фамильярной, сниженной речи или книжно-

торжественной. М.Н. Кожина также упоминает многозначную лексику – слова, в прямом значении нейтральны, однако, в переносном значении наделяются эмотивностью [Кожина, 2020, с. 222].

3. Кёвечеш делит эмотивы на экспрессивные (expressive) и описательные (descriptive). Слова первой категории, в которую ученый включает лишь междометия, позволяют выражать краткосрочные эмоции в речи, в основном удивление и отвращение. Вторая категория более обширна, к ней относятся различные средства описания / названия эмоций, а именно, прямые / однозначные (речь идет о базовых эмоциях, например, страх, злость, грусть, радость, любовь) или образные (метафора, метонимия и др.) [Kövecses, 2000].

Рассмотрим классификацию лексических средств выражения эмоций А. Павленко:

1) эмоциональные слова (emotion words) – непосредственно относятся к эмоциональному состоянию (прилагательные) или процессам (глаголы), прямо называют эмоции (существительные). В некоторых контекстах эти слова могут вызывать эмоции или просто функционируют в роли абстрактных слов;

2) слова, связанные с эмоциями (emotion-related words) – описывают поведение, связанное с определенными эмоциями, не называя настоящих эмоций;

3) эмоционально-окрашенные слова (emotion-laden words) – слова, не относящиеся к эмоциям напрямую, а выражающие или вызывающие эмоции у собеседников. Среди данных слов выделяют следующие подкатегории: ругательства, оскорбления, выговоры, междометия [Pavlenko, 2008, p. 148].

Подводя итог, следует отметить, что в нашем исследовании мы придерживаемся широкого определения эмотивной лексики, под которым понимается совокупность лексических средств, описывающих и выражающих эмоции. Как было показано нами выше, существуют различные основания для большого количества классификаций лексических средств

передачи эмоций. Тем не менее, опираясь на результаты исследований отечественных и зарубежных ученых, мы считаем, что в речи эмоции могут быть названы (номинация), описаны (дескрипция), выражены (экспрессия).

1.4 Неязыковые средства выражения эмотивности

Эмоции охватывают всю коммуникативную деятельность человека и касаются всех сфер жизни. Как было отмечено ранее, они отражаются на всех языковых уровнях, поэтому речь выступает первостепенной формой выражения эмоций. Однако различные эмоциональные состояния могут быть отражены и нелингвистическими средствами в качестве главных средств передачи информации. Эти средства обязательны и необходимы для полного понимания высказывания, поскольку раскрывается именно эмоциональный аспект речи. Зачастую для участников коммуникации ключевую роль играют их жесты, мимика, тембр голоса, движения, позы. Информация, передаваемая данными способами, служит дополнительной к умственной и является необходимым компонентом любого процесса общения. Разумеется, невербальный канал общения применим для обсуждения межличностных отношений, передачи эмоций, а также он наполняет коммуникацию живым человеческим содержанием, выступая своеобразной формой общения.

Г.В. Барышникова утверждает, что вербальные и невербальные элементы коммуникации в некоторой степени зависят друг от друга. В первую очередь, она выделяет между ними конгруэнтную взаимосвязь, которая является необходимым условием эффективного общения. В таком случае эмоциональный аспект речи вместе с паралингвистическими компонентами совпадает с логическим значением, это усиливает и добавляет однозначность речевому акту. Если же речь идет о рассогласованности эмоционального контекста и логического значения коммуникации, то такая взаимосвязь является неконгруэнтной [Барышникова, 2004]. При такой взаимосвязи невербальные средства общения несут в себе больше

информации и разрушают вербальное общение, что в некоторых случаях может быть использовано участниками коммуникации с преднамеренными целями.

И.Н. Горелов в своих трудах рассматривает такие синонимичные понятия, как паралингвистические средства и невербальные компоненты, которые в широком смысле подразумевают «средства несловесной коммуникации в речи, а также несловесные элементы, принимающие участие в кодовых переходах в процессах вербализации (при порождении речи) и девербализации (при рецепции речи)» [Горелов, 2009, с. 25].

В.А. Лабунская применяет такое понятие, как невербальное поведение и утверждает, что это совокупность невербальных средств общения, которые усваиваются индивидом и обуславливаются как социально, так и биологически. Данная совокупность может преобразоваться в индивидуальную конкретно-чувственную форму действий и поступков [Лабунская, 1986, с. 33]. Невербальное поведение сопряжено с внутренним миром личности, с проявлением его психического состояния, поэтому анализ невербального поведения позволяет определить уровень развития личности как субъекта общения.

По мнению В.А. Лабунской, общепринятыми характеристиками невербальных средств являются движение, пространство, время, которые отражаются в следующих системах:

- 1) оптикокинетической (жесты, мимика);
- 2) пара- и экстралингвистической (интонация и паузы);
- 3) система организации пространства и контакт глазами [Лабунская, 1986].

Рассмотрим некоторые из этих систем подробнее. Оптикокинетическая система тесно взаимосвязана с интересной для изучения областью – кинесикой, которая включает в себя не только язык тела (мимика, взгляд, жесты), но и внешний вид. Под кинесикой принято понимать зрительно воспринимаемый диапазон движений, выполняющих экспрессивно-

регулятивную функцию в общении [Митина, 2020, с. 119]. Конечно, кинесика изучает различные движения человека, но чаще всего изучение касается именно выразительных движений рук и лица.

По мнению М.Л. Бутовской, лицо человека – это не только целый комплекс информации, но также и основной индикатор эмоций, настроения, намерений человека. Человеческие эмоции способны вызвать определенную мимическую реакцию, связанную с деятельностью лицевых мышц. В целом, каждая базовая эмоция имеет связь с конкретной мышечной реакцией, при которой лицо принимает конкретное выражение [Бутовская, 2004, с. 47].

Г. Вилсон и К. Макклафлин утверждают, что наша способность к мимике является врожденной, более того, мимические выражения являются своего рода «мировым языком». Ссылаясь на ученого П. Экмана, Г. Вилсон и К. Макклафлин пишут о шести эмоциях (страх, радость, удивление, гнев, печаль, отвращение), которые абсолютно одинаково отражают человеческие лица в любой точке мира, хотя могут существовать и различные правила относительно того, стоит ли проявлять эти эмоции публично, и если да, то когда и где [Г. Вилсон, К. Макклафлин, 2001, стр. 48].

Большинство ученых сходится во мнении о необходимости демонстрировать контролируемую и спонтанную мимику в комплексе для успешного общения в коллективе. Мимические особенности могут включать в себя не только черты лица, но и физиологические реакции, такие как побледнение, покраснение и т.п. Даже незначительные изменения лица собеседника могут быть информативными, следовательно, на их основе делаются выводы о коммуникативном партнере. Например, Г.Е. Крейдлин выделяет следующие важные для общения функции мимики лица:

- 1) функцию выражения чувств;
- 2) коммуникативную функцию (передача адресату эмоциональной и иной информации);
- 3) регулятивную функцию (связана с лицевыми реакциями на сообщения других людей) [Крейдлин, 2002].

С мимикой тесно связан взгляд или зрительный контакт, который занимает особое место в невербальном способе выражения эмоций. Взаимодействие взглядов способствует восприятию знаков, выражающих эмоциональное состояние. Глаза представляют собой своего рода окно, через которое можно увидеть не только мыслительные процессы человека, но и его глубинные эмоции, желания. Г.Е. Крейдлин утверждает, что глаза могут выразить готовность к общению, желание установить контакт, влияние на собеседника, контроль над эмоциями, подавление воли [Крейдлин 2002, с. 51]. В.В. Ганина также устанавливает основные функции взгляда, которые включают в себя следующее: налаживание процесса коммуникации, отражение когнитивной активности, выражение эмоций и межличностных отношений [Ганина, 2006]. Добавим, что улыбка также взаимосвязана с положительной мимикой и играет важную роль в эмотивно-эмпатийном взаимодействии. К примеру, благодаря положительной мимике и улыбке, собеседникам удастся выразить согласие, создать приятную атмосферу для разговора или же вызвать радостную приподнятость [Карпова, 2011, с. 77].

С давних пор ученые интересуются невербальной коммуникацией, исходя из этого, им удалось выявить множество поразительных вещей. Зарубежный ученый С. Голдин-Медоу считает, что выразительные движения рук во время разговора, более известные как жесты, являются распространенными повсеместно [Goldin-Meadow, 2017]. Она также пишет об интегрированности речи и жестов, утверждая, что соответствующая жестикуляция, а не просто размахивание рук, помогает правильно выразить смысл речи, а также крайне важна для убедительного выступления ораторов, ведь на них слушатели обращают особое внимание. Жест передает значение глобально, опираясь на визуальные и миметические образы, в то время как речь передает значение дискретно, опираясь на кодифицированные слова и грамматические приемы [Goldin-Meadow, 2013, с. 4].

В.А. Лабунская считает, что при общении жест сопровождает не только речь, но и позволяет сделать выводы об отношении человека к предмету или

лицу, о его эмоциях, интенсивности переживаний и т.д., таким образом, жест – это не только проявление спонтанной активности человека [Лабунская, 1986, с.103]. Вместе с возрастанием эмоциональной напряженности человека, растет интенсивность жестикуляции, как и при желании достичь более полного понимания между партнерами, особенно если оно почему-то затруднено [Карпова, 2011, с. 76].

М.Л. Бутовская подразделяет жесты на эмоциональные выражения (категория универсальных жестов) и сигналы диалога (имеют культурную природу, осваиваются, передаются путем обучения). Согласно ее точке зрения, множество врожденных жестов человека, принадлежащих к категории эмоциональных выражений, служат подсказкой для оценки его внутреннего эмоционального состояния. Кроме того, эмоциональная жестикуляция является неотъемлемой частью человеческого общения и сопровождает речь бессознательно. К категории эмоциональных жестов относятся: жест просьбы, жест страха, покачивание поднятым вверх указательным пальцем (неодобрение или шутливая угроза), жест открытости, жест сомнения [Бутовская, с. 92-93, 2004].

Пара- и экстралингвистическая система невербального общения включает в себя интонацию. А.А. Реформатский считает, что интонация состоит из повышений и понижений голоса, ритма речи, темпа речи, силы или слабости произнесения, наличия или отсутствия пауз, из общего тембра высказывания и т.д. [Реформатский, 1996, с. 204].

Одной из функций интонации является выражение эмоциональных значений и оттенков. Интонационные характеристики являются наиболее выразительным показателем речи человека, они относятся к постоянным и неотъемлемым компонентам речи и способны изменить значение одних и тех же слов или фраз до неузнаваемости. Страх, гнев, радость, удивление, доброжелательность, уверенность и многие другие основные эмоции могут быть отражены в голосе, при этом темп и высота играют особую роль. [Киселева, 2019]. Ш. Балли утверждает: «Все, что можно сказать о мимике,

можно сказать и об интонации, которая является звучащей мимикой» [Балли, 1961, с. 117]. Подобную мысль мы находим и у Э. Сепира: «Интонация может с таким же успехом обозначать отношения и чувства, как и сжатые кулаки, взмах рук, пожатие плеч и поднятие бровей» [Сепир, 1993, с. 212].

В.П. Морозов посвятил множество своих работ невербальным средствам общения. К их числу он относит язык эмоций и эмоциональный слух – термины, которые в настоящее время приобрели научный статус. Независимость от слова, способность к восприятию и пониманию эмоций, свойства голоса (динамика высоты, силы, темпа, ритма), обуславливающих восприятие эмоций – это характерные особенности данных понятий [Морозов, 2017]. Например, эмоциональная интонация придает усиление смыслу высказывания, может противоречить ему или существовать самостоятельно. Согласно мнению исследователя, язык эмоций может выражаться в форме восклицаний, плача, смеха, которые сигнализируют о состоянии человека. Исходя из этого, мы выражаем не только свои эмоции, но и понимаем эмоциональные состояния других.

Важно учитывать, что невербальная информация передается не одним каким-либо акустическим средством, а одновременно несколькими. Например, информация об эмоциональном состоянии говорящего находит отражение в изменении ритма и темпа речи, изменения высоты голоса. Л.М. Митина подчеркивает, что ускорение и замедление речи несут в себе различные признаки, по которым можно судить о состоянии говорящего. К примеру, когда люди говорят в быстром темпе, то это характеризует интенсивность эмоций, агрессию, импульсивность. Замедление скорости речи указывает на нежелание говорить, высказывать свою точку зрения, стремление оттянуть неприятный для говорящего ответ или же потребность сосредоточиться. Звуковысотные характеристики колеблются в больших пределах. Эмоциональное содержание сообщения может несколько изменять звуковысотные характеристики. Так, гнев сопровождается увеличением звонкости, а страх делает голос глухим и сдавленным [Митина, 2020, с. 127].

Подводя итог, отметим, что коммуникация осуществляется не только с помощью слов, но и посредством других знаков, которые составляют средства невербальной коммуникации. Важно, что невербальная коммуникация позволяет ее участникам передать эмоциональное состояние во время взаимодействия, отношение друг к другу, темперамент, социальный статус, коммуникативные способности. Таким образом, основные особенности невербальных сообщений и невербальных эмоций – это многозначность, ситуативность и произвольность.

Выводы к главе 1

Проведенное исследование теоретических положений, связанных с лингвистической теорией эмоций, эмотивностью и смежных с ней понятий, а также языковых и неязыковых средств эмотивности, позволило сделать следующие выводы:

1. Лингвистика эмоций (эмотиология) – отрасль науки, сформированная на стыке психологии и языкознания, занимается подробным изучением эмоций в языке. В настоящее время существует огромный багаж знаний об эмоциональной стороне речи, учеными уже доказано, что в языке многое зависит от эмоций и движимо ими.

2. При изучении дефиниций таких понятий, как «эмоциональность», «эмотивность», «экспрессивность», «оценочность» было выявлено, что выбор одного из терминов в контексте языковых средств зависит от индивидуальных предпочтений ученых. В нашей работе мы в большей степени следуем теории ученого В.И. Шаховского и опираемся на следующие определения рассмотренных категорий: 1) *эмоциональность*, присущая первостепенно сфере физиологии и психологии, отражается в лингвистике через *эмотивность*, как результат интерпретации эмоционального состояния человека с помощью языковых единиц; 2) *экспрессивность*, в отличие от *эмотивности*, считается фактически

рассчитанной и обдуманной интенсификацией чувственной и эмоциональной составляющей, включенной в определенную сему; 3) *эмотивность и оценочность* разграничиваются видами деятельности человека, а именно оценочной и эмоциональной. Чистая оценка, без какого либо эмоционального элемента, строится на когнитивных функциях сознания, а значит, обладает логической базой. Эмоции относятся к психической сфере, хотя и связаны с пре-, пост- и метакогнитивной оценочной деятельностью человека.

3. Язык – это структурированная система знаков, предоставляющая человеку разнообразные средства вербализации эмоций на всех языковых уровнях. Мы подробно рассмотрели морфологические, синтаксические и лексические средства эмотивности. Относительно морфологических средств было установлено, что экспрессивные или эмоционально-окрашенные аффиксы (уменьшительные, уничижительные, пейоративно-оценочные) являются главными средствами вербализации эмоций. Среди основных эмотивных синтаксических средств можно выделить риторический вопрос, инверсию, повторы, парентезу, парцелляцию, обращения и др. Лексические средства позволяют назвать, описать и выразить эмоции. В целом, многими учеными рассматриваются эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы, как значимые средства репрезентации эмоций в языке и речи. В нашем исследовании мы будем опираться на классификацию эмотивов, предложенную В.И. Шаховским, которая включает в себя эмотивы-аффективы, эмотивы-коннотативы и эмотивы-потенциативы. Если сравнить вышеуказанные языковые уровни, то можно предположить, что лексические и синтаксические средства являются более эффективными и продуктивными в репрезентации эмоций, поскольку морфологические средства зачастую лишь только дополняют и усиливают эмотивность других языковых уровней.

4. Различные эмоциональные состояния могут быть отражены и невербальными средствами в качестве главных средств передачи информации. Они обязательны и необходимы для полного понимания

высказывания, поскольку раскрывается именно эмоциональный аспект речи. В большей степени для участников коммуникации ключевую роль играют их жесты, мимика, интонация, пауза, движения. Невербальный канал общения применим для обсуждения межличностных отношений, передачи эмоций, а также он наполняет коммуникацию живым человеческим содержанием, выступая своеобразной формой общения.

Глава 2. Вербальные и невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе

2.1 Взаимоотношение языка, эмоций и политики в лингвистических исследованиях

Возрастающий интерес общества к механизмам политической сферы коммуникации послужил причиной формирования политической лингвистики, особой языковой подсистемы, которая находится на пересечении таких наук, как лингвистика и политология. Данная дисциплина исследует связь между языком, коммуникацией, субъектами политической деятельности. Политическую лингвистику можно связать со многими другими лингвистическими направлениями, например, с социолингвистикой, риторикой, когнитивной лингвистикой и т.д. Мультидисциплинарность, антропоцентризм и функционализм являются чертами современного языкознания, которые характерны политической лингвистике [Чудинов, 2009, с. 6-7].

Язык создает политику и любая политическая деятельность невозможна без речевого манипулирования для осуществления конкретной политической цели. Политики используют язык, чтобы показать свой опыт и авторитет, стать ближе к гражданам или продемонстрировать их личные и эмоциональные сходства. Все это помогает аудитории почувствовать, что они являются членами той же группы, что и политические лидеры [Chilton, 2004]. Соответственно, вербальная коммуникация занимает важное место в политической лингвистике, поэтому для начала необходимо рассмотреть определение термина «политический язык».

А.П. Чудинов пишет о дискуссиях ученых по поводу данного определения. Некоторые из них полагают, что процесс коммуникации осуществляется на своеобразном варианте языка, который относится к разряду именно политического. Другие же считают, что отличительные

черты политической коммуникации незначительны, что они находятся в рамках грамматических и лексических норм языка. Сам А.П. Чудинов утверждает, что политический язык – это «ориентированный на сферу политики вариант национального языка» [Чудинов, 2009, с. 27].

По мнению О.И. Воробьевой, политический язык выделяют в отдельную и самостоятельную языковую подсистему за счет коммуникативного воздействия, особых функций и специфического словаря [Воробьева, 2008, с. 7]. Из этого следует, что политическая лексика составляет основной принцип политического языка и является ключевым аспектом политической коммуникации. Специфика такой лексики состоит в том, что с одной стороны, слова этой микросистемы являются терминами, которым свойственна однозначность наименования, а с другой – они могут вызывать различные эмоционально-оценочные реакции, например, в период интенсивного вовлечения общества в политическую деятельность [Воробьева, 2008, с. 10].

Д.В. Шапочкин под политическим языком понимает систему знаков конкретного национального языка, предназначенную для политической коммуникации, зачастую направленную на продвижение и распространение идей, принятие и обоснование социально-политических решений, формирование общенациональных интересов, а также эмотивное воздействие на адресата с целью побуждения к политическим действиям [Шапочкин, 2005, с. 8].

Мы согласны с мнениями вышеуказанных ученых. В нашей работе мы в большей степени опираемся на определение политического языка Д.В. Шапочкина, подробнее фокусируясь на роли эмоций и эмотивном воздействии на аудиторию.

Ученые уделяют большое внимание эмотивности политического языка, поскольку сознательная и контролируемая демонстрация эмоций, направленная на аудиторию для воздействия или эмоционального отклика со стороны граждан, вызывает научный интерес. Отметим, что рациональное

воздействие также немаловажно для политиков, поскольку аудитории необходимо предоставить информацию и факты, логично изложенные, обоснованные и точные. Однако зачастую рациональное и эмоциональное воздействие применяются в совокупности для установки максимального контакта с общественностью, привлечения внимания или более успешного воздействия [Chilton, 2002].

Взаимосвязь языка, эмоций и политики интересует многих зарубежных ученых, которые на сегодняшний день провели достаточно исследований и достигли значительных теоретических и практических результатов в данной сфере. Рассмотрим некоторые из них.

Джордж Маркус утверждает, что эмоции долгое время оценивались как иррациональные и ненаучные, тем не менее, в последние десятилетия многие экспериментальные исследования доказали, что эмоции являются частью процесса принятия рациональных решений, особенно в политической сфере. Современные исследователи предпочитают изучать роль эмоции, как для самих политических лидеров, так и для общества. Обращение к эмоциям в политических сообщениях оказывает значительное влияние на мнение граждан и их политические решения. Существуют так называемые эмоциональные «кнопки», нажимая на которые политики могут управлять эмоциями аудитории, в надежде получить отклик и поддержку [Marcus, 2000].

Глория Геннаро и Эллиот Эш считают, что существует много факторов, от которых зависит выбор политика в пользу обращения к эмоциям или рациональности. Конечно, необходимо учитывать индивидуальные особенности политика, конкретную ситуацию, в которой выступает политик, а также аудиторию. В результате исследования ученые выявили, что, во-первых, политической коммуникации необходимы эмоции для обозначения политических приоритетов, убеждения коллег или избирателей. Во-вторых, речь политиков обогащается эмоциями относительно тем, связанных с патриотизмом, внешней политикой и

социальными проблемами. В-третьих, эмоции проявляются в ситуациях неравенства, лишения прав и возможностей, когда политики являются членами партии меньшинства или членами групп меньшинств, находящихся в неблагоприятном положении, будь то с точки зрения пола, этнической принадлежности и религии [Gennaro, 2021].

Тед Брейдер, изучая эмоции в политике, сосредотачивается именно на том, как эмоции воздействуют на адресата. Часто в центре его внимания оказывается влияние отдельных эмоций, встречающихся в политических сообщениях. Автор проанализировал обращения к эмоциям в ряде политических заявлений и обнаружил, что обращение к энтузиазму достаточно актуально для политической речи, обращение к гордости занимает второе место, затем следует обращение к гневу, далее обращение к страху, состраданию, грусти и веселью. Согласно исследованию, лишь малая часть рассмотренных политических заявлений вообще не содержала призыва к эмоциям [Brader, 2006].

Отечественные ученые подобным образом посвящают свои труды взаимосвязи языка, эмоций и политики. Так, например, Л.М. Босова пишет о большом количестве вербальных и невербальных способов воздействия со стороны политиков, в основе которых заложены эмоции. В реальном общении данные способы воздействия коррелируются и помогают грамотно воздействовать на аудиторию. Политикам необходимо понимать лингвистические особенности эмотивности всех языковых уровней, в большей мере лексического, чтобы убедить аудиторию в правильности выдвинутой политической концепции. Более того, исходя из психологических правил управления сознанием аудитории, политики оформляют свою речь в зависимости от участников, целей, социальных норм и культурных традиций [Босова, 2018, с. 41].

А.П. Чудинов пишет о том, что речь политика имеет сложный и двойственный характер. С одной стороны, она должна быть простой, яркой, понятной всем, с другой – некоторые ее детали должны освоить только

специалисты данной сферы. По мнению ученого, речь политика может состоять как из стандартных, так и эмотивных единиц. Стандартность высказывания подразумевает использование общеупотребительной лексики, которая обеспечит доступность для массового читателя или слушателя, легкое уяснение смысла. Эмотивность политических высказываний касается выразительных средств, которые помогают вызвать интерес у адресата, способствовать внимательному восприятию, придать эстетическую значимость [Чудинов, 2009, с. 48]. Кроме того, выражение оценки (прямой / косвенной, положительной / отрицательной / нейтральной) занимает особое место в политической коммуникации и является ведущим средством убеждения, побуждения к политическим действиям [Чудинов, 2009, с. 51].

М.Р. Желтухина считает, что особенность языка политики состоит в эффективных способах подачи информации, а также ее правильного структурирования. В данном случае также можно говорить о создании различных эффектов, имеющих определяющее или сопутствующее значение, об определенном наборе средств воздействия на адресата с помощью эмоций. По мнению М.Р. Желтухиной, к таким средствам, в первую очередь, относятся тропы, которые позволяют внушать что-либо адресату, вызывать у него конкретные чувства и стимулировать к конкретным действиям [Желтухина, 2004, с. 2].

Рассмотрев общие положения о взаимосвязи языка, эмоций и политики, как зарубежных, так и отечественных ученых, мы полагаем, что прогресс в лингвистических исследованиях позволил шире взглянуть на роль эмоций в политике. Политические деятели целенаправленно воспроизводят стратегии коммуникативного поведения, которые направлены на получение живого отклика и реакции различных социальных групп, общностей и иных объектов политической жизни. Кодирюя информацию, политики пытаются максимально создать ситуацию эксплицитного или имплицитного воздействия на адресата. Именно язык, обогащенный эмоциями,

выразительностью и стилистической окраской, является главным средством, необходимым для достижения таких целей.

Таким образом, политика, будучи коммуникативной деятельностью, имеет выраженные аспекты дискурса, которые в совокупности и определяют политический дискурс. Мы полагаем, что понятие «политический язык» можно связать с понятием «политический дискурс» в единую терминологическую систему. В следующих разделах данной главы мы рассмотрим понятие политического дискурса, его структуру, формы и функции.

2.2 Понятие политического дискурса в современной лингвистике

Политический дискурс вызывает научный интерес у многих отечественных и зарубежных ученых, которые неоднократно пытались дать четкое и общепринятое определение данному феномену. Тем не менее, несмотря на многочисленные попытки, ученым не удалось прийти к общему мнению, поэтому в современной лингвистике политический дискурс рассматривается и трактуется с разных позиций. Для раскрытия сущности термина «*политический дискурс*», следует предварительно рассмотреть сам термин «*дискурс*», который также является многоаспектным и имеет разнообразные толкования. Далее мы попытаемся обозначить несколько основных определений дискурса.

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей, в механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 2002, с. 136-137].

Вслед за Н.Д. Арутюновой, В.Е. Чернявская утверждает, что под дискурсом следует понимать «текст(ты) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной формальной структуры – текста. В зависимости от исследовательских задач дискурс в одном случае обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определенных коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [Чернявская, 2006, с. 77-78].

М.Ю. Олешков считает, что «под дискурсом следует понимать процесс речевой деятельности говорящего (монолог) / говорящих (диалог), в котором представлен набор субъективных, социокультурных, в том числе стереотипных, прецедентных и т.п. смыслов; фактически, дискурс – это форма (способ) реализации текста». В связи с этим следует считать, что «дискурс составляют единицы речевой деятельности (речевые акты, высказывания), обладающие характеристиками: синтаксическими (план выражения – структура); семантическими (план содержания – значение); прагматическими (план сообщения – перлокуция)» [Олешков, 2006, с. 90].

Определение дискурса не имеет четких рамок, и невозможно утверждать, что лишь одно какое-либо определение является исключительно правильным. Мы считаем, что взгляды вышеуказанных исследователей в некоторой степени сходятся и взаимодополняют друг друга. Опираясь на рассмотренные определения, можно прийти к выводу, что дискурс представляет собой междисциплинарный феномен, а именно – коммуникативный процесс, который является прагматическим результатом

акта интеллектуальной и речевой деятельности социума, а также включает в себя и экстралингвистические факторы.

В связи с тем, что термин «дискурс» трактуется с разных сторон, существует множество классификаций основных типов дискурса. В рамках нашего исследования мы остановимся на *политическом дискурсе*, который является особой разновидностью дискурса с точки зрения его институциональной принадлежности.

Н.А. Сегал пишет о том, что стремление ученых специализированно охарактеризовать политический язык в различных видах и формах коммуникации послужило введению термина «политический дискурс», который является предметом дискуссий не только лингвистов, но и политологов, социологов, культурологов, философов. Следовательно, каждая отрасль привносит в политический дискурс определенные черты, поэтому достаточно сложно выделить единую трактовку данного феномена [Сегал, 2019, с. 30].

В.З. Демьянков утверждает, что исследование политического дискурса можно проводить как минимум с четырех сторон:

1) филологической – политический дискурс анализируется как любой другой текст, особое внимание уделяется его политическому и идеологическому фону;

2) социо-психолингвистической – политический дискурс анализируется с целью выявления эффективности политических намерений говорящего;

3) индивидуально-герменевтической – политический дискурс анализируется с целью установления смыслов, которые вкладывал автор и / или интерпретатор дискурса в тех или иных обстоятельствах;

4) политологической – политический дискурс рассматривается с точки зрения текущей политической ситуации, делаются прогнозы относительно развития других событий исключительно политологического характера [Демьянков, 2003].

Мы полагаем, что исследования политического дискурса, которые ограничиваются лишь одной научной позицией, могут привести к необъективным результатам и выводам, поэтому необходимо учитывать все вышеуказанные позиции для полного понимания политического дискурса.

Итак, в широком ключе политический дискурс принято понимать, как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискурсах, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» [Баранов, Казакевич, 1991, с. 6]. Е.И. Шейгал также считает логичным исходить из широкого понимания и к политическому дискурсу относит «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [Шейгал, 2000, с. 385]. С.Ж. Ергалиева похожим образом трактует политический дискурс и относит к данному явлению все речевые действия, связанные с политикой, которые характеризуются манипулятивностью, метафорической и экспрессивной семиотичностью, а также прагматичностью. Такие свойства политического дискурса, по мнению исследователя, отражаются не только в речи профессионалов, но и в повседневном общении людей на политические темы [Ергалиева, 2018, с. 7-8]. Другими словами, политический дискурс – это коммуникативный акт, участники которого пытаются придать конкретные значения фактам и повлиять или убедить других, это своего рода манипулятивная языковая стратегия, которая служит конкретным, возможно, идеологическим целям. Политический дискурс может включать как формальные дебаты, выступления и слушания, так и неформальные разговоры о политике, например, между членами семьи [Liebes, Ribak, 1991].

В узком смысле, как отмечает Т. ван Дейк, политический дискурс характеризуется как «класс жанров, ограниченный социальной сферой, а именно политикой» [Дейк, 2000]. С этим соглашается М.В. Гаврилова, утверждая, что политический дискурс – это дискурс политических деятелей, который формируется посредством их публичных выступлений и находит применение в сфере политики [Гаврилова, 2004, с. 128]. В.А. Маслова также

рассматривает узкое понимание политического дискурса и считает, что этот вид дискурса имеет целеполагание в форме экспансии и осуществления политической власти [Маслова, 2008, с. 44]. Согласно мнениям перечисленных авторов, политический дискурс ограничивается лишь политической сферой. Иначе говоря, к политическому дискурсу не относится речевая деятельность человека, не связанного с политической сферой деятельности.

У исследователя Е.В. Горбачевой мы находим всеобъемлющее определение: «политический дискурс определяется как отражающее менталитет политических субъектов вербальное и невербальное информационно-коммуникативное взаимодействие политических субъектов по поводу политических идей, идеологий, принципов, оценок, мнений, осуществляемое посредством социальных институтов для достижения политических целей» [Горбачева, 2007, с. 15].

Н.А. Сегал в своем диссертационном исследовании на основе интерпретаций дискурса как лингвокультурного, межкультурного и аксиологического феномена придерживается следующего определения: «политический дискурс – это речевая деятельность, реализуемая через знаковую систему и обусловленная ментальными установками субъекта и социополитическими факторами» [Сегал, 2019, с. 35].

Таким образом, рассмотрев определения политического дискурса различных ученых, мы пришли к выводу, что в рамках нашего исследования целесообразнее придерживаться узкого понимания политического дискурса. Мы считаем, что под политическим дискурсом можно понимать реализацию языка политики, воплощение в речи средств и особенностей национального языка, которые используются в рамках политической деятельности.

2.3 Структура, формы и функции политического дискурса

Политический дискурс относится к институциональному типу дискурса, который представляет собой статусно-ориентированную форму общения, т.е. коммуниканты предстают как носители определенного социального статуса [Пильгун, 2016, с. 21]. Е.И. Шейгал считает, что институциональный дискурс можно свести к формуле «дискурс = подъязык + текст + контекст». Согласно данной формуле, институциональный дискурс рассматривается как «широкое понятие, охватывающее как языковую систему (ту ее часть, которая специфически ориентирована на обслуживание данной сферы коммуникации), так и речевую деятельность (в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов) и текст» [Шейгал, 2000, с. 12-13].

Ученые ставят под сомнение вопрос о наличии «чистых» разновидностей дискурса, а также считают, что типы институционального дискурса, будучи полевыми по своему строению, пересекаются друг с другом. Е.И. Шейгал указывает на то, что политический дискурс может иметь общее с другими разновидностями институционального дискурса, а также с неинституциональными формами общения [Шейгал, 2000, с. 13]. В целом, Е.И. Шейгал разграничивает следующие разновидности политического дискурса: институциональный политический дискурс, масс-медийный политический дискурс, официально-деловой политический дискурс, тексты, созданные рядовыми гражданами, которые, не являются профессиональными политиками или журналистами и др. [Шейгал, 2000]. Следует отметить, что границы между видами политического дискурса не совсем четкие, поэтому приходится наблюдать их взаимное пересечение.

Согласно мнению В.И. Карасика, для описания политического дискурса, как институционального типа целесообразно рассматривать его следующие компоненты: участники, хронотоп, цели, ценности, стратегии,

материал, разновидности и жанры, прецедентные (культурогенные) тексты, дискурсивные формулы [Карасик, 2002].

Взяв за основу некоторые компоненты, предложенные В.И. Карасиком, А.А. Карамова в своем диссертационном исследовании классифицировала структуру политического дискурса. Рассмотрим данную классификацию в таблице [Карамова, 2013, с. 20-21].

Таблица 2. Структура политического дискурса

№	Компонент	Описание
1.	по тематике	Дискурс, имеющий своим предметом: 1. <i>идеологию</i> – дискурс о консерватизме, либерализме, социализме и др.; 2. <i>политические системы</i> – дискурс о демократии, авторитаризме и др.; 3. <i>сферу политической деятельности</i> – внешнеполитический дискурс, политико-экономический дискурс, политико-национальный дискурс и др.; 4. <i>политические процессы / события / действия</i> – дискурс выборов, военный дискурс, дискурс митингов и др.; 5. <i>субъектов политики</i> – дискурс о политическом деятеле, о политических институтах и др.
2.	по жанровому критерию	1. <i>по иллюции жанра</i> – информативные, этикетные, оценочные и др.; 2. <i>по форме передачи информации</i> – письменные, устные; 3. <i>по внешней форме жанра</i> – монологичные, диалогичные; 4. <i>по месту жанра в полевой структуре дискурса</i> – прототипные, маргинальные; 5. <i>по каналу передачи информации</i> – не опосредованные СМИ, опосредованные СМИ; 6. <i>по способу выражения</i> – вербальные, паралингвистически осложненные.
3.	по характеру субъекта	1. <i>институциональный дискурс</i> – дискурс политического института, дискурс социальных, этнических, профессиональных, религиозных и др. групп; 2. <i>индивидуальный (личностный) дискурс</i> – дискурс политического деятеля, гражданина как субъекта политической коммуникации и др.
4.	по временному плану	Политический дискурс привязан к той социально-политической формации, в условиях которой он порожден, суть которой он отражает, орудием которой он является. Например, <i>советский дискурс, перестроечный дискурс, постперестроечный дискурс</i> и др.

5.	по национально-культурному плану	<i>Русский (российский) политический дискурс, американский политический дискурс, немецкий политический дискурс и др.</i>
----	---	--

Итак, приведем некоторые примеры, которые дополняют вышеуказанную классификацию. Е.В. Афанасенко дополняет жанры в соответствии с тремя основными составляющими политической коммуникации – ориентацией, интеграцией и агональностью. Таким образом, в политическом дискурсе выделяются ритуальные жанры (где преобладает фатика интеграции), ориентационные жанры (тексты информационно-прескриптивного характера) и агональные жанры (дебаты, лозунги) [Афанасенко, 2006, с. 9].

По мнению Н. Фэрклафа, жанровая градация политического дискурса достаточно смешанная, что объясняется социально-политическими изменениями, и она зависит от сферы деятельности, а также функций. Исследователь относит к политическим жанрам именно те, которые взаимосвязаны с политической системой (парламентские речи политиков, политические программы, политические дебаты, нормативные документы и др.). Кроме того, он выделяет в отдельную группу медиатизированные политические жанры (интервью с политиками, радиопередачи о политике, политические новости, политическая реклама в прессе и др.). Последняя группа включает в себя жанры, связанные с политической публичной сферой (политические форумы, публичные встречи, фокус-группы и др.) [Fairclough, 2005, с. 33-34].

Е.И Шейгал утверждает, что «многомерность и сложность политического дискурса проявляются в возможности дифференциации его жанрового пространства по ряду параметров: а) градация институциональности (от разговоров с друзьями о политике до межправительственных переговоров); б) субъектно-адресатные отношения (дифференциация жанров с учетом вариативности субъекта и адресата в

рамках иерархии «политический институт, представитель института, граждане в массе, отдельный гражданин»); в) социокультурная дифференциация связана с неоднородностью групповых субъектов политики в плане идеологической ориентации, что приводит к образованию политических социолектов» [Шейгал, 2000, с. 25].

Таким образом, мы можем заметить, что на уровне структурирования политического дискурса проявляется его специфичность и разнообразие. Безусловно, относительно многих аспектов перечисленных классификаций, мнения ученых сходятся и дополняют друг друга, но единой и четкой структуры политического дискурса все еще нет, что может быть связано с процессом социальных изменений, в котором помимо политики задействованы другие сферы жизни.

Сосредоточим внимание на функциональном разнообразии политического дискурса, которое занимает важное место в исследованиях ученых-лингвистов.

Н.А. Сегал выделяет три доминирующие функции политического дискурса, связанные с целью политической деятельности, т.е. завоеванием власти: коммуникативная функция, функция борьбы за власть, функция регулирования отношений между социальными институтами. Кроме этого, Н.А. Сегал подчеркивает, что функциональная специфика политического дискурса многообразна. В современной лингвистике ученые выделяют также интегративную, образовательную, информационную функции, функцию социализации, функцию формирования общественного мнения, функцию социальной контроле, солидарности, определения повестки дня и др. [Сегал, 2019, с. 33-34].

Е.В. Афанасенко выделяет следующие основные функции политического дискурса: «1) суггестивную, так как политическая коммуникация относится к тому виду коммуникации, для которого воздействие является важнейшей целью; 2) информативную, отвечающую за беспристрастное сообщение о всякого рода событиях; 3) экспрессивную,

подчеркивающую субъективное отношение говорящего к обозначаемым предметам и явлениям действительности; 4) магическую, придающую некую ритуальность политическому дискурсу и способствующую созданию дистанции между народом и правительством, внушающую патриотические чувства к Родине и уважение к своему правительству» [Афанасенко, 2006, с. 8].

Е.В. Пильгун утверждает, что «цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию, в чем и проявляется манипулятивная направленность политического дискурса» [Пильгун, 2016, с. 25]. К основным концепциям политической коммуникации, по мнению исследователя, относятся «персуазивность (прагматико-речевое воздействие с целью убеждения в процессе коммуникации) и суггестивность (воздействие на когнитивную систему адресата: процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум)» [Пильгун, 2016, Там же].

В рамках нашего исследования мы рассмотрим публичные выступления политических лидеров на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Политические публичные выступления относятся к институциональному типу политического дискурса, а также представляют собой статусно-индексальное общение. Опираясь на вышеуказанные функции политического дискурса, мы полагаем, что публичным выступлениям в ООН характерны прагматико-речевое воздействие с целью убеждения, а также воздействие не только на когнитивную систему адресата, но и эмоциональную. Из этого следует, что основными функциями выступлений в рамках нашего исследования являются: информативная, побудительная и эмотивная. Политические публичные выступления в ООН являются отражением идеологических предпочтений страны, которые представляют политические лидеры. В центре таких выступлений – насущные вопросы текущей политической конъюнктуры. Институциональная организация такого дискурса соответствует конвенциям международных

встреч политических лидеров, однако, максимальный эффект в публичном выступлении достигается, когда политики в некоторой степени выходят за рамки привычных конвенций, благодаря чему они запоминаются публике. Как было отмечено ранее, особенность публичного выступления состоит в воздействии адресанта на разные типы адресатов. По этой причине политические речи все чаще включают зрелищные постановочные элементы, яркую стилистическую окраску, обращения к эмоциям.

2.4 Вербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе

В плане выражения эмотивность представлена в политическом дискурсе преимущественно языковыми актуализаторами эмоций. Ранее нами было отмечено, что язык является сложно структурированной системой знаков и, следовательно, предоставляет человеку множество разнообразных средств вербализации эмоций на всех языковых уровнях. В первой главе диссертационной работы мы рассмотрели основные теоретические положения вербализации эмоций на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Однако анализ выступлений показал, что англоговорящие политические деятели выражают эмоции главным образом с помощью синтаксического уровня, в то время как русскоговорящие – с помощью лексического уровня. При помощи данных вербальных средств реализации эмотивности политики информируют аудиторию, вызывая эмоции у коммуникантов, а также побуждают их к действиям и осуществляют конкретные политические цели. Очевидно, что политическая речь не обходится без рациональности и логических аргументов (факты, цифры, письменные свидетельства), однако, в связи с развитием когнитологии и когнитивной лингвистики современные ученые заинтересованы в исследованиях, посвященных актуализаторам эмоций,

эмоциональным аргументам, которые апеллируют к чувствам человека с опорой на эмоциональную память.

На сессиях Генассамблеи ООН политические лидеры стремятся донести до мирового сообщества необходимость сотрудничества, взаимопомощи и развития. В связи с этим выражение собственных эмоций и оценок для политиков занимает значительное место в выступлениях. Итак, рассмотрим вербальные средства реализации эмотивности в дискурсе англоговорящих политиков, затем в дискурсе русскоговорящих политиков. В результате выясним специфику вербальных средств реализации эмотивности в сопоставительном аспекте.

Англоговорящие политические лидеры обращаются к *средствам прибавления (синтаксический повтор, лексический повтор, морфемный повтор), средствам убавления (асиндетон, эллиптические конструкции) и средствам размещения (инверсия, парцелляция, парентеза)*. Рассмотрим детально каждое средство реализации эмотивности на практических примерах.

Средства прибавления означают повторение в речевой цепи единиц плана выражения и демонстрирует неизменность, постоянство овладевшего говорящим чувства [Хазагеров, 2002, с. 91-92]. Самым распространенным средством прибавления в политических речах является *синтаксическое повторение*, которое представлено *анафорическими конструкциями* и наполнено *параллелизмом*. Мы выявили, что, в анализируемых нами речах, при оглашении мировых проблем, планов на развитие или укрепление сотрудничества, данный прием используется всеми политиками, более того, несколько раз в течение выступления. Рассмотрим некоторые отрывки из выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона и президента США Дональда Трампа на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. *“We have seen borders spring up between friends and allies, sometimes without consultation. We have seen the disruption of global supply chains with*

cheque book wars on airport tarmacs as nation has vied with nation for a supply of PPE.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>]. – «Мы наблюдали, как возникают границы между друзьями и союзниками, иногда без консультаций. Мы наблюдали перебои в работе глобальных систем поставок, страны как на аукционе состязались прямо на взлетной полосе, предлагая все более высокую цену за индивидуальные средства защиты» (здесь и далее перевод наш);

2. *“Unless we get our act together. Unless we unite and turn our fire against our common foe, we know that everyone will lose.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>]. – «Если мы не соберемся с силами. Если мы не объединимся и не направим наш огонь против нашего общего врага, мы знаем, что проиграют все»;

3. *“We don’t know which may be successful. We do not know if any of them will be successful.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>]. – «Мы не знаем, какая из этих вакцин окажется успешной. Мы не знаем, окажется ли успешной хотя бы одна из них»;

4. *“We will distribute a vaccine, we will defeat the virus, we will end the pandemic, and we will enter a new era of unprecedented prosperity, cooperation and peace.”* [URL: <https://media.un.org/en/asset/k13/k13l04y3cu>]. – «Мы распространим вакцину, мы победим вирус, мы положим конец пандемии и вступим в новую эру беспрецедентного процветания, сотрудничества и мира».

Рассмотрев данные примеры, мы пришли к выводу, что, во-первых, упорядоченные синтаксические повторы обладают логическим потенциалом, задача которого установить связь между повторяющимися единицами. Во-вторых, они служат средством выражения эмоций, поскольку помогают оратору передать чувство уверенности, просто и четко убедить аудиторию, произвести эмоциональный эффект. Обратим внимание, что во всех параллельных конструкциях содержится местоимение первого лица множественного числа – *we*, или притяжательное местоимение – *our*. Кроме

того, во втором примере используются различные глаголы и словосочетания с отсылкой на сплочение и совместное решение глобальных проблем – “*get our act together*”, “*unite*”, “*turn our fire against our common foe*”. В четвертом примере наблюдается то же самое, но уже в рамках одного предложения – “*we will distribute a vaccine, we will defeat the virus, we will end the pandemic*”. Таким образом, с помощью параллельных конструкций и соответствующей лексики, оратор делает акцент на коллективном аспекте, вместо индивидуального, что ведет к усилению эмотивности, т.е. посыл завязан на эмоциях и ощущениях.

Далее следует рассмотреть прием *лексического повтора*, который по сравнению с синтаксическим, встречался относительно реже. Приведем отрывки из выступлений премьер-министра Канады Джастина Трюдо и премьер-министра Австралии Скотта Моррисона на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. “*Time and time again, history has shown us that the price to pay for turning away, for failing to act, is much too high.*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]. – «История снова и снова показывает нам, что цена игнорирования и бездействия слишком высока»;

2. “*Some might see short term advantage, or even profit. But I assure you to anyone who may think along those lines, humanity will have a very long memory and be a very, very severe judge.*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563381/>]. – «У кого-то может возникнуть соблазн извлечь сиюминутную выгоду или прибыль. Но хочу, чтобы все, кто питает такие надежды, осознавали, что человечество надолго сохранит это в памяти и осудит очень, очень строго».

В вышеуказанных примерах мы наблюдаем двукратный повтор полнозначных слов “*time and time again*”, “*very, very severe*”. Используя такой прием, оратор не только акцентирует внимание адресата, но и

демонстрирует интенсивность своих чувств, а также желает вызвать те же эмоции у адресата, тем самым убеждая в правоте данной точки зрения.

Анализируя речи политиков, мы обнаружили, что повторяться могут и отдельные части слова, например, приставки, корни, суффиксы, окончания. Такой прием называется *морфемным повтором*. В выступлении председателя Европейского Совета Шарля Мишеля на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.) неоднократно используется повтор окончания *-er*:

1. *“The European Union wants to be stronger, more autonomous, and firmer, to defend a fairer world.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2562/2562800/>]. – «Европейский союз стремится быть сильнее, автономнее и устойчивее, чтобы защищать более справедливый мир»;

2. *“It has awakened a new collective responsibility, to build back better and greener.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2562/2562800/>]. – «Кризис (вызванный пандемией) разбудил новую коллективную ответственность, и восстановление экономики должно идти по более ответственному, «зеленому» пути».

В перечисленных примерах морфемный повтор позволяет оратору выдвинуть на первый план важные и эмотивные единицы. Заметим, что на протяжении всего выступления достаточно часто оратор выделяет сравнительную степень прилагательных в цепной последовательности, с помощью единиц *“stronger”, “fairer”, “better”* и фокусирует на них внимание слушателей. Значения данных единиц являются положительными, соответственно, оратор выражает свои позитивные эмоции и вызывает их у аудитории, настраивает слушателей на веру в лучшее.

Перейдем к *средствам убавления*, в которых единицы плана содержания остаются без соответствующих единиц плана выражения [Хазагеров, 2002, с. 107]. В данном случае для речи характерны пропуски каких-либо элементов для того, чтобы создать впечатление энергичности, готовности, динамичности. В политических речах основным оборотом в пределах группы убавления является *асиндетон*. Рассмотрим примеры из

выступлений президента США Джо Байдена на 76 Генеральной Ассамблеи ООН (2021 г.) и посла Канады в ООН Марка-Андре Бланшара на 74 Генеральной Ассамблеи ООН (2019 г.):

1. *“Instead of continuing to fight the wars of the past, we are fixing our eyes on devoting our resources to the challenges that hold the keys to our collective future: ending this pandemic; addressing the climate crisis; managing the shifts in global power dynamics; shaping the rules of the world on vital issues like trade, cyber, and emerging technologies; and facing the threat of terrorism as it stands today.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655703/>]. – «Вместо того чтобы продолжать сражаться в войнах прошлого, мы сосредотачиваем свой взор и направляем свои ресурсы на проблемы, решение которых является ключом к нашему будущему, в том числе: ликвидацию пандемии; разрешение климатического кризиса; управление глобальной динамикой власти; формирование правил поведения по таким жизненно важным вопросам, как торговля, кибернетика и новые технологии; противостояние угрозе терроризма в ее нынешнем виде»;

2. *“All the unmatched strength, energy, commitment, will, and resources of our nation are now fully and squarely focused on what’s ahead of us, not what was behind.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655703/>]. – «Сила, энергия, приверженность своему делу, воля и ресурсы нашей нации полностью и исключительно направлены на то, что предстоит, а не на то, что уже миновало»;

3. *“Should you choose to elect us, Canada can be counted on to do what it has always done: ask the tough questions, actively listen to the answers, stand up for what matters, be clear and consistent, and unite rather than divide.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2460/2460740/>]. – «Если вы решите избрать нас, можно рассчитывать на то, что Канада будет делать то, что она всегда делала: задавать сложные вопросы, активно выслушивать ответы, отстаивать то, что важно, быть ясной и последовательной, объединять, а не разделять»;

4. “*And as it worsens, it will leave millions of people **displaced, hungry, vulnerable** to disease and weather-induced disaster.*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2460/2460740/>]. – «И по мере того, как ситуация будет ухудшаться, миллионы людей останутся вынужденными переселенцами, голодными, уязвимыми перед болезнями и стихийными бедствиями, вызванными погодой».

В приведенных примерах асиндетон способствует выражению в пределах одного отрезка речи насущных вызовов, сильных и слабых сторон государств, которые представляют ораторы. Такое динамичное перечисление выражает эмоции оратора, захватывает внимание слушателей, заставляет их задуматься о правдивости сказанного и согласиться с оратором. Асиндетон делает данные высказывания насыщенными, придает им особый ритм и выразительный оттенок. Заметим, что в первом примере помимо асиндетона используется также антитеза “*instead of continuing to fight... we are fixing...*”, т.е. контрастные черты сопоставляемых единиц еще в большей степени придают яркость речи.

Необходимо уделить внимание *эллиптическим* конструкциям, которые зачастую используются политиками в связи с их прагматической направленностью. Приведем отрывки из выступлений президента США Дональда Трампа на 73 Генеральной Ассамблеи ООН (2018 г.) и премьер-министра Дании Метте Фредериксен на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. “*In less than two years, my administration has accomplished more than almost any administration in the history of our country... (Laughter.) **Didn't expect that reaction, but that's okay.** (Laughter and applause.)*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2243/2243805/>]. – «Меньше чем за два года моя администрация сделала больше, чем любая другая администрация за всю историю нашей страны... (Смех). Не ожидал такой реакции, но ничего. (Смех и аплодисменты)»;

2. “We cannot allow a regime that chants “Death to America,” and that threatens Israel with annihilation, to possess the means to deliver a nuclear warhead to any city on Earth. **Just can’t do it.**” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2243/2243805/>]. – «Мы не можем позволить режиму, который скандирует «Смерть Америке!» и угрожает уничтожить Израиль, завладеть средствами доставки ядерной боевой части ни в один город на земле. Просто не можем»;

3. “OPEC and OPEC nations, are, as usual, ripping off the rest of the world, and I don’t like it. Nobody should like it. We defend many of these nations for nothing, and then they take advantage of us by giving us high oil prices. **Not good.**” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2243/2243805/>]. – «ОПЕК и страны ОПЕК, как всегда, грабят мир, и мне это не нравится. Это никому не нравится. Мы защищаем многие из этих стран практически даром, а потом они извлекают для себя выгоду, устанавливая для нас высокие цены на нефть. Это нехорошо»;

4. “All of these challenges have one thing in common. They can only be solved if we take action and if we work together. Are we doing that today? **In some areas we are.**” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563312/>]. – «У всех этих проблем есть одна общая черта. Их можно решить, только если мы примем меры и будем работать вместе. Делаем ли мы это сегодня? Лишь отчасти».

Данные примеры демонстрируют, как ораторы преднамеренно опускают в предложениях либо сказуемое, либо подлежащие, которые можно восстановить из контекста. Такой прием способствует выражению императивности или решительных действий, придает лаконичность, яркость и простоту главному послы. Очевидно, что прагматическая направленность выделенных эллиптических конструкций увеличивает эмоциональное воздействие на слушателя, а также обеспечивает адекватность эмоциональной реакции слушателя намерениям говорящего.

Наконец, *средства размещения* также являются актуальными, когда речь идет об эмоциональной аргументации в политическом публичном выступлении. В данном случае элементы плана выражения размещаются необычным образом, например, нарушается порядок следования единиц, наблюдается дистантное расположение единиц или разрывы между ними [Хазагеров, 2002, с. 112]. Общеупотребительным приемом в политических речах является *инверсия*, под которой принято понимать перестановку привычного порядка слов для передачи эмоционального состояния. В ходе анализа политических выступлений на Генассамблеях ООН было выявлено, что инверсия неоднократно используется всеми политиками. Рассмотрим некоторые отрывки из выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона, президента США Дональда Трампа, а также постоянного представителя Новой Зеландии при ООН Крэйга Хоука на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. *“Never in the history of our species – not since the almighty felled the tower of babel – **has the human race been** so obsessed with one single topic of conversation.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>]. – «Никогда в истории нашего вида, с тех пор как Всевышний разрушил Вавилонскую башню, человечество не было настолько одержимо одной единственной темой для разговора»;

2. *“And **now is the time** above all to look ahead and think now about how to stop a pandemic from happening again.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/>]. – «И сейчас самое время, прежде всего, заглянуть в будущее и подумать о том, как предотвратить возвращение пандемии»;

3. *“But only if you take care of your own citizens, **will you find** a true basis for cooperation.”* [URL: <https://media.un.org/en/asset/k13/k13l04y3cu>]. – «Но только если вы будете заботиться о своих собственных гражданах, вы найдете истинную основу для сотрудничества»;

4. *“We invest in this system not only because is it the right thing to do, but because it helps build a safer, more prosperous, and sustainable future.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2564/2564905/>]. – «Мы инвестируем в эту систему не только потому, что это правильно, но и потому, что она помогает построить более безопасное, процветающее и стабильное будущее».

Инвертированный порядок слов позволяет оратору не только подчеркнуть главный посыл сообщения, но и выразить эмоции, привлечь внимание на экспрессию высказывания, тем самым, вызвать определенные чувства и настроение у слушателей. Обычный порядок слов нарушается, на первый план в предложении выносятся эмоционально важное слово, так как наиболее выразительной эмфазой является начальная позиция логического высказывания, связанная с выражением сильных чувств [Орлова, 2009, с. 18]. Конечно же, все члены предложения могут быть подвергнуты инверсии, но в особенности обстоятельства места и времени, что заметно в первом предложении *“never in the history of our species has the human race been...”* и третьем предложении *“now is the time above...”*. Кроме того, следует обратить внимание, что в первом предложении, наряду с инверсией, говорящий использует парентетическую конструкцию *“not since the almighty felled the tower of babel”*, т.е. вносит уточнения и дополнительную информацию, тем самым оживляет высказывание, делает его более динамичным и удобным для восприятия. Второй пример также содержит в себе эмоциональный компонент, поскольку говорящим было решено использовать условный тип предложения с инвертированным порядком слов вспомогательного и смыслового глагола в его главной части – *“will you find...”*. Все эти приемы в совокупности образуют доводы за счет эмоций и чувств.

Далее следует не менее распространенный прием в политических речах – *парцелляция*, т.е. деление высказывания на несколько интонационно обособленных отрезков (графически пауза передается точкой). Яркими

примерами являются высказывания премьер-министра Канады Джастина Трюдо на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. *“The world is in crisis. And not just because of the last few months. Not just because of COVID-19. But because of the last few decades. And because of us.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]. – «Мир переживает кризис. И не только из-за событий последних нескольких месяцев. Не только из-за COVID-19. Но из-за событий последних нескольких десятилетий. И из-за нас»;

2. *“Economies collapsed. Governments – and systems of government – crumbled. Millions died.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]. – «Экономика потерпела крах. Правительства – и системы управления – рухнули. Миллионы погибли»;

3. *“Our shared failures have continued. And our citizens are paying the price.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]. – «Мы продолжаем терпеть неудачи. И наши граждане расплачиваются за это»;

4. *“We need a new way of thinking. On climate, on inequality, on health. Because the way we’re doing things just isn’t working well enough.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]. – «Мы нуждаемся в новом типе мышления, идет ли речь о климате, неравенстве или здравоохранении. Ибо наш подход к решению этих задач просто не работает как надо».

В вышеуказанных примерах мы наблюдаем, как деление связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков образует эмотивные предложения, способствующих чувственно-образному восприятию и эмоциональному осмыслению поступающей информации. Парцелляция усиливает смысловые и эмоциональные оттенки определенных компонентов. В данных примерах заметно, что при помощи парцелляции оратор способен выразить кратко и четко свои эмоции, подчеркнуть смысловые фрагменты, которые наиболее важны и интересны

аудитории. Более того, разрыв речевой цепи формирует такой тип эмотивности, который воздействует на аудиторию, играет на эмоциях аудитории, заставляет аудиторию задуматься. Например, в первом и четвертом предложениях эмоциональный оттенок и настойчивая убедительность передаются посредством парцелляции причинно-следственного типа:

- “*the world is in crisis...*” → “*...because of us*”;
- “*we need a new way of thinking...*” → “*...because the way we’re doing things just isn’t working well enough*”.

Во втором, а также третьем примере мы отмечаем акцент на эмоционально-выделительном оттенке в конце предложения. В данном случае парцелляция подчеркивает заключительную часть предложения, выполняя обобщающую и эмотивную роль: “*...millions died*”, “*...and our citizens are paying the price*”. Следует отметить, что все указанные примеры включают в себя парцелляцию с простой структурой, что является показателем современных языковых тенденций в политике.

Сосредоточим внимание на использовании *парентезы* в политической речи. В ходе анализа было выявлено, что вставки, разрывающие предложения с целью дополнения какой-либо информацией, являются характерной чертой выступлений премьер-министра Великобритании Бориса Джонсона на 74 и 76 Генеральной Ассамблеи ООН (2019 г., 2021 г.):

1. “*If we master this challenge – **and I have no doubt that we can** – then we will not only safeguard our ideals, we will surmount the limits that once constrained humanity and conquer the perils that once ended so many lives.*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>]. – «Если мы справимся с этим вызовом – а у меня в этом нет сомнений – то мы не только защитим наши идеалы, а преодолеем те ограничения, которые когда-то сдерживали человечество, и устраним напасти, которые когда-то уносили так много жизней»;

2. *“It is time for us to listen to the warnings of the scientists – and look at Covid, if you want an example of gloomy scientists being proved right – and to understand who we are and what we are doing.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2657/2657241/>]. – «Нам пора прислушаться к предупреждениям ученых – и посмотреть на Covid-19, если вам нужен пример того, как сбылись прогнозы мрачных ученых – и понять, кто мы и что мы делаем»;

3. *“And we are not talking about stopping the rise in temperatures – it is alas too late for that – but to restrain that growth, as I say, to 1.5 degrees.”* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2657/2657241/>]. – «И мы говорим не о том, чтобы остановить рост температуры – увы, уже слишком поздно, – а о том, чтобы ограничить этот рост, как я уже сказал, в пределах 1,5 градусов».

В данных примерах парентетические внесения необходимы оратору для аргументации, глубины смысла и передачи оценки или эмоции к происходящему. В первом примере вставка *“and I have no doubt that we can”* выражает уверенность оратора, здесь он пытается подбодрить слушателей, вызвать у них положительные эмоции и убедить в том, что решение проблемы является возможным. Во втором примере за счет парентетической вставки *“and look at Covid, if you want an example of gloomy scientists being proved right”* оратор напоминает слушателям о коронавирусе, пытаясь убедить их в важности данной проблемы. При этом оттенок иронии, возможно, направлен на слушателей, которые до сих пор не понимают всю серьезность коронавируса и его последствий. В третьем примере дополнительная вставка *“it is alas too late for that”* позволяет выразить оратору его искреннее сожаление и отчаяние, поскольку многое было уже упущено относительно проблем климата, однако, оратор пытается убедить аудиторию в том, что необходимо хвататься за любую возможность, чтобы не усугубить нынешнюю ситуацию.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что выражение эмоций занимает главное место в выступлениях современных англоговорящих политиков в ООН. В первую очередь, причиной этому является обсуждение насущных глобальных проблем и их последствий, освещая которые невозможно следовать лишь правилам официальности и шаблонности. Кроме того, политики стремятся донести до мирового сообщества необходимость сотрудничества, сплоченности, взаимопомощи, развития в целях обеспечения процветающего будущего. Итак, в 90% проанализированных нами выступлений англоговорящих политиков были использованы синтаксический повтор, парцелляция, инверсия, асиндетон, в 50% - лексический повтор и парентеза, в 25% - морфемный повтор и эллиптические конструкции. Продемонстрируем в диаграмме иерархию вербальных средств эмотивности в дискурсе англоговорящих политиков по частоте использования.

Диаграмма 1

Далее необходимо остановиться на анализе вербальных средств реализации эмотивности в дискурсе русскоговорящих политических деятелей. Следует подчеркнуть, что в ходе данного анализа было выявлено, что главным образом политики используют средства лексического уровня. Мы взяли за основу классификацию эмотивов, предложенную

В.И. Шаховским, проанализировали выступления Владимира Путина и Сергея Лаврова на эмоциональные проявления с помощью эмотивов-аффективов, эмотивов-коннотативов и эмотивов-потенциативов. Как мы уже отмечали ранее, *аффективы* – это лексические единицы, в которых эмотивное значение является основным, которые выражают сильные эмоции говорящего; *коннотативы* – это лексические единицы, содержащие эмотивные семы наряду с основным логико-предметным значением; *потенциативы* – это лексические единицы, которые приобретают эмотивное значение в рамках определенного контекста [Шаховский, 2008, с. 75-76].

Рассмотрим отрывки из выступления президента России Владимира Путина на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.):

1. *«И, как показывает дипломатическая практика, этот инструмент работает в отличие от печального опыта довоенной Лиги Наций с её бесконечными разговорами, декларациями без механизмов реальных действий, без права государств и народов, попавших в беду, на помощь и защиту»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>];

2. *«А главное, это тот абсолютно необходимый и уникальный инструмент, который не допускает односторонних действий, чреватых прямым военным столкновением крупнейших государств, даёт возможность искать компромисс или как минимум избегать решений, категорически неприемлемых для других, действовать в рамках международного права, а не в зыбкой, серой зоне произвола и нелегитимности»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>];

3. *«Это не просто низость и преступление перед памятью борцов с нацизмом. Это прямой, разрушительный удар по самим основам послевоенного мироустройства что особенно опасно в условиях, когда глобальная стабильность подвергается серьёзным испытаниям, когда деградирует система контроля над вооружениями, не стихают региональные конфликты, обостряются угрозы, исходящие от*

терроризма, оргпреступности и наркотрафика» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>];

4. *«Так, по оценкам экспертов полное или частичное сокращение занятости в мире во втором квартале этого года эквивалентно потере 400 миллионов рабочих мест, и нужно сделать всё, чтобы такая безработица не стала застойной, чтобы люди вернулись к работе, могли обеспечивать свои семьи, а не оказались в тисках бедности, без перспектив в жизни»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>].

Выявленные типы эмотивов:

Эмотивы-аффективы: «от печального опыта», «прямым военным столкновением крупнейших государств», «в зыбкой, серой зоне произвола», «низость и преступление», «разрушительный удар», «особенно опасно».

Эмотивы-коннотативы: «стабильность подвергается серьёзным испытаниям», «деградирует система контроля», «не стихают конфликты», «обостряются угрозы», «в тисках бедности».

Эмотивы-потенциативы: «бесконечными разговорами, декларациями», «без права государств и народов, попавших в беду, на помощь и защиту», «исходящие от терроризма, оргпреступности и наркотрафика», «чтобы такая безработица не стала застойной», «без перспектив в жизни».

Проведенный анализ вышеперечисленных примеров показал, что Владимир Путин с помощью указанных эмотивов более убедительно освещает ряд актуальных вопросов, создает эмотивный фон выступления, прямо или косвенно выражает свои эмоции, а также свое отношение к происходящим событиям в мире. Эмотивы были обнаружены в следующих контекстах: роль ООН, контроль над вооружениями и глобальной стабильности, недопустимость попыток искажения истории, важность права вето у пяти постоянных членов СБ ООН. С помощью эмотивной лексики президенту удастся призвать все страны проявить мудрость в решении мировых проблем.

Далее рассмотрим отрывки из выступления министра иностранных дел России Сергея Лаврова на 77 Генеральной Ассамблеи ООН (2022 г.):

1. *«Официальная русофобия приобрела на Западе беспрецедентные, гротескные масштабы. Там уже не стесняются открыто заявлять о намерении не только нанести нашей стране военное поражение, но и разрушить, расчленить Россию»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>];

2. *«Мы что, должны были мириться с курсом Киева на тотальный запрет русского языка, образования, российских СМИ и культуры с требованиями изгнать русских из Крыма, объявлением войны против Донбасса, жителей которого и тогдашние, и нынешние киевские власти провозгласили не людьми, а “существами” устами своего высшего руководства?»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>];

3. *«Сейчас Запад закатил истерику из-за проходящих в Луганской, Донецкой, Херсонской и Запорожской областях Украины референдумов...»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>];

4. *«Договоренности, которые были гарантированы Германией, Францией и Польшей, наутро были растоптаны главарями кровавого госпереворота, унизившими европейских посредников»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>];

5. *«В эпоху перемен человеку свойственно искать опору и утешение в мудрости предшественников, на чью долю выпали неменьшие испытания. По меткому выражению бывшего Генерального секретаря ООН Д.Хаммаршельда, помнившего ужасы Второй мировой войны: “ООН была создана не для того, чтобы привести человечество в рай, а чтобы спасти его от ада”»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

Выявленные типы эмотивов:

Эмотивы-аффективы: «русофобия», «военное поражение», «разрушить, расчленив Россию», «изгнать русских», «объявлением войны», «провозгласили не людьми, а “существами”», «были растоптаны главарями кровавого госпереворота», «ужасы Второй мировой войны».

Эмотивы-коннотативы: «беспрецедентные, гротескные масштабы», «тотальный запрет», «Запад закатил истерику», «неменьшие испытания», «не для того, чтобы привести человечество в рай, а чтобы спасти его от ада».

Эмотивы-потенциативы: «не стесняются», «мириться с курсом Киева», «в эпоху перемен», «искать опору и утешение».

Анализ данных примеров показал, что с помощью указанных эмотивов министр выражает обеспокоенность и сожаление, заостряет внимание на негативных тенденциях современного мира, а также дает жесткие оценки тех или иных действий различных государств. Эмотивный фон наблюдается в рамках обсуждения министром таких важных вопросов, как будущий миропорядок, международная безопасность, политика США и ЕС, украинский кризис.

С помощью количественного анализа подведем итоги. Итак, в выступлениях Владимира Путина и Сергея Лаврова было обнаружено в общей сумме 33 эмотива, из которых эмотивы-аффективы – 14 (42,4%), эмотивы-коннотативы – 10 (30,3%), эмотивы-потенциативы – 9 (27,3%). Продемонстрируем в диаграмме иерархию вербальных средств эмотивности в дискурсе русскоговорящих политиков по частоте использования.

Диаграмма 2

Проведенный анализ показал, что англоговорящие политические деятели, выступая на Генассемблее ООН, делают выбор в пользу вербальных средств выражения эмотивности синтаксического уровня. В дискурсе современных англоязычных политиков наблюдается явная тенденция к использованию эмотивных конструкций с особым расположением слов в предложении, которые позволяют деформировать нейтральность высказывания, создать общий эмоциональный фон политического выступления, передать эмоции политика, необходимые для усиления высказывания, рассчитанного на реакцию адресата. Эмотивность в англоязычном политическом дискурсе реализуется при помощи средств прибавления (синтаксический повтор, лексический повтор, морфемный повтор), средств убавления (асиндетон, эллиптические конструкции) и средств размещения (инверсия, парцелляция, парентеза). В то время как русскоговорящие политические деятели, выступая на Генассамблее ООН, главным образом обращаются к вербальным средствам выражения эмотивности лексического уровня. Эмотивы позволяют более детально передать интенсивность эмоций, поскольку конкретное эмотивное слово соотносится с конкретной эмоцией политика. Мы выявили, что лексический арсенал эмоций состоит из эмотивов-аффективов, эмотивов-коннотативов и эмотивов-потенциативов.

2.5 Невербальные способы репрезентации эмотивности в англо- и русскоязычном политическом дискурсе

Семиотика изучает «знаки и знаковые системы как средства хранения, передачи и переработки информации в человеческом обществе, в природе и в самом человеке» [Мечковская, 2007, с. 6]. В информационных процессах знаки выступают в качестве элементарных носителей информации, а знаковые системы – в качестве элементарных баз данных о том или ином фрагменте мира. Более того, «конкретная семиотика функционирует как

моделирующая система, с помощью которой субъект коммуникации моделирует в своем сознании соответствующий фрагмент мира и порождает актуальную информацию об этой действительности» [Мечковская, 2007, с. 7].

Информация всегда имеет знаковую природу и передается с помощью знаков. В семиотике передачу информации можно рассмотреть в широком смысле, т.е. все, что люди выражают намеренно или непроизвольно является информацией. С семиотической точки зрения «различные эмоциональные проявления человека, например, эмоциональные реакции, чувства, аффекты, настроения могут быть выражены языковыми и неязыковыми средствами, совокупность которых составляет своеобразный знаковый эмотивный код того или иного языка» [Илинская, 2006, с. 99]. По этой причине такие процессы, как кодирование (преобразование эмоциональных переживаний в знаковую форму) и декодирование эмоций (расшифровка символов, составляющих эмоциональное сообщение) являются ключевыми в процессе коммуникации. Понимание и осознание эмоций тесно взаимосвязано с их обозначением. Из этого следует, что человек, понимая то или иное состояние, которое достаточно отчетливо проявляется, учитывает его в своих практических действиях и выражает данное состояние в знаковой форме [Казаринова, 2011, с. 399]. Данный процесс обозначения включает в себе объективное внутреннее противоречие между невербальным и вербальным поведением, которые относятся к разным семиотическим системам. При этом невербальное проявление эмоций (жест, мимика, голос и т.д.) извещает о том, что происходит в рамках конкретной ситуации, о текущем состоянии человека и его отношении к предмету разговора и слушателям. Вербализация эмоций решает задачу социальную – обеспечить возможность совместного существования и взаимопонимания между людьми. Вместе с вербальным определением эмоции важным является указание на связь между эмоцией и вызвавшими ее факторами, а также между эмоцией и действиями, к которым она побуждает [Казаринова, 2011, Там же]. Итак, неправильное кодирование

или декодирование эмоций способно привести к внутренней дезориентации человека относительно собственных переживаний и, как следствие, к сбоям в эмоциональной коммуникации. Во избежание данной проблемы, необходимо развивать эмоциональный интеллект, т.е. понимать собственные эмоции и эмоции других людей, управлять эмоциями и самомотивацией.

Л.А. Калимуллина утверждает, что границы между вербальными и невербальными знаками эмоций могут являться достаточно размытыми. Безусловно, языковые эмотивные знаки образуют более самостоятельную систему, которая в большинстве случаев не нуждается в подкреплении со стороны других знаковых систем. Невербальным симптомам чувств, напротив, присуща относительная несамостоятельность, поскольку по большей части они играют вспомогательную роль, подчеркивая, дополняя или изменяя значение языковых эмотивов, иначе говоря, обеспечивая правильную их интерпретацию [Калимуллина, 2013, с. 538].

В первой главе данной диссертации мы подробно рассмотрели теоретический вопрос, связанный с невербальным проявлением эмоций. Далее считаем необходимым остановиться на практической части относительно невербальных знаков, репрезентирующих эмоции. Мы рассмотрим отрывки из выступлений трех политических лидеров (Новая Зеландия, США, Россия) на 77 сессии Генассамблеи ООН 2022 г., проанализируем их на наличие эмотивных невербальных знаков (жестикуляция, мимические реакции, интонационные изменения), попытаемся декодировать их посыл и воздействующие характеристики.

В первую очередь, обратимся к выступлению премьер-министра Новой Зеландии Джасинды Ардерн. Ее выступление, продолжительностью 16 минут, включает в себя разнообразные невербальные знаки, которые наряду с вербальными, позволяют передать спектр переживаемых эмоций. Следует отметить, что речь премьер-министра по большей части насыщена отрицательными эмоциями и беспокойством, поскольку поднимаются такие насущные темы как последствия COVID-19 для всего мира, современные

межгосударственные конфликты, отмена ядерного оружия, дезинформация в онлайн сетях, террористические атаки. Рассмотрим яркие отрывки из выступления Джасинды Ардерн [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2938/2938180/>]:

Пример 1, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“I acknowledge the leaders who are here gathered in person after a long and difficult period ... I also acknowledge those who have passed. Loss brings with it a chance for reflection. And as leaders, between us we each represent countries and communities who have lost much in these past few years. Through famine, severe weather, natural disasters and a pandemic.” – «Я приветствую лидеров, которые присутствуют здесь лично после длительного и сложного периода... Я также хочу отдать дань памяти тем, кто ушел. Утрата дает возможность для размышлений. И мы, как лидеры, представляем страны и общины, которые многое потеряли за последние несколько лет. Из-за голода, суровой погоды, стихийных бедствий и пандемии».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *улыбка, открытые жесты в сторону аудитории, кивок головой в знак приветствия*. Джасинда Ардерн в начале выступления (*I acknowledge the leaders who are here*) искренне улыбается, создает зрительный контакт с аудиторией и умеренно жестикулирует, что помогает добиться расположения публики. Далее выявляется следующее: *мимика отражает грусть, приподнятые брови, акцентирующие жесты, растягивание гласных звуков, восходящая интонация, паузы*. Премьер-министр, упоминая неприятности, с которыми пришлось столкнуться, выражает грусть и сочувствие с помощью мимики (*those who have passed*), растягивает гласные звуки, чтобы подчеркнуть важность послыла (*after a lo-o-o-ng and difficult period*), повышает интонацию и ставит логическое ударение (*who have lost much*), акцентирующими жестами подтверждает каждое сказанное слово (*Loss brings with it a chance for reflection*), делает паузы при перечислении и

приподнимает брови, показывая свое удивление и возмущение (*famine, severe weather, natural disasters and a pandemic*).

Пример 2, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“*COVID schooled us. It forced us to acknowledge how interconnected, and therefore how reliant we are on one another.*” – «Ковид преподнес нам урок. Он заставил нас признать, насколько мы взаимосвязаны и, следовательно, насколько зависимы друг от друга».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *ироническая улыбка, жесты, сосредоточенная мимика, восходящая интонация, логическое ударение*. Премьер-министр, говоря об уроках, которые преподнес миру коронавирус, иронически улыбается, что помогает выразить возмущение, подчеркнуть недопустимость подобного, вместе с этим, приподнимает указательный палец вверх (*COVID schooled us*), т.е. посыл приобретает нравоучительный характер. Подчеркивая взаимозависимость государств друг от друга (*how interconnected, how reliant we are on one another*), оратор проявляет свою заинтересованность, задействовав все мышцы лица, акцентируя сказанное логическим ударением и открытыми жестами.

Пример 3, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“*When crisis is upon us, we cannot and will not solve these issues on our own...I am not suggesting though that we rely on the goodwill of others to make progress. We need a dual strategy. One where we push for collective effort, but we also use our multilateral tools to make progress.*” – «В момент кризиса, мы не можем и не будем решать эти проблемы в одиночку... Я не говорю, что мы должны полагаться на добрую волю других для достижения прогресса. Нам нужна двойная стратегия. С одной стороны, нам необходимо стремиться к коллективным усилиям, но использовать при этом многосторонние инструменты для достижения прогресса».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *покачивание головой и размахивание руками в знак «нет»*,

указательный жест, напоминающий «кольцо», сосредоточенная мимика.

Джасинда Ардерн, размышляя о предстоящих кризисах, подчеркивает, что страны не смогут и не будут действовать в одиночку (*we cannot and will not solve these issues on our own*), данный посыл подкрепляется покачиванием головы в знак «нет». Затем, поясняя свою мысль (*I am not suggesting*), оратор слегка размахивает руками в знак «нет», что позволяет ей правильно донести свою идею. Предлагая выход из данной проблемы (*We need a dual strategy. One where we push for collective effort*), оратор использует жест, напоминающий кольцо, при котором большой и указательный палец соприкасаются, остальные расслаблены. Данный жест помогает акцентировать важность и достоверность каждого произнесенного слова оратором.

Пример 4, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“They need us, as a global community to ask one simple question. *What if it was us?*” – «Они нуждаются в нас, как в мировом сообществе, с тем, чтобы задать один простой вопрос. А что, если бы это было с нами?».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***указательные жесты, мимика выражает сострадание, печальная улыбка, интонация, способствует членению потока речи на отдельные отрезки.*** Премьер-министр затрагивает тему современных войн и упоминает людей, которые нуждаются в помощи со стороны мирового сообщества (*They need us*). В данном случае на лице читается сострадание. Говоря о мировом сообществе, Джасинда Ардерн жестом показывает в свою сторону, поскольку, будучи представителем мирового сообщества, признает и подтверждает необходимость оказывать поддержку, участвовать в разрешении данных проблем, способствовать урегулированию конфликтов на мировой арене. В риторическом вопросе каждая единица произносится отдельно и с небольшими паузами, при этом сопровождается указательными жестами (*What if it was us?*).

Пример 5, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“That’s why New Zealand calls on *all states* that share this conviction to join the Treaty on the Prohibition of Nuclear Weapons. *Some will call such a position naive*. Some believe that *we are safer as a result of nuclear weapons*... Nuclear weapons *do not make us safer*. There will be *those who agree* but believe it is simply *too hard to rid ourselves of nuclear weapons* at this juncture.” – «Поэтому Новая Зеландия призывает все государства, которые разделяют это убеждение, присоединиться к Договору о запрещении ядерного оружия. Некоторые назовут такую позицию наивной. Некоторые считают, что мы в большей безопасности благодаря ядерному оружию... Ядерное оружие не делает нас более безопасными. Будут те, кто согласится, что на данном этапе очень трудно избавиться от ядерного оружия».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***логические ударения, презрительная улыбка, мимика выражает негодование, пожимает плечами и разводит руки в сторону, хмурит брови***. Джасинда Ардерн продвигает идею о запрещении ядерного оружия, пытается убедить все мировое сообщество в такой необходимости, поэтому в данном отрывке для усиления эмоциональности ставится логическое ударение и растягивается гласный звук (New Zealand calls on *a-a-all states*). Затем, предполагая, что не все поддержат ее в данном вопросе, премьер-министр улыбается с презрением и осуждением (*Some will call such a position naive*), далее (*those who agree ... too hard to rid ourselves of nuclear weapons*) пожимает плечами, разводит руки в сторону, хмурит брови в знак несогласия.

Пример 6, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“On the 15th of March 2019 New Zealand experienced a horrific terrorist attack on its Muslim community. *More than 50 people were killed* as they prayed. The attack was *live-streamed on a popular social media platform* in an effort to gain notoriety, and to spread hate.” – «15 марта 2019 года в Новой Зеландии произошло ужасное террористическое нападение на мусульманскую общину. Более 50 человек были убиты во время молитвы. Нападение транслировалось

в прямом эфире на популярной платформе социальных сетей в попытке завоевать известность и распространить ненависть».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *мимика выражает печаль, приподнятые брови, глаза округляются, нисходящая интонация*. Затрагивая тему теракта в Новой Зеландии, оратор выражает грусть и печаль не только с помощью мимики, но и нисходящей интонацией. Называя количество убитых (*More than 50 people were killed*), глаза оратора увеличиваются, брови приподнимаются в знак удивления и негодования. В онлайн платформе велась трансляция инцидента (*live-streamed on a popular social media platform*), о чем напоминает оратор, и в этот момент ее интонация повышается, поскольку выражается возмущение и неодобрение.

Пример 7, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“In these times, *I am acutely aware of how easy it is to feel disheartened*. We are facing many battles on many fronts. But there is cause for *optimism*.” – «Я хорошо понимаю, как легко впасть в уныние в такие времена. Мы сталкиваемся со многими битвами на многих фронтах. Но есть основания для оптимизма».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *улыбка в знак понимания и поддержки*. В конце выступления премьер-министр признает, что сегодня мы живем в непростое время, существует множество кризисов и конфликтных ситуаций, которые могут повлиять на каждого из нас (*I am acutely aware of how easy it is to feel disheartened*). При этом оратор улыбается, показывает свое понимание и поддержку, а также пытается вселить надежду в аудиторию (*cause for optimism*).

Рассмотрев вышеуказанные примеры, отметим, что Джасинда Ардерн буквально на протяжении всего выступления обращается к невербальным знакам, стараясь показать свою заинтересованность с помощью эмоций, а также придать значимость своим словам для успешного воздействия на

слушателей. Важно, что невербальные знаки со стороны премьер-министра применяются не по отдельности, т.е. акцент делается не только на жестикуляции или улыбке, а все невербальные знаки задействуется одновременно, т.е. жесты, мимика, взгляд, интонация в совокупности отражают эмоции оратора.

Подобным образом проанализируем речь президента США Джо Байдена, продолжительностью 29 минут. С самого начала выступления президент акцентирует внимание аудитории на многочисленных потрясениях, которые пришлось пережить миру за последний год. Безусловно, наблюдается уверенный и однозначный настрой оратора, намерение прямо выражать свои эмоции и взгляды, а также желание призвать ООН лучше реагировать на потребности современного мира. Джо Байден говорит таким образом, что содержание его сообщений предельно понятно. Более того, невербальные знаки, репрезентирующие эмоции президента, сопровождают его речь и свидетельствуют о заинтересованности. Далее мы приведем яркие примеры из выступления Джо Байдена, выделим в них эмотивные невербальные знаки и попытаемся декодировать их.

Пример 1, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“Members of the U.N. Security Council, including the United States, should consistently uphold and defend the U.N. Charter and *refrain — refrain* from the use of the veto, except in rare, extraordinary situations, to ensure that the Council remains credible and effective.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Члены Совета безопасности ООН, включая Соединенные Штаты, должны последовательно поддерживать и защищать Устав ООН, а также воздержаться от применения вето, за исключением редких, необычных ситуаций с тем, чтобы сохранить авторитетность и эффективность работы Совета».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *логическое ударение, жестикуляция, зрительный контакт с аудиторией*. В данном отрывке президент призвал принять меры по

повышению авторитета и эффективности Совета Безопасности. Используется прием повтора (*refrain - refrain*), который сопровождается логическим ударением и жестикуляцией, а именно президент приподнимает руки и указательными пальцами акцентирует внимание на сказанных слова. Такой жест заключает в себе поучительный и наставительный смысл. На протяжении всего отрывка президент сохраняет зрительный контакт с аудиторией и выглядит убедительным.

Пример 2, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“As I said last year, the United States is opening an era of relentless diplomacy to address the challenges that matter most to *people’s lives* — *all people’s lives*: tackling the climate crisis, as the previous speaker spoke to; strengthening global health security; *feeding the world* — *feeding the world*.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Как я заявил в прошлом году, Соединенные Штаты открывают новую эру непрекращающейся дипломатии, чтобы справиться с вызовами, которые наиболее актуальны для жизни каждого – каждого из нас: борьба с климатическим кризисом, о которой говорил предыдущий выступающий; укрепление глобальной безопасности в сфере здравоохранения; как накормить мир».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *возрастающая интонация, логические ударения, жестикуляция, мимика, отражающая решительность*. В вышеуказанном примере, говоря о демократии и необходимости справляться со всеми вызовами, интонация Джо Байдена возрастает, ставится логическое ударение на важные для посылы слова (*all people’s lives, feeding the world*), а также используется жестикуляция одной рукой, при этом указательный палец приподнимается вверх, что снова свидетельствует о назидательном тоне президента. Отметим также настойчивый взгляд президента и решительную мимику.

Пример 3, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“We all know we’re already living in a *climate crisis*. No one seems to doubt it after this past year.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Нам всем уже известно, что мы живем в условиях климатического кризиса. Никто в этом не сомневается после прошедшего года».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***спокойный голос, паузы, выражается печаль и беспокойство***. Проблемам климата Джо Байден посвятил немалую часть своего выступления. Например, в данном случае, мы наблюдаем, как интонация президента понижается, голос становится спокойным, проявляется легкое волнение и беспокойство, вместе с этим, заметны паузы, которые словно заостряют внимание аудитории и дают время для обдумывания.

Пример 4, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“The United States will work with every nation, including *our competitors*, to solve global problems like climate change. Climate diplomacy *is not a favor* to the United States or any other nation, and *walking away hurts the entire world*.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. –

«Соединенные Штаты будут работать с каждой страной, включая наших конкурентов, в целях решения глобальных проблем, таких как изменение климата. Климатическая дипломатия – не услуга, которая оказывается для Соединенных Штатов или какой-либо другой страны, и отказ от неё причиняет вред всему миру».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***логические ударения, открытые жесты, интонация, способствует членению потока речи на отдельные отрезки***. В вышеуказанном отрывке президент старается донести свой посыл с помощью силой голоса и логических ударений на важных словах (*our competitors, is not a favor*), а также жестов, которые демонстрируют открытость для общения и новых идей. Джо Байден завершает данный отрывок, озвучивая каждую единицу отдельно и четко.

Пример 5, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“Families are facing impossible choices, choosing *which child to feed* and wondering whether they’ll *survive*. This is the human cost of climate change. And it’s *growing*, not lessening.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Семьи оказываются перед невозможным выбором, выбирая, кого накормить среди своих детей, и не зная о том, удастся ли им выжить. В этом и заключаются последствия изменения климата для отдельных людей. И они усугубляются, а не становятся легче».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***акцентирующие жесты, мимика выражает возмущение, логические ударения***. В вышеуказанном отрывке выступления выявляются ярко выраженные эмоции. Невербальные знаки говорят о сильном возмущении президента, он хмурит брови, активно жестикулирует, повышает голос и ставит логические ударения (*which child to feed, survive, growing*).

Пример 6, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“And we’re calling on all countries to refrain from banning food exports or hoarding grain while so many people are suffering. Because in every country in the world, no matter what else divides us, *if parents cannot feed their children, nothing — nothing else matters if parents cannot feed their children*.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Мы также призываем все страны воздержаться от запрета на экспорт продовольствия или удержания зерна, когда страдает так много людей. Ведь в каждой стране мира, независимо от того, что нас разделяет, если родители не могут прокормить своих детей, все остальное не имеет значения».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***логические ударения, акцентирующие жесты, мимика выражает злость***. В данном отрывке по теме продовольственного кризиса, мы наблюдаем более выраженные эмоции со стороны президента. Большая часть слов акцентируется логическим ударением, между словами небольшая пауза, акцентирующие жесты подтверждают сказанное, а мимика напряжена, что

выражает негодование и злость (*if parents cannot feed their children, nothing — nothing else matters if parents cannot feed their children*).

Пример 7, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“And today, we stand with the brave citizens and the brave women of Iran who right now are demonstrating to secure their basic rights. But here’s what I know: The future *will be won* by those countries that unleash *the full potential* of their populations, *where women and girls can exercise equal rights...*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. — «Сегодня мы поддерживаем смелых граждан и отважных женщин Ирана, которые прямо сейчас проводят демонстрацию в защиту своих основных прав. Но я уверен: будущее за теми странами, которые полностью раскроют возможности своего населения, где женщины и девочки будут обладать равными правами...»

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *нисходящая интонация, логические ударения на отдельных единицах, медленный темп речи, умеренная жестикуляция, мимика выражает сочувствие*. Джо Байден, упоминая протесты в Иране, достаточно искренне выразил свое сочувствие, сопереживание и поддержку. В данном отрывке голос президента спокойный, темп речи медленный, жестикуляция умеренная, сначала логические ударения не ярко выражены (*will be won, the full potential*), но, завершая мысль, президент резко повышает голос и достаточно строгим тоном выражает свое мнение (*where women and girls can exercise equal rights*).

Пример 8, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

“My fellow leaders, the challenges we face today are great indeed, *but our capacity is greater. Our commitment must be greater still...*We’re not passive witnesses to history; we are the *authors* of history... *We can do this – we have to do it – for ourselves and for our future, for humankind*” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/>]. – «Мои коллеги-лидеры, вызовы, с которыми мы сталкиваемся сегодня, действительно

велики, но наши возможности ещё больше. Наша приверженность должна быть ещё сильнее...Мы не пассивные свидетели, мы – творцы истории. Мы можем сделать это – мы должны это сделать – для себя и во имя нашего будущего, ради человечества».

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *нисходящая интонация, акцентирующие жесты, мимика выражает равнодушие*. Президент завершает выступление на достаточно эмоциональной ноте, поскольку пытается показать свое равнодушие, а также вдохновить аудиторию (*but our capacity is greater. Our commitment must be greater still*), побудить к сотрудничеству ради благополучного будущего (*We can do this – we have to do it – for ourselves and for our future, for humankind*).

Таким образом, анализ показал, что на протяжении всего выступления американского президента невербальные знаки играют важную роль для выражения эмоций, как положительных, так и отрицательных, необходимых для эффективного воздействия. Такие невербальные знаки, как жесты, мимика, интонация сопровождают речь Джо Байдена, делают ее более насыщенной и интересной.

Обратимся к анализу речи Сергея Лаврова на наличие эмотивных невербальных знаков. Проведенный анализ показал, что выступление министра, продолжительностью 23 минуты, содержит меньше эмотивных невербальных знаков по сравнению с выступлениями Джасинды Ардерн и Джо Байдена. Министр не жестикулирует, редко наблюдаются изменения в мимике, зрительный контакт периодический. Тем не менее, общий посыл выступления имеет эмоциональный характер, так как министр касается насущных проблем современного мира, а также пытается отстаивать права России. Далее рассмотрим наиболее яркие примеры из выступления Сергея Лаврова:

Пример 1, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Мы встречаемся в *непростой, драматический момент*. Кризисные явления нарастают и положение в области международной безопасности *стремительно* деградирует. Вместо честного диалога и поиска компромиссов приходится иметь дело с *дезинформацией, грубыми инсценировками и провокациями*» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***логические ударения, паузы, нахмуривание бровей***. Во вступительной части оратор называет современное время драматическим и перечисляет основные проблемы. Мы наблюдаем уверенный и спокойный тон оратора, однако, логические ударения (*непростой, драматический момент, стремительно*) позволяют выразить равнодушие, а нахмуривание бровей является знаком отрицательных эмоций (*дезинформацией, грубыми инсценировками и провокациями*). Небольшие паузы, акцентируют внимание на главных языковых единицах данного отрывка.

Пример 2, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Сегодня решается вопрос о будущем миропорядка – это ясно любому непредвзятому наблюдателю. Вопрос в том, будет ли это порядок с *одним гегемоном*, заставляющим всех жить по своим пресловутым «правилам», выгодным только ему. Или это будет *демократичный, справедливый мир*... Россия твердо выбирает второй вариант. Мы вместе с *союзниками, партнерами и единомышленниками* призываем *работать над его воплощением в жизнь*» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: ***быстрое поднятие бровей, логические ударения, зрительный контакт***. В начале данного отрывка оратор говорит об очевидных, по его мнению, вещах, приподнимая в этот момент брови, что позволяет привлечь внимание зрителей. Логические ударения (*одним гегемоном, демократичный, справедливый мир*) способствуют четкому выражению двух

точек зрения. Поясняя выбор России, оратор создает зрительный контакт с аудиторией, чтобы продемонстрировать свою заинтересованность, а также призвать партнеров к оказанию поддержки (*союзниками, партнерами и единомышленниками призываем работать над его воплощением в жизнь*).

Пример 3, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Мы все помним, как под надуманными предложениями были развязаны агрессивные войны против *далеких* от американских берегов Югославии, Ирака, Ливии, *унесшие многие сотни тысяч жизней мирных граждан*. Хотя в одной из этих стран разве были затронуты *действительно* законные интересы Запада? Разве там запрещали английский или языки других стран-членов НАТО, западные СМИ, культуру? Разве объявляли англосаксов «*нелюдями*», применяли против них тяжелые вооружения?»
[URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *логические ударения, нисходящая интонация, брови приподнимаются, глаза округляются, мимика выражает негодование*. Данный отрывок является одним из наиболее ярких и отражающих искренние эмоции оратора. Мы наблюдаем логические ударения (*далеких, действительно, «нелюдями»*), сочувствие, которое отражается мимикой (*унесшие многие сотни тысяч жизней мирных граждан*), в ряде риторических вопросов оратор приподнимает брови, глаза округляются, поскольку выражается удивление, негодование и возмущение.

Пример 4, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Запад повсюду насаждает «разделительные линии» в духе блоковой конфронтации: *«либо с нами, либо против нас»*. *Третьего не дано, никаких компромиссов*» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *логические ударения, сопровождающие движения головой, нисходящая интонация, мимика отражает беспокойство*. На

протяжении всего выступления министр часто упоминает Запад, пытается разъяснить взгляды России по отношению к Западу, а также выражает стремление к установлению справедливости. В вышеуказанном отрывке логические ударения (*либо с нами, либо против нас*) вместе сопровождающими движениями головой из стороны в сторону, указывают на наличие двух вариантов, которые предоставляет Запад миру. Последнее предложение данного примера (*Третьего не дано, никаких компромиссов*) оратор произносит достаточно раздраженно и утвердительно, интонация нисходящая, однако мимика выражает отрицательные эмоции такие, как злость и негодование.

Пример 5, 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Готовы к такой честной работе и убеждены: устойчивость миропорядка может быть обеспечена исключительно через возвращение к истокам ооновской дипломатии с опорой на ключевой уставной принцип подлинной демократии – *уважение суверенного равенства государств*» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

В данном примере мы наблюдаем следующие эмотивные невербальные знаки: *интонация, способствует членению потока речи на отдельные отрезки, мимика выражает уверенность*. В конце выступления министр говорит убежденно, каждое его слово звучит твердо и уверенно (*уважение суверенного равенства государств*), создается зрительный контакт с аудиторией, в мимике отражаются эмоции надежды, веры, а также у оратора наблюдается выраженное желание быть услышанным.

Итак, рассмотрев отрывки из выступления Сергея Лаврова, мы полагаем, что невербальные знаки способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли министра и помогают привлечь внимание слушателей, убедить их. Все же министру преимущественнее звучать однозначно и понятно, нежели чем выражать только эмоции.

Таким образом, мы проанализировали выступления трех политических лидеров на наличие невербальных знаков, выражающих эмоции, и выяснили, что между ними можно выделить как сходства, так и различия.

Рис. 1 Джо Байден на 77 Генеральной Ассамблее ООН

Рис. 2 Джасинда Ардерн на 77 Генеральной Ассамблее ООН

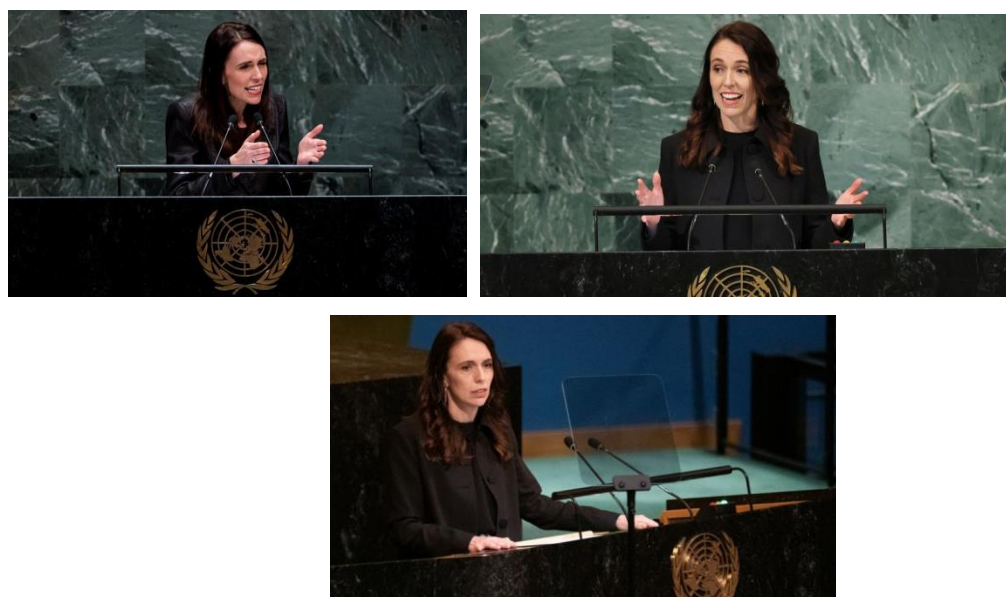
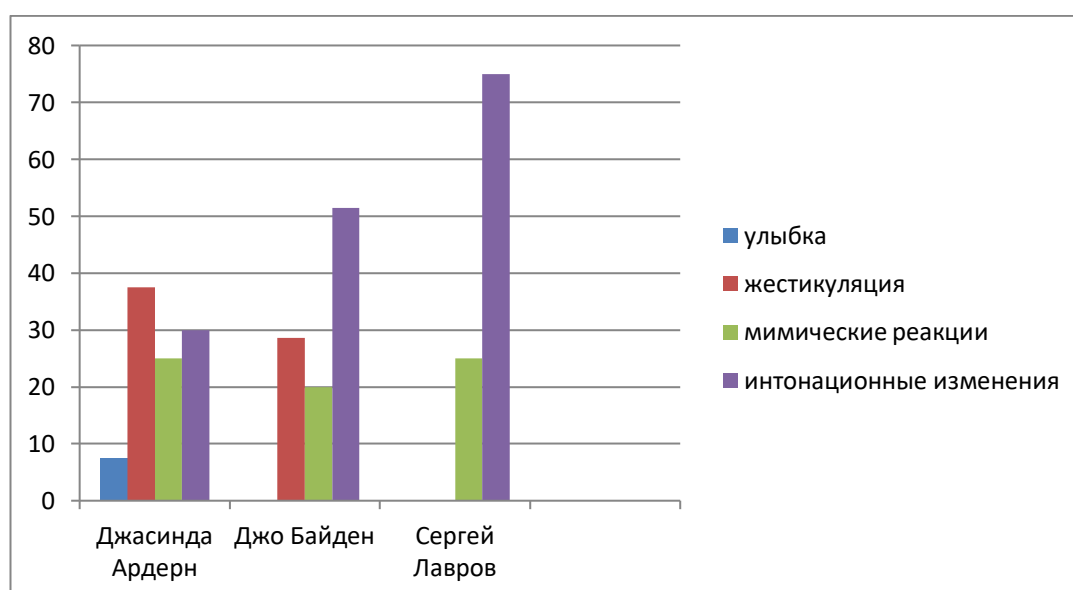

Рис. 3 Сергей Лавров на 77 Генеральной Ассамблее ООН

С помощью количественного анализа подведем итоги. В выступлении Джасинды Ардерн было выявлено всего 40 эмотивных невербальных знаков, из которых 3 – улыбка, 15 – жестикуляция, 10 – мимические реакции, 12 – интонационные изменения. В выступлении Джо Байдена было выявлено всего 35 эмотивных невербальных знаков, из которых 0 – улыбка, 10 – жестикуляция, 7 – мимические реакции, 18 – интонационные изменения. В выступлении Сергея Лаврова было выявлено всего 20 эмотивных невербальных знаков, из которых 0 – улыбка, 0 – жестикуляция, 5 – мимические реакции, 15 – интонационные изменения. Далее рассчитаем процентное соотношение и продемонстрируем результаты в диаграмме.

Диаграмма 3. Процентное соотношение эмотивных невербальных знаков

Согласно данной диаграмме все политические лидеры выражают эмоции с помощью интонационных изменений (Джасинда Ардерн – 30%, Джо Байден – 51,43%, Сергей Лавров – 75%). Кроме того, эмотивные знаки, которые передаются с помощью мимических реакций, также присутствуют у всех политических лидеров (Джасинда Ардерн – 25%, Джо Байден – 20%, Сергей Лавров – 25%). Следует заметить, что жестикуляция как знак эмоций присутствует лишь у двух ораторов (Джасинда Ардерн – 37,5% Джо Байден – 28,57%). И, наконец, улыбка как знак эмоций наблюдается только у Джасинды Ардерн (7,5%).

Выводы к главе 2

1. Язык создает политику и любая политическая деятельность невозможна без речевого воздействия для осуществления конкретной политической цели. Политики используют язык, чтобы показать свой опыт и авторитет, стать ближе к гражданам или продемонстрировать их личные и эмоциональные сходства. Под политическим языком мы понимаем систему знаков конкретного национального языка, предназначенную для политической коммуникации, зачастую направленную на продвижение и распространение идей, принятие и обоснование социально-политических решений, формирование общенациональных интересов, а также эмотивное воздействие на адресата с целью побуждения к политическим действиям. Политика, будучи коммуникативной деятельностью, имеет выраженные аспекты дискурса, которые в совокупности и определяют политический дискурс. В рамках нашего исследования политический дискурс рассматривается в узком смысле, т.е. как реализация языка политики, воплощение в речи средств и особенностей национального языка, которые используются в контексте политической деятельности.

2. Политический дискурс относится к институциональному типу дискурса, который представляет собой статусно-ориентированную форму

общения. На уровне структурирования политического дискурса проявляется его специфичность и разнообразие, тем не менее, общая структура политического дискурса большинством ученых устанавливается с точки зрения тематики, жанрового критерия, характера субъекта, временного плана, национально-культурного плана. Кроме того, политический дискурс отличается наличием разнообразных функций, среди которых основными являются: коммуникативная, информативная, контролирующая, побудительная, эмотивная, функция борьбы за власть. Мы полагаем, что основная цель политического дискурса заключается не в описании, а в уверении адресата через обращение к его эмоциям и помыслам, предоставление ему мотива для размышления и последующего действия.

3. В плане выражения эмотивность представлена в политическом дискурсе преимущественно языковыми актуализаторами эмоций. Англоговорящие политические деятели, выступая на Генассемблее ООН, делают выбор в пользу вербальных средств выражения эмотивности синтаксического уровня. В дискурсе современных англоязычных политиков наблюдается явная тенденция к использованию эмотивных конструкций с особым расположением слов в предложении, которые позволяют деформировать нейтральность высказывания, создать общий эмоциональный фон политического выступления, передать эмоции политика, необходимые для усиления высказывания, рассчитанного на реакцию адресата. Эмотивность в англоязычном политическом дискурсе реализуется при помощи средств прибавления (синтаксический повтор, лексический повтор, морфемный повтор), средств убавления (асиндетон, эллиптические конструкции) и средств размещения (инверсия, парцелляция, парентеза). В то время как русскоговорящие политические деятели, выступая на Генассамблее ООН, главным образом обращаются к вербальным средствам выражения эмотивности лексического уровня. Эмотивы позволяют более детально передать интенсивность эмоций, поскольку конкретное эмотивное слово соотносится с конкретной эмоцией политика. Мы выявили, что

лексический арсенал эмоций состоит из эмотивов-аффективов, эмотивов-коннотативов и эмотивов-потенциативов.

4. С семиотической точки зрения различные эмоциональные проявления человека могут быть выражены и невербальными средствами. По этой причине такие процессы, как кодирование и декодирование эмоций являются ключевыми в процессе коммуникации. Рассмотрев отрывки из выступлений трех политических лидеров (Новая Зеландия, США, Россия) на 77 сессии Генассамблеи в ООН 2022 года, мы акцентировали внимание на множестве эмотивных невербальных знаков (жестикуляция, мимические реакции, интонационные изменения), расшифровали их посыл, который заключался в обозначении того, что происходит в рамках конкретной ситуации, описании текущего состояния оратора и его отношении к предмету разговора и слушателям. В дискурсе русскоязычных политиков наблюдается низкая частота употребления невербальных знаков, поскольку они способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли говорящего. В дискурсе англоязычных политиков, напротив, наблюдается высокая частота употребления невербальных знаков, поскольку говорящий стремится передать весь спектр переживаемых эмоций и придать впечатляющий эффект сказанным словам. Эмотивные невербальные знаки играют вспомогательную роль, подчеркивая, дополняя или изменяя значение языковых эмотивов, иначе говоря, обеспечивая правильную их интерпретацию.

Глава 3. Эмотивность в идиостиле политика

3.1 Создание образа как инструмент эмоционального воздействия

Тропы объединяют все виды переносных наименований в речи, тем самым способствуют созданию образности и экспрессивности в языке, а также выражают авторскую индивидуальность. М.Р. Желтухина предлагает широкое и узкое определение тропа. Так, по мнению ученого, троп в широком смысле – это «система несопоставимых значимых элементов, иерархически организованных, мотивированных, участвующих в контекстуальных отношениях семантического переноса (например, троп в литературе, живописи, музыке, кино, пантомиме, психоанализе и т.п.), суть творческого мышления» [Желтухина, 2004, с. 9]. Троп в узком смысле – это «два взаимно несопоставимых значимых элемента, между которыми устанавливается отношение адекватности в рамках определенного контекста» [Желтухина, 2004, Там же]. Тропеический механизм представляет собой технику переносов, в основе которой лежат образность, выразительность, полисемия [Желтухина, 2004, с. 11]. Более того, М.Р. Желтухина выделяет некоторые свойства тропов, в которых заложены основания их воздействия на сознание и подсознание адресата, его мысли, чувства и волю: когнитивно-психологические, семантические, структурные, структурно-семантические, риторические, культурно-исторические. Наряду со свойствами тропов выделяются их основные функции: воздействующая, экспрессивная, репрезентативная, познавательная и др. [Желтухина, 2004, с. 10].

Вслед за М.Р. Желтухиной, Н.В. Покровская считает, что троп представляет собой «разновидность логического представления, основанного на осмыслении и сопоставлении семантически связанных между собой элементов действительности» [Покровская, 2021, с. 3456]. Кроме того, Н.В. Покровская уточняет, что с помощью двуплановости и совмещения

буквального и иносказательного значения, создается особый образ, который повышает функциональную значимость тропа и его механизм воздействия [Покровская, 2021, Там же].

С.В. Лопаткина также придерживается традиционного определения тропа, т.е. это обороты речи, в основе которых лежат переносные значения. Далее отмечается, что тропы являются основными средствами создания образности речи, что подразумевает способность речи вызывать живой образ о предметах, явлениях, действиях окружающего нас мира [Лопаткина, 2004, с. 7].

Принимая во внимание все вышеперечисленные идеи, мы считаем, что современные политики для оказания влияния на аудиторию в своих высказываниях прибегают к помощи тропов. Важно заметить, что помимо воздействия, тропы позволяют политикам выразить как свои эмоции, так и вызвать их у аудитории. При помощи своей речи они создают некий образ, зачастую стимулируют при этом воображение слушателя. К тропам относят метафору, гиперболу, литоту, сравнение, эпитеты, метонимию и т.д. [Бородянская, 2019, с. 233].

В рамках нашего исследования, основными разновидностями тропов в выступлениях на Генассамблеях являются **метафора, сравнение, гиперболы и эпитеты**. Мы рассмотрим метафору в выступлениях Сергея Лаврова, сравнение и гиперболу в выступлении Бориса Джонсона, эпитеты в выступлении Дональда Трампа. Определим какие эмоции выражают политики при помощи данных приемов выразительности.

Проанализируем отрывки из выступлений Сергея Лаврова на нескольких сессиях Генеральной Ассамблеи. Было выявлено, что в большинстве выступлений Сергей Лавров признает, что современный мир меняется быстро, а изменения носят фундаментальный характер. Однако, по мнению министра, необходимо адаптироваться к сегодняшним реалиям и ставить в приоритет коллективные действия по поискам решений проблем человечества, основой которых остаются нормы международного права. Во

всех выступлениях на сессиях Генассамблеи Сергей Лавров указывает на первостепенную задачу ООН, которая состоит как в избавлении нынешнего и последующих поколений от извечных бед человечества – военных действий, эпидемий и болезней, голода, так и в созидании справедливого стабильного будущего, основанного на идеалах демократии. Очевидно, затрагивая подобные темы, министру сложно скрыть эмоции и переживания. Исходя из этого, **метафора** («перенесение наименования с одного объекта на другой, сходный с первым в каком-либо отношении») [URL: <https://dic.academic.ru>] является наиболее подходящим тропом, выражающим эмотивный характер выступления.

Рассмотрим примеры:

1) 73 Генеральная Ассамблея, 2018 г.:

«Диктат и принуждение, характерные для колониальной эпохи, следует раз и навсегда отправить в архив, а лучше на свалку истории» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2249/2249262/>].

Метафоры – отправить «в архив», а лучше «на свалку истории».

Эмоции – презрение, негодование.

Сергей Лавров призывает отказаться от принципа диктата и выражает указанные эмоции с помощью метафор, поскольку убежден, что только на основе равноправия и взаимного уважения можно решать многочисленные проблемы современности.

2) 74 Генеральная Ассамблея, 2019 г.:

«Она – своего рода страховочная сетка, гарантирующая, если уважать Устав, мирное развитие человечества через нахождение баланса порой весьма противоречивых интересов различных стран» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2458/2458930/>].

Метафоры – «страховочная сетка», «баланс интересов».

Эмоции – надежда.

Сергей Лавров выражает с помощью метафоры надежду на то, что ооноцентричная система миропорядка, несмотря на все испытания, сохранит устойчивость, а также будет обладать большим запасом прочности.

3) 76 Генеральная Ассамблея, 2021 г.:

«Все мы – «в одной лодке». В наших общих интересах – чтобы она крепко держалась на волнах мировой политики» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Метафоры – «в одной лодке», «на волнах мировой политики».

Эмоции – заинтересованность.

Сергей Лавров понимает, что все мы разные, однако, с помощью метафоры выражает заинтересованность в сотрудничестве ради блага народов и всего человечества.

Российский министр практически во всех выступлениях на общеполитических сессиях Генассамблеи ООН критикует действия западных партнеров, затрагивает такие темы, как двойные стандарты в политике Запада, нарушения международного права, борьба с героизацией нацизма.

Рассмотрим примеры:

4) 77 Генеральная Ассамблея, 2022 г.:

«Вашингтон пытается превратить весь земной шар в свой задний двор» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/>].

Метафорическое сравнение – «земной шар – задний двор».

Эмоции – возмущение, негодование, обеспокоенность.

Сергей Лавров выражает с помощью метафоры свое возмущение и несогласие с тем, что Запад пытается все подчинить себе, используя незаконные односторонние санкции, которые бьют по гражданскому населению, а также усугубляют кризисную ситуацию.

5) 74 Генеральная Ассамблея, 2018 г.:

«Западу трудно смириться с тем, что длившееся веками доминирование в мировых делах тает» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2458/2458930/>].

Метафора – «доминирование тает».

Эмоции – негодование, недовольство.

Сергей Лавров с помощью метафоры выражает свое недовольство, словно упрекает Запад в том, что он не желает считаться с законными интересами всех остальных государств и принять реалии объективного хода истории.

б) 76 Генеральная Ассамблея, 2021 г.:

«Члены ЕС и НАТО отказываются поддерживать резолюции Генассамблеи о недопустимости героизации нацизма, отвергают предложения осудить практику разрушения памятников освободителям Европы от коричневой чумы» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Метафора – «коричневая чума».

Эмоции – беспокойство, осуждение.

Сергей Лавров с помощью метафоры выражает беспокойство и осуждает любые попытки героизации нацизма, поскольку она создает прямую угрозу основополагающим ценностям подлинной демократии и правам человека.

7) 73 Генеральная Ассамблея, 2018 г.

«К сожалению, сегодня не просто ослабла вакцина от заразы нацизма, но и ширится кампания переписывания истории, обеления военных преступников и их пособников» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2249/2249262/>].

Метафора (двойная) – «вакцина от заразы нацизма», «зараза нацизма».

Эмоции – сожаление, печаль, огорчение.

Сергей Лавров с помощью метафоры выражает сожаление, он огорчен из-за того, что все меньше европейских стран противостоят нацизму, более того, мировое сообщество сталкивается с попытками пересмотреть, исказить

правовые, политические и морально-этические итоги Нюрнбергского трибунала.

Таким образом, для политика метафора является не только средством красноречия, но и эффективным средством выражения эмоций и оценок по отношению к окружающему миру, средством воздействия и убеждения. Сергей Лавров затрагивает широкий пласт проблем, использует метафору в ключевых контекстах, когда необходимо выразить как положительные эмоции, так и отрицательные.

Таблица 3. Эмоции, выраженные метафорой, в выступлении Сергея Лаврова

Положительные эмоции Сергея Лаврова, выраженные метафорой	Отрицательные эмоции Сергея Лаврова, выраженные метафорой
<ul style="list-style-type: none"> • надежда • заинтересованность 	<ul style="list-style-type: none"> • презрение • негодование • возмущение • недовольство • обеспокоенность • осуждение • огорчение • сожаление • печаль

Далее проанализируем некоторые отрывки из выступления Бориса Джонсона. Его выступление на 74 сессии Генеральной Ассамблеи было посвящено теме цифровой угрозы. По мнению премьер-министра, будущее человечества зависит от того, на каких ценностях будет основан технологический прогресс. Он предупредил, что технологии могут привести к процветанию человечества или превратить его будущее в «мир Оруэлла». Борис Джонсон с помощью *сравнения* («образное выражение, построенное на сопоставлении двух предметов или состояний, имеющих общий признак») [URL: <https://dic.academic.ru>] и *гиперболы* («чрезмерное преувеличение тех или иных свойств изображаемого предмета или явления») [URL: <https://dic.academic.ru>] выражает эмоции, дает свои оценки и предлагает пути решения обозначенных проблем, призывает мировое сообщество задуматься.

Рассмотрим примеры:

1) “Stored not in their chips or their innards - nowhere you can find it, but in some great cloud of data that looms ever more oppressively over the human race. A giant dark thundercloud waiting to burst.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>]. – «Храниться эти данные будут не в их чипах и внутренностях, где вы сможете их найти, а в огромном облаке данных, которое будет все более тягостно нависать над человеческой расой. Гигантская темная грозовая туча, готовая взорваться».

Гипербола – “great cloud”, “more oppressively”, “a giant dark thundercloud”.

Эмоции – страх, беспокойство, опасение.

Гипербола позволяет Борису Джонсону искренне выразить беспокойство и опасения, связанные с тем, что в будущем технологии будут контролировать все аспекты повседневной жизни человека.

2) “The arrival of the internet is far bigger than print. It is bigger than the atomic age. But it is like nuclear power in that it is capable of both good and harm.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>]. – «Появление интернета является гораздо более значимым событием, чем книгопечатание. Чем атомный век. Он как атомная энергия, которая способна приносить как пользу, так и вред».

Гипербола и сравнение – “far bigger than”, “it is like nuclear power”.

Эмоции – восхищение, воодушевление, но при этом настороженность.

При помощи гиперболы и сравнения Борис Джонсон выражает одновременно свое восхищение и поддержку новых технологий, но при этом и настороженность, поскольку, по его мнению, мир просто застигнут врасплох непреднамеренными последствиями интернета, миру необходимо понять к добру это или к худу.

3) “AI - what will it mean? Helpful robots washing and caring for an ageing population? Or pink eyed terminators sent back from the future to cull the human race?” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/>]. – «Искусственный интеллект – что это? Это услужливые роботы, моющие

посуду и ухаживающие за стареющим населением? Или это красноглазые терминаторы, посланные из будущего, чтобы уничтожить человеческую расу?»

Сравнение – “helpful robots”, “pink eyed terminators”.

Эмоции – замешательство, взволнованность.

В данном отрывке яркое сравнение искусственного интеллекта с роботами и терминаторами, выражает замешательство Бориса Джонсона, а также взволнованность, поскольку до сих пор неизвестно, станет ли искусственный интеллект благом для человечества или наоборот.

Анализ показал, что сравнение и гипербола позволяют Борису Джонсону выразить свою оценку и отношение к обозначаемым явлениям, оживляют его выступление и усиливают прагматический эффект высказывания.

Таблица 4. Эмоции, выраженные сравнением и гиперболой, в выступлении Бориса Джонсона

Положительные эмоции Бориса Джонсона, выраженные сравнением и гиперболой	Отрицательные эмоции Бориса Джонсона, выраженные сравнением и гиперболой
<ul style="list-style-type: none"> • восхищение • воодушевление 	<ul style="list-style-type: none"> • страх • беспокойство • опасение • настороженность • замешательство • взволнованность

Далее проанализируем некоторые отрывки из выступления Дональда Трампа. Его выступление на 74 сессии Генеральной Ассамблеи было посвящено темам свободы, независимости и самоуправления. Президент в большей степени говорил о достижениях и будущих планах США. Он призвал все государства защищать своих граждан, уважать своих соседей и чтить различия, делающие каждую страну особенной и уникальной. Именно с помощью **эпитетов** («выразительное средство, основанное на выделении качества, признака описываемого явления, которое оформляется в виде атрибутивных слов или словосочетаний, характеризующих данное явление с

точки зрения индивидуального восприятия») [URL: <https://dic.academic.ru>]
президент выражает весь спектр своих эмоций.

Рассмотрим примеры:

1) “Looking around and all over this large, magnificent planet, the truth is plain to see: If you want freedom, take pride in your country.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/>]. – «Оглянитесь вокруг – повсюду на этой большой великолепной планете истина очевидна: если вы хотите свободы, гордитесь своей страной».

Эпитет – “large, magnificent planet”.

Эмоции – воодушевление, энтузиазм.

В данном отрывке Дональд Трамп призывает свободный мир высоко ценить свои национальные основы. По его мнению, мудрые лидеры всегда ставят благо своего народа и своей страны на первое место. Президент заявляет, что для демократии необходимо защищать свой суверенитет, для мира – любить свою страну.

2) “It is why we in the United States have embarked on an exciting program of national renewal... At the center of our vision for national renewal is an ambitious campaign to reform international trade.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/>]. – «Именно поэтому мы в Соединенных Штатах приступили к реализации впечатляющей программы национального возрождения... В центре нашего видения национального обновления находится амбициозная кампания по реформированию международной торговли».

Эпитеты – “exciting program”, “ambitious campaign”.

Эмоции – уверенность, гордость, оптимизм.

В данном отрывке Дональд Трамп с гордостью заявляет, что во всем, что делает его администрация, она сосредоточена на расширении возможностей американских граждан для воплощения их мечтаний и устремлений.

3) “As the United Kingdom makes preparations to exit the European Union, I have made clear that we stand ready to complete an exceptional new trade agreement with the UK that will bring tremendous benefits to both of our countries. We are working closely with Prime Minister Boris Johnson on a magnificent new trade deal.” [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/>]. – «В то время как Великобритания готовится к выходу из Европейского союза, я четко заявляю, что мы готовы заключить замечательное новое торговое соглашение с Великобританией, которое принесет огромную выгоду обеим нашим странам. Мы тесно сотрудничаем с премьер-министром Борисом Джонсоном в работе над великолепной новой торговой сделкой».

Эпитеты – “exceptional new trade agreement”, “tremendous benefit”, “magnificent new trade deal”.

Эмоции – надежда, заинтересованность.

Дональд Трамп не раз упоминал стремление Америки к дружбе со всеми, кто искренне стремится к миру и уважению. Президент уверен, что его страна заслуживает сотрудничества и взаимовыгодных отношений со всеми. Однако он подчеркивает, что никогда не перестанет защищать интересы Америки.

Таким образом, мы наблюдаем, что эпитеты позволяют Дональду Трампу выразить исключительно положительные эмоции, наиболее ярко описать события, тем самым обогатив содержание высказывания. Дональду Трампу удастся оказать эмоциональное речевое воздействие на слушателей, кроме того, он сподвигает слушателей довериться его заявлениям.

Таблица 5. Эмоции, выраженные эпитетами, в выступлении Дональда Трампа

Положительные эмоции Дональда Трампа, выраженные эпитетами
<ul style="list-style-type: none"> • воодушевление • энтузиазм • уверенность • гордость • оптимизм • надежда • заинтересованность

3.2 Идеологемы как средства эмоционального воздействия

В современной науке существуют различные подходы к трактовке идеологем. Ученые подтверждают актуальность исследования идеологем, а также стремятся объяснить, как они закрепляются в сознании людей, как изменяются и в какой форме существуют. Безусловно, основная форма существования идеологии – это язык. Взаимосвязь языка и идеологии можно охарактеризовать как «возможность выбора последовательности высказывания и их семантической нагрузки с целью формирования общей системы взглядов у людей с различным способом мышления» [Тимофеев, 2021, с. 188].

В рамках лингвистики идеологема соотносится с явлениями, которые в какой-либо форме несут в своем значении отсылку к политической идеологии. Из этого следует, что идеологема является неотъемлемой частью политического дискурса [Ляшева, 2019, с. 22]. Рассмотрим основные трактовки идеологемы различных ученых.

Ряд ученых дает идеологеме узкое лингвистическое определение. Так, например, Н.А. Купина определяет идеологему как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [Купина, 1995, с. 43], «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [Купина, 2000, с. 183]. А.П. Чудинов рассматривает идеологему в рамках политической лингвистики и видит в ней одну из основных составляющих пласта политической лексики. Он определяет идеологему как слово, имеющее в своем значении идеологический компонент [Чудинов, 2013]. Т.Б. Радбиль считает, что идеологема – это «любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные

коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [Радбиль, 1998, с. 22].

Е.Г. Малышева определяет идеологему с когнитивной точки зрения, т.е. как «единицу когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009, с. 35].

Е.А. Нахимова предлагает дефиницию идеологемы как «ментальной единицы, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием. При когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологемы репрезентируют специфический взгляд на соответствующую реалию» [Нахимова 2011, с. 154].

Н.И. Клушина разделяет взгляды Е.Г. Малышевой и Е.А. Нахимовой, но рекомендует «не смещать акцент со стилистической составляющей идеологемы на ментальную, поскольку обе стороны этого феномена представляются равнозначными, следовательно, идеологема представляет собой сложный когнитивно-стилистический феномен, с помощью которого формируется массовое, коллективное и индивидуальное сознание конкретного социума» [Клушина 2014, с. 57].

Итак, сложно не согласиться с рассмотренными определениями идеологемы, каждое из которых соотносится с лингвистическим подходом, когнитивным или стилистическим. Тем не менее, на наш взгляд, когнитивно-

прагматический подход к анализу идеологем является наиболее актуальным. Идеологема предполагает целенаправленное воздействие адресанта на адресата посредством идеи, которая задана заранее, поэтому в структуре идеологемы ключевую роль играет эмотивность. Поскольку идеологемы важны для кодирования современной действительности с целью формирования некой социальной идентичности, то в этом процессе идеологического кодирования на первом месте выступают эмоциональность, прагматичность и легкость запоминания смыслового содержания [Туманова, 2021, с. 179]. В общем, употребление идеологем в политическом дискурсе становится достаточно важным для установления контакта, реализации воздействия и даже манипуляции.

В рамках данного диссертационного исследования мы проанализируем идеологемы в выступлениях Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша и министра иностранных дел России Сергея Лаврова на 76 сессии Генеральной Ассамблеи. Выясним, как идеологемы способствуют структурированию и объяснению окружающей политической реальности, выработке мировоззрения, эмоциональному воздействию на аудиторию, а также установим их взаимосвязь с эмоциями ораторов.

Антониу Гутерриш и Сергей Лавров обратились к мировым лидерам с важным посылом – человечество переживает кризис за кризисом и при этом продолжает двигаться к краю пропасти. Ораторы бьют тревогу и призывают мир пробудиться. Пандемия, конфликты, изменение климата, возрастающее неравенство и многое другое упоминается в ходе выступления. Безусловно, Антониу Гутерриш и Сергей Лавров заостряют внимание не только на проблемах, которые люди сами и создали, но и на том, какими способами их возможно решить. Именно в данных контекстах было выявлено множество идеологем, используемых с тем, чтобы донести до мирового сообщества установку на сотрудничество, взаимное доверие и надежду, а также вдохновить на принятие неотложных мер.

В первую очередь приведем примеры основных идеологем из выступления Антониу Гутерриша [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655620/>], обозначим эмоции, которые выражаются в данных примерах, необходимые для эмоционального воздействия и убеждения.

1. *“Peace. Human rights. Dignity for all. Equality. Justice. Solidarity. Like never before, core values are in the crosshairs.”* – «Мир. Права человека. Достоинство для всех. Равенство. Справедливость. Солидарность. Как никогда прежде, основные ценности находятся под ударом».

Идеологемы: peace, human rights, dignity, equality, justice, solidarity.

Выражаемые эмоции: тревога, волнение. Оратор обеспокоен тем, что происходящие события в мире противостоят универсальным ценностям.

2. *“We face a moment of truth. Now is the time to deliver. Now is the time to restore trust. Now is the time to inspire hope.”* – «Мы встречаем момент истины. Настало время действовать. Настало время восстановить доверие. Настало время вселить надежду».

Идеологемы: truth, trust, hope.

Выражаемые эмоции: оптимистичный настрой, воодушевление, чувство убежденности, вера в лучшее. Оратор выражает оптимизм, продвигает идеи взаимодоверия, веры и надежды.

3. *“We must bridge the peace divide.”* – «Мы должны стремиться к миру».

Идеологема: peace.

Выражаемые эмоции: заинтересованность, воодушевление. Оратор призывает к диалогу, сотрудничеству и взаимопониманию для того, чтобы избежать непредсказуемых последствий.

4. *“We must bridge the climate divide.”* – «Мы должны преодолеть климатический кризис».

Идеологема: climate (climate crisis).

Выражаемые эмоции: ощущения угрозы, опасения, но при этом готовность к действиям. Оратор продвигает идею борьбы с изменением

климата, перехода к «зеленой» экономике, сокращения выбросов и адаптации к климатическим изменениям.

5. *“We must bridge the gap between rich and poor, within and among countries.”* – *«Мы должны преодолеть разрыв между богатыми и бедными внутри стран и между ними».*

Идеологема: gap between rich and poor (inequality).

Выражаемые эмоции: возмущение, обеспокоенность. Оратор предлагает облегчить долговое бремя развивающихся стран и покончить с отмыванием денег, уклонением от уплаты налогов и незаконными финансовыми потоками.

6. *“We must bridge the gender divide.”* – *«Мы должны преодолеть гендерный разрыв».*

Идеологема: gender (equality).

Выражаемые эмоции: заинтересованность, решимость. Оратор продвигает идею гендерного равноправия, утверждает, что в странах, где мужчины и женщины находятся в равном положении, царит мир и стабильность.

7. *“This is our time. A moment for transformation. An era to re-ignite multilateralism. An age of possibilities.”* – *«Это наше время. Момент преобразования. Эпоха возрождения многосторонности. Эпоха возможностей».*

Идеологемы: our time, transformation, multilateralism, age of possibilities.

Выражаемые эмоции: воодушевление, оптимизм. Оратор снова продвигает идею сотрудничества, взаимного доверия, верит в то, что есть возможности построить благополучное будущее.

Рассмотрим примеры основных идеологем из выступления Сергея Лаврова на 76 Генассамблеи, таким же образом обозначим эмоции, которые выражаются в данных примерах, необходимые для эмоционального воздействия и убеждения. Следует отметить, что все нижеперечисленные идеологемы заключают в себе главную идею – совместными усилиями

международное сообщество сможет решать сложные вопросы. Министр продвигает идею укрепления международного сотрудничества на основе ООН, призывает отказаться от силовых и любых других методов навязывания своей модели развития, напоминает о важности работать на благо человечества.

1. *«Для России очевидно, что эффективно противостоять вызовам и угрозам можно лишь солидарными усилиями в строгом соответствии с общепризнанными нормами международного права, прежде всего – целями и принципами Устава ООН»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Идеологема: солидарные усилия.

Выражаемые эмоции: заинтересованность, оптимизм.

2. *«Всемирная организация должна играть в глобальной политике центральную координирующую роль, в полной мере раскрывая свой уникальный потенциал универсальной многосторонности и легитимности»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Идеологемы: многосторонность и легитимность.

Выражаемая эмоция: надежда.

3. *«Перед лицом глобальных вызовов мировому сообществу необходимо единение, а не новый раскол»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Идеологема: единение.

Выражаемые эмоции: заинтересованность, вера, вдохновение.

4. *«Россия твердо выступает за отказ от любой конфронтации и стереотипов, за объединение усилий для решения ключевых задач развития и выживания человечества»* [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Идеологемы: отказ от конфронтации и стереотипов, объединение усилий, развитие, выживание.

Выражаемые эмоции: воодушевление, оптимистичный настрой.

5. «Мы разные, но это не должно мешать нам работать на благо наших народов и всего человечества» [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/>].

Идеологемы: благо народов и всего человечества.

Выражаемые эмоции: воодушевление, оптимизм.

Итак, проанализированные нами выступления имеют сходства. Значительное количество идеологем в рамках указанных контекстов являются эмоционально-маркированными, по большей части имеют положительные коннотации и ориентированы на будущее. Это объясняется тем, что Генеральная Ассамблея представляет собой моральный авторитет для мирового сообщества. Данный орган отображает мировое общественное мнение относительно решений главных международных проблем, стремится обеспечить общую установку, нацеленную на создание более справедливого мира. Рассмотренные нами идеологемы в выступлениях Антониу Гутерриша и Сергея Лаврова передают эти идеи, способствуют эмоциональному воздействию, легко закрепляются в сознании людей.

Таким образом, опираясь на данные примеры и проведенный анализ, мы предлагаем следующую классификацию идеологем, которая актуальна в рамках выступлений в ООН:

1) **идеологемы-лозунги** – это обращения, выражающие идею, своего рода инструкцию для адресатов касательно приемлемости тех или иных действий по отношению к окружающей общественно-политической реальности, а также, оказывающее особое эмоциональное воздействие, способствующее формированию благоприятной основы для поддержания новых установок. *Ключевые характеристики* – выразительность, сжатость, эмотивность;

2) **всеобщие идеологемы** – обращения, выражающие идею, которая воспринимается одинаково представителями разных политических движений, а также, имеющая актуальность на всем протяжении развития общества. *Ключевые характеристики* – ясность, насущность, актуальность;

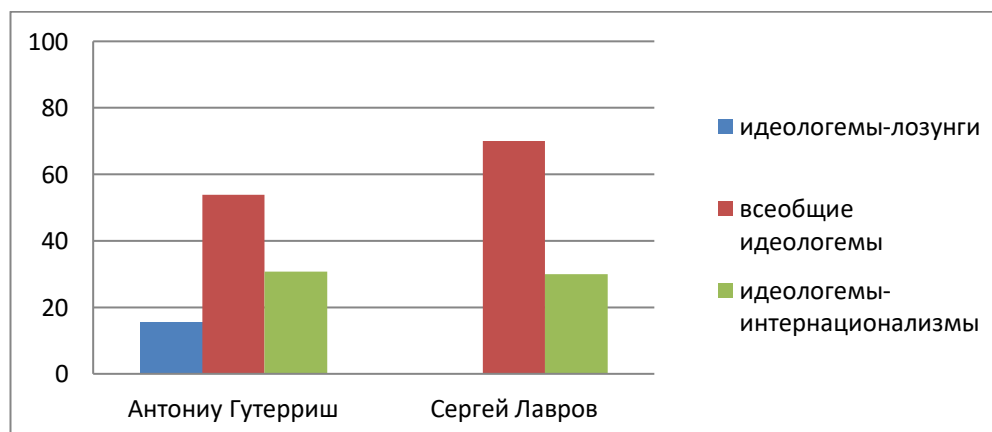
3) *идеологемы-интернационализмы* – обращения, выражающие идею, актуальную для человечества в целом, известную во всех странах, а также входящую в международный лексический фонд. *Ключевые характеристики* – общепонятность, злободневность.

С помощью количественного анализа подведем итоги. В выступлении Антониу Гутерриша было выявлено всего 13 идеологем, в выступлении Сергея Лаврова – 10 идеологем. Идеологемы-лозунги были выявлены только в выступлении Антониу Гутерриша (2 случая употребления, 15,38 % – 1) “*We face a moment of truth. Now is the time to deliver. Now is the time to restore trust. Now is the time to inspire hope.*”; 2) “*This is our time. A moment for transformation. An era to re-ignite multilateralism. An age of possibilities.*”).

Всеобщие идеологемы были выявлены в выступлении Антониу Гутерриша (7 случаев употребления, 53,85 % – *peace, human rights, dignity, equality, justice, gap between rich and poor (inequality), gender equality*), а также в выступлении Сергея Лаврова (7 случаев употребления, 70% – *солидарные усилия, многосторонность, единение, объединение усилий, развитие, выживание, благо народов и всего человечества*).

Идеологемы-интернационализмы были выявлены в выступлении Антониу Гутерриша (4 случая употребления, 30,77 % – *solidarity, climate crisis, transformation, multilateralism*), а также в выступлении Сергея Лаврова (3 случая употребления, 30% – *легитимность, отказ от конфронтации и стереотипов*).

Диаграмма 4. Процентное соотношение идеологем

Опираясь на проведенный анализ, мы предполагаем, что идеологема – это общепонятная идея, идеологически окрашенная, ориентированная на будущее, выражающая эмоции говорящего, а также направленная на эмоциональное воздействие слушающего.

3.3 Особенности идиостиля англо- и русскоговорящих политиков в аспекте эмоционального воздействия

Идиостиль – это оригинальное, неповторимое проявление языковой личности, внешняя форма выражения внутренней сущности (менталитета, ценностных установок, национально-культурных и индивидуально-личностных характеристик), реализуемая индивидуальным комплексом лингвориторических средств [Агрба, 2020, с. 115]. В нашей работе мы более подробно остановимся на особенностях идиостиля политика, что подразумевает индивидуальный авторский стиль политика в выражении своей позиции и использовании ключевых концептов, необходимых для эмоционального воздействия.

Изучая специфику идиостиля, специалисты в области политической лингвистики обращаются к характерным чертам речи конкретных политиков, обращая особое внимание не только на стилистические, лексико-семантические, риторические и другие приемы, но и на мировоззренческие установки, транслирующие систему ценностей. Политики умеют пользоваться знаками и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, что является залогом их успеха в обретении поддержки целевой аудитории. Вслед за В.В. Виноградовым мы считаем, что ценность определяется как «идеальное образование, представляющее собой важность предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида, выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Виноградов, 2007, с. 93]. А.Л. Севастьянова считает, что «ценности объединяются в сознании субъекта в сложную иерархически упорядоченную систему,

называемую ценностной системой» [Севастьянова, 2018, с. 10]. При этом ценности, существующие внутри ценностной системы, имеют подвижный характер, т.е. одна и та же ценность может являться индивидуально-личностной, социальной или общечеловеческой [Севастьянова, 2018, Там же].

Итак, идиостиль основан на принципе взаимообусловленности языка и общества, языка и культуры. Политические деятели своими выступлениями возводят мосты между целыми государствами и нациями. Вместе с тем политические лидеры могут определять оценку граждан по отношению различных политических ценностей, идеалов и норм, а также политики побуждают массы на проявление инициативности и деятельности. В публичном выступлении политик является транслятором ценностей, он ориентируется на народ в целом, поэтому ценности, присутствующие в его речах, максимально унифицированы, близки и понятны всем слушающим [Фалилеев, 2009, с. 3-4]. Иначе говоря, политическое публичное выступление есть «культурное пространство, которое посредством языка, стилистических приемов, эмоциональности, экспрессивности, компонента оценочности отражает культуроментальную специфику, характер и особенности доминирующего политического режима, динамику и направленность политических процессов конкретной страны» [Фалилеев, 2009, с. 8].

В рамках нашего исследования мы подробно изучим идиостилевые особенности русскоязычных и англоязычных политиков, проявляющиеся в использовании ключевых ценностных смыслов. Кроме того, выявим взаимосвязь этих смыслов с эмоциональным воздействием.

В речи президента США Дональда Трампа на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.) [URL: <https://media.un.org/en/asset/k13/k13104y3cu>], были выявлены следующие идиостилевые особенности:

1) Выражение гордости за свою нацию, акцент внимания на ценностях современной Америки:

Оригинал

Перевод (здесь и далее перевод наш)

- *“America will always be a leader in human rights. American prosperity is the bedrock of freedom and security all over the world.”*
- *«Америка всегда будет лидером в сфере прав человека. Процветание Америки – это основа свободы и безопасности во всем мире».*

2) Категория «свой-чужой», речевая агрессия, обвинения, обращение к ООН с оттенком упрека в происходящем:

Оригинал

Перевод

- *“We have waged a fierce battle against the invisible enemy -- the China Virus -- which has claimed countless lives in 188 countries.”*
- *«Мы ведем отчаянное сражение с невидимым врагом, китайским вирусом, который унес бесчисленное число жизней в 188 странах».*
- *“As we pursue this bright future, we must hold accountable the nation which unleashed this plague onto the world: China.”*
- *«Стремясь к такому светлому будущему, мы должны привлечь к ответственности страну, которая распространила эту чуму по миру – Китай».*
- *“The Chinese government, and the World Health Organization -- which is virtually controlled by China -- falsely declared that there was no evidence of human-to-human transmission. Later, they falsely said people without symptoms would not spread the disease. The United Nations must hold China accountable for their actions.”*
- *«Китайское правительство и Всемирная организация здравоохранения, которая фактически контролируется Китаем, делали ложные заявления об отсутствии свидетельств передачи вируса от человека к человеку. Позже они лгали, что люди, не имеющие симптомов заболевания, не являются его переносчиками. ООН должна привлечь Китай к ответственности за его действия».*

3) Самопрезентация, акцентирует внимание на себе как успешном президенте, а также на успехах своей администрации:

Оригинал

Перевод

- *“As President, I have rejected the failed approaches of the past - and I am proudly putting America First, just as you should be putting your countries first.”*
- *«Как президент США я отверг безуспешные подходы прошлого и с гордостью ставлю на первое место Америку – так же, как и вам следует ставить на первое место свои страны».*
- *“My administration is advancing religious liberty, opportunity for women, the decriminalization of homosexuality, combatting human trafficking, and protecting unborn*
- *«Моя администрация продвигает свободу вероисповедания, возможности для женщин, декриминализацию гомосексуальности, борьбу с*

children.”

торговлей людьми и защиту
неродившихся детей».

4) Использование аффективов “*I only pray to God*”, “*God Bless*” у которых ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ лексического значения является единственным:

Оригинал	Перевод
<ul style="list-style-type: none">• “<i>We are stronger now than ever before, our weapons are at an advanced level like we’ve never had before, like frankly we’ve never even thought of having before, and I only pray to God that we never have to use them.</i>”	<ul style="list-style-type: none">• «Мы сильнее, чем когда-либо ранее. Никогда еще у нас не было настолько современного вооружения – мы себе даже такого не представляли. И я молю Бога, чтобы нам не пришлось его применять».
<ul style="list-style-type: none">• “<i>Thank you, God Bless you all. God Bless America. And God Bless the United Nations.</i>”	<ul style="list-style-type: none">• «Благодарю вас. Благослови вас Бог. Благослови Бог Соединенные Штаты. И благослови Бог Организацию Объединенных Наций».

Таким образом, мы видим, что речь Дональда Трампа достаточно яркая и эффективная. Упоминая ценности свободы, прав человека, безопасности, он уверенно убеждает слушателей в мировом лидерстве США, с гордостью перечисляет множество достижений своей администрации, выражает искреннюю заинтересованность благополучной жизни в своей стране. В то же время, мы наблюдаем, как Дональд Трамп целенаправленно обвиняет другие государства в мировых кризисах, акцентирует внимание на их проблемах и выражает эмоциональное отношение, оценку к происходящему, пытаясь призвать аудиторию поддержать его.

Обратимся к анализу речи премьер-министра Канады Джастина Трюдо на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.) [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/>]:

1) Выражается беспокойство из-за современных кризисов в мире, оратор призывает учиться на ошибках прошлых поколений и улучшать условия жизни:

Оригинал

- *“Our parents and grandparents remember all too well what things were like in the 30s and the 40s.”*
- *“We had a system – we had a generation – that learned from crisis and set us on a better path. In their era, those systems worked. But that was 50, 60, 70 years ago. Today, all those institutions no longer serve us well enough on what they were designed for – defending multilateralism and international law. Protecting human rights and open markets.”*

Перевод (здесь и далее перевод наш)

- *«Наши родители, бабушки и дедушки слишком хорошо помнят, что было в 30-х и 40-х годах».*
- *«У нас была система – у нас было поколение, которое училось в условиях кризиса и вывело нас на путь к лучшей жизни. В их эпоху эти системы работали. Но это было 50, 60, 70 лет назад. Сегодня все эти институты уже недостаточно хорошо служат нам для достижения той цели, для которой они были созданы – защиты многосторонности и международного права. Защиты прав человека и открытых рынков».*

2) Оратор признает, что в трудностях, с которыми сталкиваются граждане, есть вина институтов. Призывает решить эту проблему, защищать права граждан, равноправие:

Оригинал

- *“Too often, concerted action is blocked – the needs of our citizens are denied – as a result of gridlock at decision-making bodies.”*
- *“Putting some people ahead of others does not work. A healthier, cleaner, more equal future cannot be the privilege of a lucky few. It must be the right of us all.”*

Перевод

- *«Очень часто в результате отсутствия слаженности в работе административных органов согласованные действия блокируются, и, следовательно, игнорируются потребности наших граждан».*
- *«Подход, когда предпочтение отдается одним людям в ущерб другим, не работает. Здоровое, равноправное и чистое будущее не может быть привилегией лишь немногих счастливиц. Это должно быть нашим всеобщим правом».*

3) Выражается сожаление из-за невозможности коллективно принимать решения, идти на риски, бороться. На первый план выдвигаются идеи сотрудничества и взаимопомощи для решения глобальных проблем:

Оригинал

- *“We are in deadlock. We need to recognize where we are. The system is broken. The world is in crisis. And things are about to get much worse unless we change.”*
- *“Right now, we have a chance – not a big chance, but a chance – to shift course. To realize that the only way through this is together.”*
- *“In other words, let’s not wait for someone else to act. Let’s do it ourselves. Each one of us, here in these United Nations. Each one of us uniting around a shared future.”*

Перевод

- *«Ситуация безвыходная. Мы должны осознать, где мы находимся. Нынешняя система исчерпала себя. Мир в кризисе. И если все останется, как есть, ситуация еще больше ухудшится».*
- *«Сейчас у нас есть возможность – пусть и небольшая, но все же есть – изменить курс. Осознать, что только совместными усилиями мы можем решить эту задачу».*
- *«Иными словами, не будем ждать, пока за нас это сделает кто-то другой. Давайте все сделаем сами. Все, кто представлен в ООН. Все, кто готов объединить усилия на благо общего будущего».*

4) Акцентируется внимание на миротворческой деятельности Канады, на том, что Канада стояла у истоков создания Организации и не перестанет поддерживать ее:

Оригинал

- *“Canada has always supported the work of agencies like UNICEF, the World Food Programme, and the UNHCR. Not only will we keep supporting these efforts, we’ll keep increasing our international assistance budget every year.”*
- *“As Canadians – a trading nation where we trace our origins to every corner of the planet – we know that we are in this together.”*

Перевод

- *«Канада всегда поддерживала и будет поддерживать работу таких учреждений, как ЮНИСЕФ, Всемирная продовольственная программа и УВКБ ООН. Мы будем не только продолжать поддерживать их усилия, но и ежегодно увеличивать объем ассигнований, выделяемых из нашего бюджета на оказание международной помощи».*
- *«Мы, канадцы, торговая нация и являемся потомками граждан-выходцев со всех уголков планеты, поэтому мы знаем, что мы не одиноки».*

Таким образом, речь Джастина Трюдо отличается искренностью и открытостью. Он не пытается скрыть эмоции, выражает тревогу, беспокойство, надежду на благополучное будущее. Честно заявляет о проблемах или недостатках правительств, призывает к переменам, миру во

всем мире. Джастину Трюдо удастся привлечь внимание слушателей и завоевать их доверие.

Анализ речи президента России Владимира Путина на 75 Генеральной Ассамблеи ООН (2020 г.) [URL: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/>], позволил выявить следующие особенности:

1) Подчеркиваются принципы межгосударственного общения, акцентируется внимание на целях ООН, с которыми организация справляется, несмотря на сложности и вызовы. Основной посыл заключается в прогрессе, адаптации к реалиям современного мира, который становится все более многомерным и многополярным.

- *«Убежден, нынешний юбилей обязывает нас вспомнить о зафиксированных в Уставе ООН непреходящих принципах межгосударственного общения, а отцы-основатели Всемирной Организации сформулировали их предельно четко и недвусмысленно. Это равенство суверенных государств, невмешательство в их внутренние дела, право народов самим определять свою судьбу, отказ от угрозы или применения силы, политическое урегулирование споров».*
- *«...и ООН достойно выполняет свою главную миссию – беречь мир, содействовать устойчивому развитию народов и континентов, помогать в преодолении локальных кризисов. Этот колоссальный потенциал и опыт ООН востребован и служит хорошей основой для того, чтобы идти вперед».*

2) Затрагивается тема пандемии COVID-19. Перечисляя трудности, с которыми столкнулись многие люди, оратор выражает свое огорчение:

- *«Мы все столкнулись и с принципиально новым вызовом – пандемией коронавируса. Болезнь прямо затронула миллионы людей, унесла самое дорогое – сотни тысяч человеческих жизней. Карантины, закрытие границ, создание многочисленных тяжёлых проблем для граждан практически всех государств – всё это реалии сегодняшнего дня. Особенно это тяжело для людей старших поколений, которые из-за вынужденных ограничений порой неделями, а то и месяцами не могли обнять своих близких, детей, внуков».*

3) Говоря о глобальном экономическом кризисе и проблемах в сфере здравоохранения, оратор четко заявляет, что необходимо принимать новые меры, действовать сообща, укреплять роль гуманитарной, человеческой составляющей в многосторонних отношениях:

- *«Но уже сейчас очевидно, что восстанавливать глобальную экономику предстоит долго, очень долго. Причем далеко не всегда будут работать прежде*

опробованные антикризисные меры. Потребуются новые, нестандартные решения».

- *«Что касается здравоохранения, то здесь сейчас, как и в экономике, нужно максимально снимать преграды для партнёрства».*
- *«Выработать их мы можем только вместе, и это – важнейшая задача как для ООН, так и для государств «двадцатки» и, конечно, для других ведущих межгосударственных организаций и интеграционных объединений, которые из-за последствий пандемии также переживают не лучшие времена и нуждаются в принципиально новых горизонтах и масштабах развития».*

4) Подчеркиваются достижения России в борьбе с пандемией, а также ее заинтересованность в оказании помощи всем нуждающимся государствам:

- *«Накопленный научный, производственный потенциал, клинический опыт российских врачей позволили оперативно разработать линейку тестсистем и медицинских препаратов для выявления и лечения коронавируса, а затем и зарегистрировать первую в мире вакцину – Спутник-V».*
- *«Наша страна принимала и принимает активное участие в глобальных и региональных усилиях по борьбе с COVID-19, оказывает помощь наиболее пострадавшим государствам, как на двусторонней основе, так и по линии многосторонних форматов».*
- *«Вновь повторю, мы абсолютно открыты и настроены на партнёрство. Готовы делиться нашим опытом и продолжать взаимодействовать со всеми государствами и международными структурами, в том числе это касается поставок в другие страны российской вакцины, доказавшей свою надежность, безопасность и эффективность».*

Необходимо отметить, что Владимир Путин, будучи опытным политиком, в большей степени проявляет самообладание и последовательность. Тем не менее, когда речь заходит о поддержании духа союзничества, международного мира, безопасности, борьбы с пандемией, то со стороны оратора наблюдается прямолинейность, выражение искренности, беспокойства и стремление оперативно решить проблемы. Демонстрируя перечисленные эмоции, президенту успешно удастся заинтересовать слушателей и получить их поддержку.

Итак, сконцентрировав внимание на идиостилевых особенностях русскоязычных и англоязычных политиков, проявляющихся в использовании ключевых ценностных смыслов, необходимых для эмоционального воздействия, мы выявили, что в речи Дональда Трампа затрагиваются следующие ключевые смыслы: *свобода, патриотизм, единство, США как*

сильное и передовое государство. Что касается Джастина Трюдо, то на протяжении всего выступления он освещает следующие концепты: *равноправие, свобода, безопасность, мир, мультикультурализм.* Владимир Путин выделяет следующие ключевые смыслы: *развитие, сотрудничество, безопасность, сила духа, решительность.*

Безусловно, политики выражают эмоции относительно обсуждаемых вопросов для того, чтобы вызвать конкретные реакции у адресатов и оказать на них эмоциональное воздействие. Проведенный анализ показал, что Дональд Трамп, упоминая другие государства, зачастую выражает недовольство, возмущение и угрозы, уверенно обвиняет их в глобальных кризисах. И, напротив, говоря о своей стране, американский президент выражает положительные эмоции, например, воодушевление и оптимизм. Джастин Трюдо является самым щедрым на эмоции политиком в рамках нашего анализа. Мы наблюдаем его искренность, честность и открытость на протяжении всего выступления. Поначалу Джастин Трюдо акцентирует внимание на глобальных кризисах, выражает обеспокоенность и тревогу буквально за каждого гражданина мира. Затем мы наблюдаем, как Джастин Трюдо показывает свою надежду и воодушевление, чтобы эффективнее убедить мировое сообщество. В результате проведенного анализа выяснилось, что Владимир Путин проявляет сдержанность, самоконтроль, спокойную рассудительность, его речи свойственна точность и обоснованность, акцент на позитивный, открытый диалог с мировым сообществом [Уафа, 2022, с. 2-3]. Таким образом, вышеперечисленные эмоции способствуют успешному эмоциональному воздействию на слушателей.

Выводы к главе 3

1. Тропы объединяют все виды переносных наименований в речи, способствуют созданию образности и экспрессивности в языке, а также

выражают авторскую индивидуальность. Тропеический механизм представляет собой технику переносов, в основе которой лежат образность, выразительность, полисемия. Принимая во внимание все вышеперечисленные идеи, мы считаем, что современные политики прибегают к помощи тропов для эффективного воздействия и выражения своих эмоций, а также оценок. При помощи своей речи они создают некий образ, зачастую стимулируют при этом воображение слушателя. Рассмотрев отрывки из выступлений трех политических лидеров (Сергея Лаврова, Бориса Джонсона и Дональда Трампа) на сессиях Генассамблеи ООН, мы выявили основные разновидности тропов, а именно метафору, сравнение, гиперболу и эпитеты. При помощи данных приемов выразительности политики выражают положительные и отрицательные эмоции, дают свои оценки, предлагают пути решения обозначенных проблем, оживляют свои выступления и усиливают прагматический эффект высказывания.

2. Идеологема – это общепонятная идея, идеологически окрашенная, ориентированная на будущее, выражающая эмоции говорящего, а также направленная на эмоциональное воздействие слушающего. Рассмотрев идеологемы в выступлении Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша и министра иностранных дел Сергея Лаврова на 76 сессии Генеральной Ассамблеи, мы выяснили, что идеологемы способствуют структурированию и объяснению окружающей политической реальности, выработке мировоззрения, воздействию на аудиторию, а также они взаимосвязаны с эмоциями оратора. К основным видам идеологем мы относим: идеологемы-лозунги, всеобщие идеологемы, идеологемы-интернационализмы. По большей части они имеют положительные коннотации, поскольку Генеральная Ассамблея является моральным авторитетом для мирового сообщества и отображает мировое общественное мнение касательно решений главных международных проблем, стремится обеспечить общую установку, нацеленную на создание более справедливого мира.

3. Идиостиль – это оригинальное, неповторимое проявление языковой личности, внешняя форма выражения внутренней сущности (менталитета, ценностных установок, национально-культурных и индивидуально-личностных характеристик), реализуемая индивидуальным комплексом лингвориторических средств. Мы рассмотрели особенности идиостиля политика, что подразумевает индивидуальный авторский стиль политика в выражении своей позиции и использовании ключевых концептов, необходимых для эмоционального воздействия. Политики умеют пользоваться знаками и понятиями, входящими в ценностную парадигму общества, что является залогом их успеха в оказании эмоционального воздействия и обретении поддержки целевой аудитории. Сконцентрировав внимание на идиостилевых особенностях русскоязычных и англоязычных политиков, проявляющихся в использовании ключевых ценностных смыслов, необходимых для эмоционального воздействия, мы выявили, что в речи Дональда Трампа затрагиваются следующие ключевые смыслы: *свобода, патриотизм, единство, США как сильное и передовое государство*. Что касается Джастина Трюдо, то на протяжении всего выступления он освещает следующие концепты: *равноправие, свобода, безопасность, мир, мультикультурализм*. Владимир Путин выделяет следующие ключевые смыслы: *развитие, сотрудничество, безопасность, сила духа, решительность*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению вербальных и невербальных способов репрезентации эмотивности в современном англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

Язык создает политику и любая политическая деятельность невозможна без эмоциональной составляющей, необходимой для осуществления конкретной политической цели. Из этого следует, что эмотивность реализуется посредством комплекса вербальных и невербальных средств в англо- и русскоязычном политическом дискурсе.

В первую очередь, проведенный анализ научной литературы показал, что эмотивность – это средство выражения эмоциональности, которое отвечает за воздействие на эмоциональную, неинтеллектуальную сферу психики человека. Язык предоставляет человеку множество разнообразных средств вербализации эмоций на всех языковых уровнях. Мы рассмотрели средства выражения эмоций на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях. Относительно морфологического уровня установлено, что экспрессивные или эмоционально-окрашенные аффиксы (уменьшительные, уничижительные, пейоративно-оценочные) являются главными средствами репрезентации эмоций. К основным средствам выражения эмоций на синтаксическом уровне относят инверсию, повторы, парентезу, парцелляцию, риторический вопрос, эллипсис и др. Лексические средства позволяют назвать, описать и выразить эмоции. В целом, многими учеными рассматриваются эмотивы-номинативы, эмотивы-ассоциативы, эмотивы-экспрессивы, как значимые средства репрезентации эмоций в языке и речи. Если сравнить вышеуказанные языковые уровни, то можно предположить, что лексические и синтаксические средства являются более продуктивными в выражении эмоций, поскольку морфологические средства зачастую лишь только дополняют и усиливают эмотивность других языковых уровней. Кроме того, различные эмоциональные состояния могут

быть отражены и неязыковыми средствами (жестикуляция, мимика, интонация, позы, зрительный контакт и др.). Такие средства необходимы для полного понимания высказывания, поскольку раскрывается именно эмоциональный аспект речи.

Далее были описаны особенности политического дискурса. Под политическим дискурсом мы понимаем реализацию языка политики, воплощение в речи средств и особенностей национального языка, которые используются в рамках политической деятельности. В рамках нашего исследования мы рассмотрели публичные выступления политических лидеров на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН (2018-2022 гг.), которые относятся к институциональному типу политического дискурса, а также представляют собой статусно-индексальное общение. Публичным выступлениям в ООН характерны прагматико-речевое воздействие с целью убеждения, следовательно, основными функциями выступлений в рамках нашего исследования являются: информативная, побудительная и эмотивная. Политические публичные выступления в ООН являются отражением идеологических предпочтений страны, которые представляют политические лидеры. В центре таких выступлений – насущные вопросы текущей политической конъюнктуры. Институциональная организация такого дискурса соответствует конвенциям международных встреч политических лидеров, однако, максимальный эффект в публичном выступлении достигается, когда политики в некоторой степени выходят за рамки привычных конвенций для воздействия на разные типы адресатов. По этой причине политические речи все чаще включают яркую стилистическую окраску, обращения к эмоциям.

В плане выражения эмотивность представлена в политическом дискурсе преимущественно языковыми актуализаторами эмоций. Англоговорящие политические деятели выражают эмоции с помощью синтаксического уровня, в то время как русскоговорящие – с помощью лексического уровня. При помощи данных вербальных средств реализации эмотивности политики информируют аудиторию, вызывая эмоции у

коммуникантов, а также побуждают их к действиям и осуществляют конкретные политические цели. Опираясь на проведенный анализ, можно сделать вывод о том, что в 90% проанализированных нами выступлений англоговорящих политиков были использованы синтаксический повтор, парцелляция, инверсия, асиндетон, в 50% – лексический повтор и парентеза, в 25% – морфемный повтор и эллиптические конструкции. В выступлениях русскоговорящих политиков были обнаружены эмотивы-аффективы – 42,4%, эмотивы-коннотативы – 30,3%, эмотивы-потенциативы – 27,3%.

В работе также освещается вопрос невербальных эмотивных знаков, их декодирования и ключевой роли для выражения эмотивности. Необходимо учитывать тот факт, что между вербальными и невербальными знаками эмоций наблюдается взаимосвязь. Языковые эмотивные знаки образуют более самостоятельную систему, которая в большинстве случаев не нуждается в подкреплении со стороны других знаковых систем. Однако невербальные симптомы чувств играют вспомогательную роль, поскольку они подчеркивают и дополняют значение языковых эмотивов, а также обеспечивают необходимую для эффективного воздействия интерпретацию. Рассмотрев невербальные эмотивные знаки в выступлениях Джасинды Ардерн, Джо Байдена и Сергея Лаврова, было установлено, что с их помощью политические лидеры показывают свою заинтересованность, выражают эмоции, придают значимость сказанным словам. Важно, что для более успешного воздействия невербальные знаки применяются не по отдельности, а одновременно. В дискурсе русскоязычных политиков наблюдается низкая частота употребления невербальных знаков, поскольку они способствуют лишь умеренному выражению эмоций, которые сопровождают некоторые главные мысли говорящего. В дискурсе англоязычных политиков, напротив, наблюдается высокая частота употребления невербальных знаков, поскольку говорящий стремится передать весь спектр переживаемых эмоций и придать впечатляющий эффект сказанным словам.

Более того, в рамках нашего исследования предполагается, что современные политики для оказания влияния на аудиторию в своих высказываниях прибегают к помощи тропов. Важно заметить, что помимо воздействия, тропы позволяют политикам выразить как свои эмоции, так и вызвать их у аудитории. При помощи своей речи они создают некий образ, зачастую стимулируют при этом воображение слушателя. Основными разновидностями тропов в выступлениях на Генассамблеях являются метафора, сравнение, гипербола и эпитеты. Мы рассмотрели метафору в выступлениях Сергея Лаврова, сравнение и гиперболу в выступлении Бориса Джонсона, эпитеты в выступлении Дональда Трампа. Анализ показал, что перечисленные тропы являются не только средствами красноречия, но и эффективными средствами эмоционального воздействия. Они используются при обсуждении широкого пласта проблем, необходимости убедить слушателей, вызвать как положительные эмоции, так и отрицательные.

Идеологемы занимают важное место в выступлениях на Генассамблеях ООН, поскольку позволяют реализовать категорию эмотивности и ее воздействующий потенциал. В ходе анализа мы уточнили понятие идеологемы, а также выделили ряд наиболее распространенных идеологем (идеологемы-лозунги, всеобщие идеологемы и идеологемы-интернационализмы). На наш взгляд, идеологема – это общепонятная идея, идеологически окрашенная, ориентированная на будущее, выражающая эмоции говорящего, а также направленная на эмоциональное воздействие слушающего. Мы определили, как идеологемы способствуют структурированию и объяснению окружающей политической реальности, выработке мировоззрения, воздействию на аудиторию, а также установили их взаимосвязь с эмоциями оратора. В большинстве случаев рассмотренные идеологемы имеют положительные коннотации и ориентированы на будущее. Это объясняется тем, что Генеральная Ассамблея является моральным авторитетом для мирового сообщества, отображает мировое общественное мнение касательно решений главных международных

проблем, стремится обеспечить общую установку, нацеленную на создание более справедливого мира.

В нашей работе мы рассмотрели особенности идиостиля политика, что подразумевает индивидуальный авторский стиль политика в выражении своей позиции и использовании ключевых концептов, необходимых для эмоционального воздействия. Изучая специфику идиостиля, специалисты обращаются к характерным чертам речи конкретных политиков, обращая особое внимание не только на стилистические, лексико-семантические, риторические и другие приемы, но и на мировоззренческие установки, транслирующие систему ценностей. Идиостилевые особенности русскоязычных и англоязычных политиков проявляются в использовании ключевых ценностных смыслов, а также взаимосвязи этих смыслов с эмотивностью. Анализируя речи политиков на Генассамблеях ООН, мы уделили особое внимание ценностям, которые они продвигают, а также рассмотрели различия в реализации воздействующего потенциала эмотивности при обсуждении тех или иных ценностей. Так, Дональд Трамп заостряет внимание на следующих ценностях: свобода, права человека, патриотизм, единство американского народа. При этом политик выражает лишь положительные эмоции, чтобы эффективнее убедить слушателей в мировом лидерстве США. В речи Джастина Трюдо подчеркиваются следующие ценности: равноправие, свобода, безопасность, мир, мультикультурализм. Выступление Джастина Трюдо отличается открытостью, он искренне выражает свои эмоции, обеспокоенность, надежду на благополучное будущее, тем самым привлекает внимание слушателей и завоевывает их доверие. Владимир Путин подчеркивает в своей речи следующие ценности: развитие, сотрудничество, безопасность, сила духа, решительность. Во время выступления президент проявляет спокойствие и самообладание. Однако при обсуждении ключевых тезисов, мы наблюдаем искренность, беспокойство и стремление оперативно решить проблемы.

Демонстрируя перечисленные эмоции, президенту успешно удастся заинтересовать слушателей и получить их поддержку.

Таким образом, в ходе работы над настоящей диссертацией проведено многоаспектное исследование способов репрезентации эмотивности на материале выступлений англоговорящих и русскоговорящих политических деятелей на Генассамблеях ООН с 2018 по 2022 гг. Данное исследование открывает широкие перспективы разработки заявленной проблематики. Так, представляется перспективным дальнейшее изучение эмотивности в различных жанрах политического дискурса. Значимым видится изучение эмоций в конкретных политических ситуациях, их влияние на политическое поведение и политические процессы. Предложенный в ходе исследования анализ способов репрезентации эмотивности может быть использован для разработки теории, систематизирующей особенности и функции политических эмоций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: ФАН, 1973. – 405 с.
2. Агрба, Л.А. Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В.Г. Ардзинбы) / Л.А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 114-131.
3. Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка / Г.Н. Акимова. – М., 1990. – 168 с.
4. Александрова, О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка / О.В. Александрова. – М.: Высшая школа, 1984. – 211 с.
5. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–65.
6. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2002. – 648 с.
8. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 340 с.
9. Афанасенко, Е.В. Семантический повтор в политическом дискурсе (на материале русского и английского языков): автореф. ... канд. филол. наук / Е.В. Афанасенко. – Саратов, 2006. – 20 с.
10. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
11. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Иностран. лит., 1961. – 201 с.

12. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М.: Знание, 1991. – 64 с.
13. Барышникова, Г.В. Гендерные различия эмоциональной компоненты во французской художественной коммуникации (на материале литературы XVII-XX веков): автореф. дис. ... канд.филол. наук / Г.В. Барышникова. – Волгоград, 2004. – 24 с.
14. Береговская, Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э.М. Береговская. – М.: Рохос, 2004. – 208 с.
15. Блох, М.Я. Средства эмоционального воздействия политических выступлений / М.Я. Блох, Н.А. Резникова // Вестник ТГПУ. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – 2006. – № 9 (60). – С. 14-19.
16. Болотов, В.И. Проблемы теории эмоциональности воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В.И. Болотов. – М., 1986. – 35 с.
17. Бондарко, А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1976. – 255 с.
18. Бородянская, Е.А. Использование тропов для речевого воздействия в информационных программах современного телевидения / Е.А. Бородянская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 232-235.
19. Босова, Л.М. Эмотивность политического дискурса / Л.М. Босова, А.Н. Диденко // Евразийский Союз Ученых. – 2018. – № 7 (52). – С. 40-42.
20. Будагов, Р.А. Язык и речь в кругозоре человека / Р.А. Будагов. – М.: Добросвет, 2000. – 304 с.
21. Бутовская, М.Л. Язык тела: природа и культура (эволюционные и кросс-культурные основы невербальной коммуникации человека) / М.Л. Бутовская. – М.: Научный мир, 2004. – 440 с.
22. Л.Ю.Буянова, Ю.П.Нечай. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 232 с.

23. Вилсон, Г., Макклафлин, К. Язык жестов, путь к успеху / Г. Вилсон, К. Макклафлин. – Издательство: Питер, 2001. – 224 с.

24. Виноградов, С.Н. К лингвистическому пониманию ценности / С.Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 2007. – С. 93-97.

25. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – Изд. 2-е, доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с. (Лингвистическое наследие XX века.)

26. Воробьева, О.И. Политическая лингвистика. Современный язык политики / О.И. Воробьева. – М.: Издательство ИКАР, 2008. – 296 с.

27. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) [Текст] / М.В. Гаврилова. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 294 с.

28. Ганина, В.В. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект / В.В. Ганина, Ф.И. Карташкова. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. – 205с.

29. Гейвандян, Л.Э. Лингвистика эмоций – новая отрасль языкознания / Л.Э. Гейвандян // Язык и перевод в меняющемся мире: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. – С. 56-60.

30. Гималетдинова, Г.К. Экспрессивность именных суффиксальных дериватов в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г.К. Гималетдинова. – Казань, 2005. – 24 с.

31. Горбачева, Е.В. Политический дискурс как механизм формирования государственно-гражданских отношений: автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.В. Горбачева. – М., 2007. – 24 с.

32. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / Отв. ред. В.Н. Ярцева; Предисл. В.И. Карасика. Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 112 с.

33. Гридин, В.Н. Экспрессивность / В.Н. Гридин // Лингвистический энциклопедический словарь / подгот. Г.В. Якушева [и др.]; гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Рос энцикл., 2002. – С. 591.

34. Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван. Дейк; под ред. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

35. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.

36. Ергалиева, С.Ж. Политический дискурс в текстодериватологическом аспекте (на материале российских и казахстанских интернет-сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / С.Ж. Ергалиева. – Кемерово, 2018. – 274 с.

37. Жгун, Д.А. Языковые средства передачи эмоционально-оценочных обертонов в художественном дискурсе (на примере англоязычной прозы): дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Жгун. – Барнаул, 2021. – 211 с.

38. Желтухина, М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М.Р. Желтухина. – Москва, 2004. – 48 с.

39. Зотова, А.Б. К вопросу о соотношении категорий «Эмоциональность», «Эмотивность», «Экспрессивность» / А.Б. Зотова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – Т. 50, № 6. – С. 14-17.

40. Иванова, С.В. Актуальные проблемы лингвокультурологических исследований // Система языка: синхрония и диахрония: Межвузовский сборник научных статей. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – С. 267–273.

41. Илинская, А.С. Грамматические маркеры эмоциональности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.С. Илинская. – Барнаул, 2007. – 19 с.

42. Илинская, А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке / А.С. Илинская // Ползуновский вестник. – 2006. – № 3. – С. 98-105.
43. Ильин, Е.П. Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб: Питер. 2001. – С. 752.
44. Ионова, С.В. Лингвистика эмоций – наука будущего / С.В. Ионова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (134). – С. 124–131.
45. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Ионова. – Волгоград, 1998. – 197 с.
46. Исхакова, З.З. Морфологические средства выражения эмоциональности в мужских и женских текстах (на материале английского языка) / З.З. Исхакова // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14, № 13. – С. 788-791.
47. Казаринова, Н.В. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / Н.В. Казаринова, О.И. Матьяш, В.М. Погорьша, и др.; под науч. ред. О.И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
48. Калимуллина, Л.А. Семиотическая сущность невербального эмоционального кода и специфика его номинации (на материале славянских языков) / Л.А. Калимуллина // Przegląd Wschodnioeuropejski. – 2013. – № 4. – С. 533-545.
49. Карамова, А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): автореф. ... канд. филол. наук / А.А. Карамова. – Уфа, 2013. – 43 с.
50. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
51. Карпов, А.К. Морфология современного русского языка: учебное пособие / А.К. Карпов. – 3-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – 202 с.

52. Карпова, Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения / Ю.А. Карпова // Вестник Пермского университета. – 2011. – № 4 (6). – С. 73-79.

53. Касевич, В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 309 с.

54. Киселева, А.В. Языковая репрезентация отрицательных эмоций в невербальном поведении лиц различного социального статуса (на материале англоязычных художественных текстов XX-XI вв.): автореф. дис. ... канд.филол. наук / А.В. Киселева. – Нижний Новгород, 2019. – 23 с.

55. Клушина, Н.И. Теория идеологем / Н.И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2014. – №4(50). – С. 54-58.

56. Коваленко, Г.Ф. Термин «Экспрессивность»: когнитивные аспекты / Г.Ф. Коваленко // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2016. – № 2(23). – С. 9-16.

57. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – 8-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2020. – 464 с.

58. Копытина, Н.Н. Аффиксация как средство передачи субъективного отношения в современном французском аргю / Н.Н. Копытина, Н.И. Купина // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 21(270). – С. 45-54.

59. Коростова, С.В. Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей / С.В. Коростова // Изв. Южного федерального унта. Филол. науки. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 3. – С. 92-107.

60. Коростова, С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии / С.В. Коростова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №103. – С. 85-92.

61. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

62. Крылова, О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.1. Теория: учеб. пособие. / О.А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
63. Кубрякова, Е.С. Когнитивные аспекты морфологии / Е.С. Кубрякова // Язык: теория, история, типология. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 22-27.
64. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Уч. пос. для ин-тов и фак. иностр. яз.– 3-е изд., стереотип./А.В. Кунин. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.
65. Купина, Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н.А. Купина. – Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 144 с.
66. Купина, Н.А. Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. Вып. 1. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. [Отв. ред. Л.П. Крысин]. – М.: «Азбуковник», 2000. – С. 182-189.
67. Лабунская, В.А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход) / В.А. Лабунская. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов, ун-та, 1986. – С. 5-35.
68. Лаврова, А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи: на материале американских предвыборных теледебатов: автореф. дис. ... канд.филол. наук / А.А. Лаврова. – Нижний Новгород, 2010. – 18 с.
69. Лакина, Н.Ю. Аффиксальные способы языковой манифестации актантов в английском языке / Н.Ю. Лакина // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – № 1. – С. 62-64.
70. Ленько, Г.Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий / Г.Н. Ленько // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1, № 1. – С. 84-91.
71. Лопаткина, С.В. Контекстуальное взаимодействие тропов в современном русском литературном языке (на материале художественной и публицистической речи): автореф...дис. кан. филол. наук / С.В. Лопаткина. – Абакан.: 2004. – 28 с.

72. Лукьянова, Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблема семантики) / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 79 с.

73. Лучинская, Е.Н. Формирование медийной картины мира в информационном обществе / Е.Н. Лучинская // Вестник ПГУ. – 2019. – № 4. – С. 114-116.

74. Лучинская, Е.Н. Лингвопрагматика нарратива Homo Ludens в литературно-художественном дискурсе / Е.Н. Лучинская, Ю.Н. Кучерявых // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – 2022. – № 4. – С. 41-47.

75. Ляшева, М.Н. Функционирование идеологем в современном развлекательном интернет-дискурсе: дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Ляшева. – Ростов-на-Дону, 2019. – 173 с.

76. Малышева, Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. – № 4 (30). – С. 32-40.

77. Маслова, В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В.А. Маслова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1 (24). – С. 43- 48.

78. Мечковская, Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: курс лекций учеб. пособие для студ. филол., лингв, и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с.

79. Митина, Л.М. Психологическая подготовка учителя: учебное пособие для вузов / Л.М. Митина. – 2-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 216 с. – (Высшее образование).

80. Морозов, В.П. Язык эмоций и эмоциональный слух. Избранные труды 1964–2016 / В.П. Морозов – Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. – 398 с.

81. Мурясов, Р.З. Избранные труды по германскому и сопоставительному языкознанию / Р.З. Мурясов. – Уфа: изд-во БашГУ, 1998. – 310 с.
82. Нахимова, Е.А. Идеологема «Сталин» в современной массовой коммуникации / Е.А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2011а. – № 2. – С. 152 – 156.
83. Никитин, М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях / М.В. Никитин // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. *Studia Linguistica*. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 6–22.
84. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие по направлению Филологическое образование / М.В. Никитин. – Российский гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. – 819 с.
85. Олешков, М.Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект / М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил, 2006. – 146 с.
86. Орлова, Н.Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект (на материале современной английской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Н. Орлова. – Ростов-на-Дону, 2009. – 26 с.
87. Пильгун, Е.В. Лингвистические и социокультурные особенности политического дискурса американского варианта английского языка / Е.В. Пильгун. – Минск: РИВШ, 2016. – 75 с.
88. Покровская, Н.В. Колоративные тропы в современном англоязычном массмедийном тексте / Н.В. Покровская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 3455-3461.
89. Радбиль, Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова: монография / Т.Б. Радбиль. – М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
90. Реформатский, А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. – М.: Изд. дом «Аспект-Пресс», 1996. – 536 с.

91. Реформатский, А.А. Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии / А.А. Реформатский. – М.: Наука, 1979. – 103 с.
92. Сажина, Е.В. «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий / Е.В. Сажина, Д.С. Семак // Эпоха науки. – 2019. – № 20. – С. 571-574.
93. Севастьянова, А.Л. Прагмалингвистический анализ ценностно-событийного дискурса (на материале выступлений политических лидеров США): автореф...дис. кан. филол. наук / А.Л. Севастьянова. – Москва.: 2018. – 30 с.
94. Сегал, Н.А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение): дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Сегал. – Краснодар, 2019. – 422 с.
95. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 630 с.
96. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
97. Синеокова, Т.Н. Парадигматика эмоционального синтаксиса: (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.Н. Синеокова. – Москва, 2004. – 40 с.
98. Степанов, Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
99. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.
100. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998 – 288 с.
101. Телия, В.Н. Экспрессивность // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.; Дрофа, 1997 – С. 637-638.

102. Тимофеев, С.Е. Специфика идеологизации составных наименований в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / С.Е. Тимофеев. – Брянск, 2021. – 220 с.
103. Туманова, Е.О. Вербализация идеологем в лозунгах ГДР / Е.О. Туманова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2021. – № 1. – С. 178-181.
104. Турбина, О.А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий / О.А. Турбина // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. – 2013. – Т. 10, № 2. – С. 4-9.
105. Уафа, Л.Э. Дифференциация понятий эмотивности, эмоциональности, экспрессивности и оценочности / Л.Э. Уафа // Филология в системе современного гуманитарного знания: сб. науч. тр. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 223-228.
106. Уафа, Л.Э. Лингвокультурологические особенности эмотивности в политическом дискурсе / Л.Э. Уафа // Russian Linguistic Bulletin. – 2022. – № 6 (34). – С. 1-4.
107. Уафа, Л.Э. Морфологические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи / Л.Э. Уафа // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник материалов VII Междунар. науч. конф. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2022. – С. 137-141.
108. Фалилеев, А.Е. Политический текст как феномен культуры (лингвокультурологический анализ): автореф...дис. кан. культурологии / А.Е. Фалилеев. – Саранск.: 2009. – 27 с.
109. Фресс, П. Экспериментальная психология / П. Фресс; пер. с фр. И. Кружилина, М. Малеева. – 12-е изд. – СПб. [и др.]: Питер, 2003. – 159 с.
110. Хазагеров, Г.Г. Политическая риторика / Г.Г. Хазагеров. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
111. Чайковский, Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса / Р.Р. Чайковский // Уч.

записки МГПИИЯ им. М. Горького. Вопросы романо-германской филологии. – М., 1971. – Т. 64. – С. 196–200.

112. Чернявская, В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учебное пособие / В.Е. Чернявская. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.

113. Чудинов, А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 53–59.

114. Чудинов, А.П. Очерки по современной политической метафорологии: монография / А.П. Чудинов. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 176 с.

115. Чудинов, А.П. Современная политическая коммуникация: учебное пособие / отв. ред. А.П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2009. – 292 с.

116. Шапочкин, Д.В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореф. дис.... канд. филол. наук / Д.В. Шапочкин. – Тюмень, 2005. – 24 с.

117. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. – М.: ЛКИ, 2008. – 208 с.

118. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

119. Шаховский, В.И. Обоснование лингвистической теории эмоций / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2019. – № 1 (39). – С. 22-37.

120. Шаховский, В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики / отв. ред. С.Б. Берлизон. Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ин-та, 1975. – Вып. 2. – С. 3–25.

121. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: «Гнозис», 2004. – 326 с.

122. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 31 с.
123. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук / Е.И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 440 с.
124. Эбзеева, Ю.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) / Ю.Н. Эбзеева, Г.Н. Ленъко // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 1. – С. 142-151.
125. Brader, T. Campaigning for hearts and minds: how emotional appeals in political ads work / T. Brader. – Chicago, IL: University of Chicago Press. – 2006. – 280 p.
126. Chilton, A. Paul. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. – London, UK: Routledge. – 2004. – 226 p.
127. Chilton, A. Paul, Schäffner C. Politics as text and talk: analytic approaches to political discourse / P. Chilton, C. Schäffner. – John Benjamins Publishing Company. – 2002. – Vol. 4. – 246 p.
128. Fairclough, N. Genres in Political Discourse / N. Fairclough // Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. K. Brown. – Oxford, Elsevier, 2005. – P. 32-38.
129. Gennaro, G., Ash E. Emotion and reason in political language / G. Gennaro, E. Ash // The Economic Journal. – 2021. – Vol. 132. – P. 1037-1059.
130. Goldin-Meadow, S., Brentari, D. Gesture, sign, and language: The coming of age of sign language and gesture studies / S. Goldin-Meadow, D. Brentari // Behavioral and Brain Sciences. – 2017. – Vol. 40. – P. 1-60.
131. Goldin-Meadow, S., Wagner, M.A. Gesture's Role in Speaking, Learning, and Creating Language / S. Goldin-Meadow, M.A. Wagner // Annual Review of Psychology. – 2013. – Vol. 64. – P. 257-283.

132. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223 p.

133. Liebes, T., Ribak, R. A mother's battle against TV news: a case study of political socialization / T. Liebes, R. Ribak // Discourse and Society. – 1991. – Vol. 2. – P. 202-222.

134. Marcus, G.E. Emotions in politics / G.E. Marcus // Annual Review of Political Science. – 2000. – Vol. 3 – P. 221-250.

135. Pavlenko, A. Emotion and emotion-laden words in the lexicon / A. Pavlenko // Bilingualism: Language and Cognition. – № 11 (2), 2008. – P. 147–164.

Словари, справочники, энциклопедии

136. Академик. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 15.02.2022)

137. Национальная психологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vocabulary.ru/termin/emocionalnost.html> (дата обращения: 26.01.2023)

138. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm#221> (дата обращения: 26.01.2023)

Материал языкового исследования

139. Australia - Prime Minister Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563381/> (дата обращения: 25.10.2022)

140. Canada - Chair of Delegation Addresses General Debate, 74th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2460/2460740/> (дата обращения: 04.11.2022)

141. Canada - Prime Minister Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563349/> (дата обращения: 04.11.2022)

142. Denmark - Prime Minister Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563312/> (дата обращения: 15.11.2022)

143. European Union - President Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2562/2562800/> (дата обращения: 23.11.2022)

144. General Assembly of the United Nations. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/ga/> (дата обращения: 14.04.2023)

145. New Zealand - Chair of Delegation Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2564/2564905/> (дата обращения: 14.04.2023)

146. New Zealand - Prime Minister Addresses General Debate, 77th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2938/2938180/> (дата обращения: 14.04.2023)

147. Russia - Minister for Foreign Affairs Addresses General Debate, 73rd Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2249/2249262/> (дата обращения: 10.12.2022)

148. Russia - President Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2560/2560722/> (дата обращения: 10.12.2022)

149. Russian Federation - Minister for Foreign Affairs Addresses General Debate, 74th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2458/2458930/> (дата обращения: 10.12.2022)

150. Russian Federation - Minister for Foreign Affairs Addresses General Debate, 76th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2659/2659482/> (дата обращения: 10.12.2022)

151. Russian Federation - Minister for Foreign Affairs Addresses General Debate, 77th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2939/2939033/> (дата обращения: 14.04.2023)

152. UN Secretary-General Addresses General Debate, 76th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655620/> (дата обращения: 15.03.2023)

153. United Kingdom - Prime Minister Addresses General Debate, 74th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2454/2454867/> (дата обращения: 15.12.2022)

154. United Kingdom - Prime Minister Addresses General Debate, 75th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2563/2563620/> (дата обращения: 20.12.2022)

155. United Kingdom - Prime Minister Addresses General Debate, 76th Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2657/2657241/> (дата обращения: 20.12.2022)

156. United States - President Addresses General Debate, 73rd Session.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2243/2243805/> (дата обращения:
12.01.2023)

157. United States - President Addresses General Debate, 74th Session.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2453/2453808/> (дата обращения:
12.01.2023)

158. United States - President Addresses General Debate, 75th Session.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://media.un.org/en/asset/k13/k13l04y3cu> (дата обращения: 12.01.2023)

159. United States of America - President Addresses General Debate, 77th
Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2935/2935807/> (дата обращения:
14.04.2023)

160. United States- President Addresses General Debate, 76th Session.
[Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.unmultimedia.org/avlibrary/asset/2655/2655703/> (дата обращения:
14.04.2023)